

ISSN 2712-8407

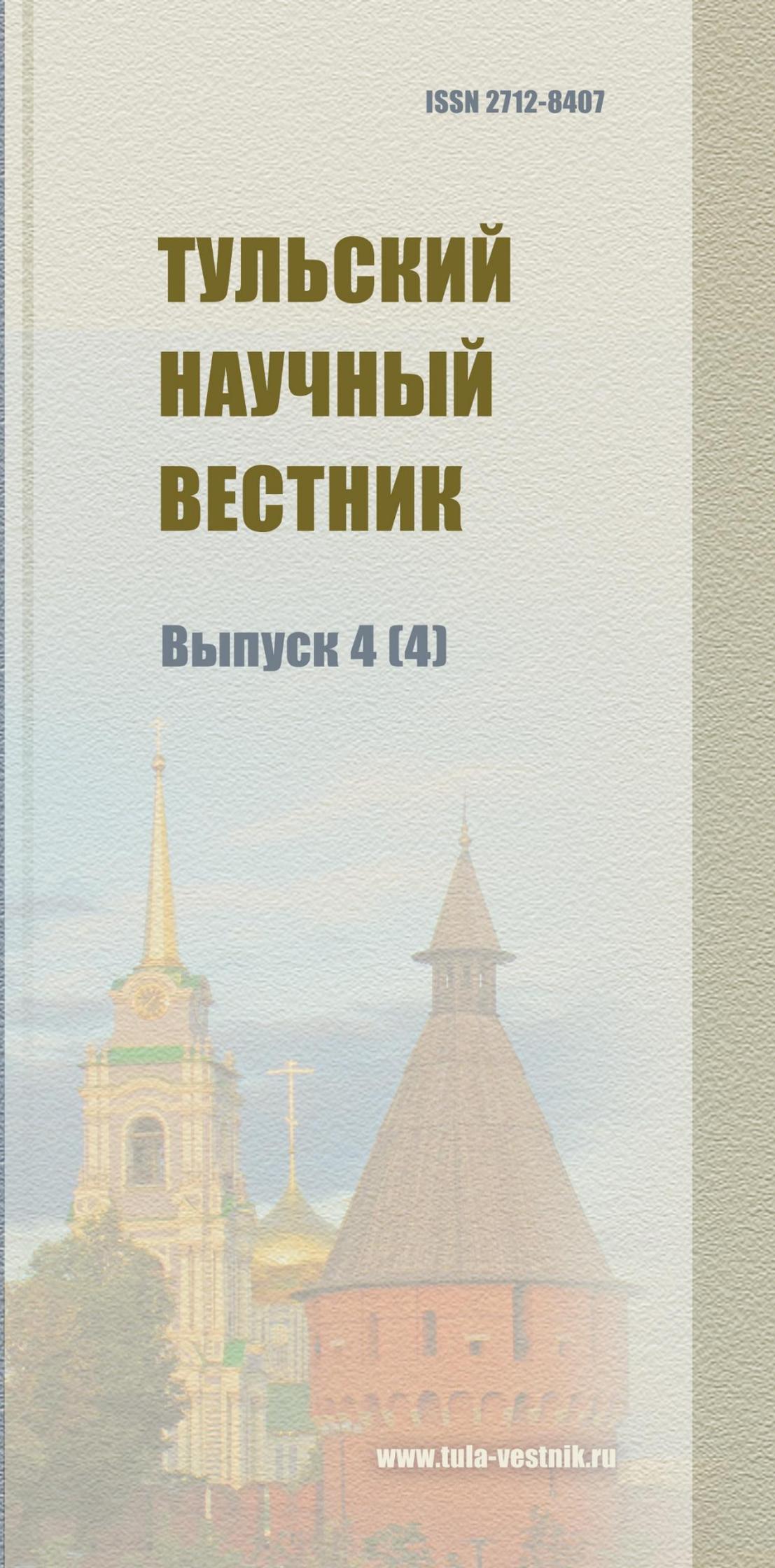
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 4 (4)

2020

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 4 (4)

**Тула
2020**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 4 (4)

Дата выхода в свет: 29.12.2020 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора** –
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.
Свидетельство о регистраци
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2020
© Авторы статей, 2020

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Мозучева М. Р.* К вопросу о типологии хозяйственных комплексов на территории Боспорского царства в III – IV вв. н.э. **6**
- Бурцева Е. Е.* Цеховое устройство и корпоративное самоуправление ремесленников в городах Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. **14**
- Сафронова М. О.* Детская смертность в Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. **25**
- Смирнов Ю. Ф.* Снабжение тульских рабочих в годы первой пятилетки **36**
- Мартынова Е. П.* Трудовые мигранты в Тульской области: реакции местного населения и перспективы интеграции **46**

ПАМЯТИ УЧЁНОГО.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Н. ТЕЛИЯ

- Василенко А. П.* Устойчивые выражения в развитии монологической речи на неродном языке **56**
- Ковшова М. Л., Орлова О. С.* К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования **70**
- Николина Н. А., Петрова З. Ю.* Ихтионимы в составе антропоцентрических компаративных конструкций русской художественной речи **80**
- Огольцева Е. В.* Шёлк, бархат и атлас (образы тканей в системе устойчивых сравнений) **92**
- Постовалова В. И.* Человек как микротеос в православном мирозерцании и пути его восхождения к обожению (опыт концептуального осмысления) **110**
- Тарасов Е. Ф.* К проблеме общности сознаний коммуникантов **128**
- Трошина Н. Н.* Социально-функциональная стратификация языка и вербальная динамика лингвокультурного сообщества **136**

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020.

Published 4 times a year

Issue 4 (4)

Released on December 29, 2020

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:

**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Mass media are registered in
Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2020
© Authors of articles, 2020

**Address of the founder
and the editorial office:**

**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tsput.ru**

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Address of the publisher:
**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru**

TABLE OF CONTENTS

SOCIO-ECONOMIC HISTORY

- Mogucheva M. R.* On the typology of economic complexes on the territory of the Bosporan Kingdom in the 3rd – 4th centuries ad **6**
- Burtseva E. E.* Workshop system and corporate craft worker's self-administration in the cities of the Tula province on the turn of the 19th – 20th centuries **14**
- Safronova M. O.* The child mortality rate in the Tula province in the late 19th – early 20th centuries **25**
- Smirnov Y. F.* Supply system of tula workers during the first five-year plan **36**
- Martynova E. P.* Migrant workers in the Tula region: responses of the local population and prospects of integration **46**

MEMORY OF THE SCIENTIST.

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V. N. TELIA

- Vassilenko A. P.* Phraseological expressions in the development of monological speech in a non-native language **56**
- Kovshova M. L., Orlova O. S.* On the semantic structure of riddles. Cognitive and culturalological comment as a means of research **70**
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu.* Ichthionyms in the composition of anthropocentric comparative constructions of the russian literature **80**
- Ogoltseva E. V.* Silk, velvet and satin (images of fabrics in the system of stable comparisons) **92**
- Postovalova V. I.* Human being as a microtheos in orthodox christian worldview and the ways of human movement towards theosis **110**
- Tarasov E. F.* On the issue of communicants' common consciousness **128**
- Troshina N. N.* Socio-functional stratification of language and verbal dynamics of language community **136**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, России);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,

Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,

Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology,
Professor (Plovdiv University Paisii Hilendarski,
Plovdiv, Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor
of Pedagogical, Associate Professor (University
of Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University,
Sichuan, China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Дата поступления статьи: 17.12.2020
Дата решения о публикации: 23.12.2020

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ НА ТЕРРИТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В III – IV ВВ. Н.Э.

М. Р. Могучева

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Аннотация. Изучение истории любого государства всегда затрагивает его экономику, которая является одним из наиболее важных факторов его развития. Боспорское царство являлось крупнейшей греческой колонией в Северном Причерноморье. Располагалось оно по обеим сторонам Керченского пролива. В данной статье рассматриваются экономическое развитие и разновидности хозяйственных комплексов Боспорского государства, их общая структура, характерные черты, присущие каждому описанному хозяйственному образованию, а также их роль в обеспечении как внутреннего рынка государства, так и в обеспечении внешних торговых взаимоотношений. Среди важных составляющих элементов хозяйственных комплексов рассматриваются такие, как, например, хозяйственные ямы и глиняные бочки-пифосы, используемые в сельском хозяйстве, прессы и давилни в винодельческих хозяйствах, или же рыбозасолочные ванны, комплекс которых располагался на берегу Керченского пролива в районе боспорского города Тиритака. В процессе описания комплексов выделяются наиболее значимые и крупные отрасли экономики Боспорского государства, такие, как сельское хозяйство, виноградарство, рыболовство, ремесло, описываются особенности организации экономической деятельности в данных сферах экономики, занятость населения в тех или иных процессах, влияние географических условий на экономику, какие виды продукции использовались жителями царства и какие производились на экспорт. В статье, помимо перечисленных отраслей, затрагиваются огородничество, садоводство и животноводство. Также приводится описание кризисных процессов в экономике Боспора в позднюю античность и их влияние на развитие производства, затрагивается тема взаимодействия с варварскими государствами, приводится информация о процессе натурализации хозяйства Боспорского царства, его переориентации на внутренний рынок.

Ключевые слова: Боспорское царство, экономика, хозяйственный комплекс, сельское хозяйство, виноградарство, рыболовство, садоводство, огородничество, животноводство, экономический кризис, натуральное хозяйство.

UDC 94(3)
LBC 63.3(0)3

Date of receipt of article: 17.12.2020
Date of publication decision: 23.12.2020

ON THE TYPOLOGY OF ECONOMIC COMPLEXES ON THE TERRITORY OF THE BOSPORAN KINGDOM IN THE 3rd – 4th CENTURIES AD

M. R. Mogucheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Abstract. *The study of the history of any state always affects its economy, which is one of the most important factors of its development. The Bosporan Kingdom was the largest Greek colony in the Northern black sea region. It was located on both sides of the Kerch Strait. This article examines the economic development and varieties of economic complexes of the Bosporan state, their General structure, characteristic features inherent in each described economic entity as well as their role in ensuring both the internal market of the state and external trade relations. Among the important components of economic complexes there are, for example, economic pits and clay barrels-pithos used in agriculture, wine presses used in wineries, fish salting baths the complex of which was located on the shore of the Kerch Strait in the area of the Bosporan city of Tyritake. During the description of the complexes, the article highlights the most significant and major sectors of the economy of the Bosporan state, such as agriculture, viticulture, fishing, craft. The author describes the features of the organization of economic activity in these sectors of the economy, employment in those or other processes, the influence of geographical conditions on the economy, the types of products used by the inhabitants of the Kingdom, and the ones produced for export. In addition to these industries, the article deals with gardening, horticulture and animal husbandry. The author also describes the crisis processes in the economy of Bosporus in late antiquity and their impact on the development of production, addresses the topic of interaction with barbarian States, and provides information about the process of naturalization of the economy of the Bosporan Kingdom, its reorientation to the domestic market.*

Keywords: *Bosporan Kingdom, Economics, economic development, agriculture, viticulture, fishing, gardening, horticulture, animal husbandry, economic crisis, natural economy.*

В процессе изучения истории любого государства нельзя обойти стороной изучение его экономики: наличие и уровень развитости хозяйственных отраслей, организацию сельского хозяйства, ремесленного производства, степень занятости населения в экономических отношениях, как внутри государства, так и вне его. Вопрос экономического развития Боспорского царства занимает одну из ведущих позиций в отечественной историографии античности. На современном этапе развития исторической науки, археологические раскопки помогли существенно расширить источниковую базу для изучения экономики Боспорского государства в общем и хозяйственных комплексов в частности. Несмотря на актуальность исследования экономики древних обществ, обобщающих работ еще недостаточно, чтобы выявить классификацию хозяйственных комплексов и использовать ее в дальнейшем изучении истории Древнего мира и истории экономики. Акцент на расположение и структуру комплексов позволяет не только аккумулировать опыт советской и российской историографии, но и существенно его дополнить.

Боспорское государство было одним из крупнейших греческих государственных образований в Северном Причерноморье на протяжении нескольких веков: с V века до н.э. и до VI века н.э. Оно располагалось по обе стороны Боспора Киммерийского (ныне – Керченский пролив) и состояло из европейской (Восточный Крым, Керченский полуостров) и азиатской (Таманский полуостров и примыкающие территории) частей. Древние греки проводили границу между Европой и Азией по этому проливу. В процессе развития экономики Боспорского царства выделялись наиболее крупные и значимые ее отрасли и происходило формирование хозяйственных комплексов.

Под понятием «хозяйственный комплекс» мы подразумеваем совокупность элементов, связанных производством продукции одного вида. На формирование хозяйственных комплексов влияют, в первую очередь, физико-географические условия, а также этносоциальные особенности проживающего на этой территории населения. Соотнеся археологические и письменные источники, мы можем выявить степень распространения тех или иных комплексов на территории Боспора, а также их роль в обеспечении внутреннего рынка государства и в развитии внешнеэкономических связей.

Изучая археологические источники, мы можем выделить несколько типов хозяйственных образований на Боспоре. Наиважнейший сектор экономики

Боспорского царства – сельское хозяйство. Главную роль в сельском хозяйстве играло земледелие, и, в первую очередь, производство зерна, которое было основным продуктом экспорта. О столь высокой роли сельского хозяйства нам говорят и многочисленные зерновые ямы, найденные в процессе археологических раскопок в городах, сельских поселениях и усадьбах Боспора [6, с. 80–83]. Развитию земледелия способствовали плодородные почвы, которыми обладал Боспор в восточной части Крыма, а также благоприятные условия в Прикубанье, в Придонье. Страбон сообщал, что к востоку от Феодосии следует «плодородная область, которая тянется до Пантикапея, столицы боспорцев», и что «вся эта земля богата хлебом (Strab., VII, 4, 4). Обнаруженные при раскопках в европейской и азиатской части Боспора зерна позволяют сделать вывод о том, что основными культурами на Боспоре были пшеница, ячмень и просо [5, с. 94].

В процессе развития данной отрасли экономики формировались целые хозяйственные комплексы, которые включали в себя, помимо пашни, многочисленные постройки для хранения и обработки зерна, разнообразную тару для транспортировки и орудия труда земледельцев. К последним мы, в первую очередь, можем отнести плуг и серп. Также использовались различные каменные зернотерки, ступы и ручные мельницы с каменными жерновами. Для просеивания муки использовались сита. Все это в большом количестве находят археологи в процессе археологических изысканий как в городских, так и в сельских поселениях и усадьбах.

Хлебное зерно хранилось обычно в зерновых ямах или в пифосах – больших глиняных сосудах. Ямы-зернохранилища могли располагаться в доме, во дворе, вблизи хлебного производства. Стенки ямы могли обмазываться глиной и обжигаться для предотвращения попадания влаги в зернохранилище. В зависимости от размера и предназначения устья ям закрывались каменными плитами или дощатыми крышками [5, с. 95].

Рядом с зернохранилищами нередко располагались печи для просушки зерна и пекарни, о чем свидетельствуют находки золы и обгоревшие камни в определенных помещениях. Выпечка хлеба была сложным и трудоемким занятием, поэтому чаще всего на производствах больших масштабов ею занимались рабы. Однако, при раскопках частных домов нередко встречаются обломки глиняных сковород, использовавшихся для выпечки домашнего хлеба.

Земледелие на Боспоре занимало ведущую роль и, не смотря на различные экономические кризисы, возникающие в государстве, хлеб продолжал оставаться не только основным продуктом внутреннего потребления, но и основным продуктом экспорта [3, с. 180].

Нельзя не отметить развитие виноградарства на Боспоре. Если поначалу греки возили вино в свою колонию, то, по прошествии довольно непродолжительного времени, жители Боспорского государства сами начали выращивать виноград и производить вино. Уже в III в. до н.э. климат в Северном Причерноморье, по предположению археологов, поменялся, и стало возможным выращивать некоторые виды винограда. В частности, Страбон упоминает об одном определенном сорте винограда с лозой, дающей мелкие плоды и нуждающейся в земляном покрытии зимой (Strab., II, 1, 16: VII, 3, 18). По другой версии, развитию виноградарства способствовало экономическое развитие государства и его контакты с греческим и варварским миром. Тогда же на Боспоре начали распространяться винодельческие хозяйства, которые включали в себя винодельни, оборудованные давяльными, прессом и вместительными резервуарами для вина. Вино производилось не только для собственного потребления, но и для продажи варварским соседям. Лишь в позднеантичное время сократилось производство вина, на фоне общей натурализации хозяйства, но окончательно этот промысел заброшен не был [2, с. 84].

Винодельни располагались как в городах, так и в сельских поселениях Боспора, на территории усадеб. Неподалеку располагались и виноградники, так как

транспортировка винограда могла осуществляться лишь на небольшое расстояние (до четырех часов). В ряде боспорских городов, например, в Горгии, Мирмекии, Тиритаке, винодельческие хозяйства группировались в одном определенном месте, образуя целый винодельческий квартал [4, с. 191]. Винодельческий хозяйственный комплекс включал в себя виноградники и винодельни. В начале нашей эры выделяются три типа виноделен. Первый тип представлен винодельнями в Кехах (I в. н.э.) и в Тиритаке (III – IV вв. н.э.). Находились винодельни в четырехугольных зданиях с кровлей и имели по три давящих площадки с примыкающими к ним резервуарами. Виноград давили как ногами, так и прессом, отжатый сок стекал в цистерны через специальные сливы, встроенные в кладку стенок цистерн. Поверхности виноделен были покрыты несколькими слоями цемянки – известковым раствором для кладки стен с кирпичной или керамической крошкой. Второй тип представлен тиритакской винодельней II – III вв. н.э., в которой было четыре резервуара, не примыкающих к единственной давящей площадке. Поверхность так же была покрыта цемянкой. И третий тип просматривается в винодельне Пантикапея II – III вв. н.э., которая находилась в прямоугольном здании с двумя резервуарами и тремя давящими площадками. Общим у боспорских виноделен было наличие давящих площадок, резервуаров-цистерн, погребов. Во многих винодельнях встречались различного вида прессы.

Несмотря на то, что не все земли были пригодны для разведения винограда, виноделие играло хоть и второстепенную, но важную роль в экономике Боспора [10, с. 187].

Еще одной важной отраслью экономики Боспора, которая повлияла на появление определенных хозяйственных комплексов, было рыболовство. Рыба составляла значительную часть рациона различных слоев населения Боспора, а соленая рыба была продуктом экспорта, о чем свидетельствуют археологические и письменные источники. Известно сочинение греческого писателя Архестрата, посвященное соленой рыбе Боспорского государства, но до наших дней оно не дошло и упоминает о нем другой автор, Афиней (Athen., VII, 21). Рыболовством промышляли на Боспоре во многих прибрежных поселениях, но одним из важнейших районов рыбного промысла был Керченский пролив [5, с. 110]. О масштабах размаха данного промысла мы можем судить благодаря обнаруженным в Тиритаке (небольшой город вблизи Пантикапея) остаткам очень крупного производства по заготовке соленой рыбы. Комплекс относится к I – III вв. н.э. и представлен многочисленными рыбозасолочными цистернами (ваннами) [11, с. 93–95]. Техника сооружения рыбозасолочных цистерн не отличается разнообразием – вырытый в земле котлован обкладывали каменными плитами, дно застилали каменным бутом, ставили перегородки, а затем все покрывали цемянкой. Глубина цистерн была, в основном, около двух метров. Из рыбозасолочных ванн рыбу перекладывали в пифосы и крупные амфоры. Возможно, распространение на Боспоре очень крупных остродонных амфор было связано как раз с производством и экспортом соленой рыбы. Помимо засолки рыбы, ее сушили, вялили, и, вероятно, коптили. Судя по костям, найденным при раскопках, среди добываемых для промысла видов рыбы встречались осетровые, окуневые, карповые [9, с. 210].

Население Боспора занималось не только ловлей рыбы, но и добычей мидий, о чем свидетельствуют их створки, найденные в мусорных свалках поселений.

Также, помимо цистерн и помещений, предназначенных для засолки и обработки рыбы, были найдены многочисленные крючки, грузила для неводов, ножи для разделки рыбы, приспособления для починки сетей.

Рыбным промыслом была занята достаточно большая часть населения приморских городов и поселений, и на протяжении всей истории Боспора рыболовство играло большую роль в его экономике.

Ремесленное производство было значимой отраслью экономики любого государства античности, и Боспор не являлся исключением и поражал разнообразием ремесел. Самыми распространенными были гончарное и металлообрабатывающее ремесло.

Керамические хозяйственные комплексы располагались почти во всех городах Боспора, в усадьбах и сельских поселениях встречались домашние мастерские. В государстве изготавливались столовая и кухонная посуда, черепица и строительная керамика, различные виды амфор и пифосов, краснолаковая керамика, простые и расписные предметы обихода и многое другое [1, с. 162]. О керамическом производстве на Боспоре нам позволяют узнать сохранившиеся развалины обжигательных печей разных размеров, формы для изготовления черепицы, светильников, архитектурных украшений и так далее, а также керамических шлаки и бракованные изделия, найденные в большом количестве в мусорных свалках поселений. Располагались такие мастерские в черте города, часто рядом, создавая, таким образом, целые гончарные кварталы.

При раскопках боспорских городов в центре города нередко находили металлообрабатывающие мастерские и кузницы, что позволяет нам сделать вывод о значимости этого ремесла. В Боспорском царстве производились как предметы обихода и орудия труда, так и оружие, и экипировка. Присутствовали также ювелирное, кожевенное, ткацкое, стеклодувные ремесла, монетное дело.

Известно, что в III – IV вв. н.э. Боспорское царство переживало многочисленные потрясения, такие, как херсонесско-боспорская война, набеги варварских племен и другие. Безусловно, все это не могло не сказаться на экономическом развитии Боспора и деятельности его хозяйственных комплексов.

Во второй половине III века н.э. в результате походов варварских племен Боспор из периода расцвета экономики перешел к кризису. Города оставались центрами ремесленного производства и обработки сельскохозяйственной продукции [7, с. 190–207]. Сельское хозяйство продолжало оставаться ведущей отраслью экономики Боспора, главной составляющей хозяйственных комплексов, но, тем не менее, в описываемый период оно столкнулось с некоторыми трудностями. Основой сельскохозяйственного сектора было хлебопашество, хлеб же был одним из главнейших экспортных товаров. Однако, в III – IV вв. н.э., в результате военных походов варваров, торговля с иностранными государствами значительно сократилась [3, с. 67]. Что же касается внутреннего рынка, то нельзя говорить о его полном упадке, хотя внутригосударственное взаимодействие заметно сократилось. Количество сельских поселений к III – IV вв. н.э. стало намного меньше, многие из них были разрушены. Пашенная территория могла сокращаться в результате нашествия варварских племен и военных конфликтов, в частности, с Херсонесом, но, в результате усилий местных жителей вновь возрождалась, о чем свидетельствуют следы пожара под жилыми постройками в исследуемых поселениях, например, в городище Белинском [14, с. 116–217]. К тому же, в тот период Рим вел активную внешнеполитическую борьбу с варварскими племенами и снабжение его хлебом легло, в том числе, и на Боспорское царство. Вместе с тем, в исследуемый период, судя по археологическим исследованиям, сократилось производство вина [4, с. 191].

Кризис не мог не коснуться ремесленного производства. В результате набегов варваров в III в. н.э. его роль значительно снизилась, вместе со снижением роли товарно-денежных отношений. Производство товаров на экспорт сильно сократилось, хотя товары для самостоятельного потребления продолжали производиться. Происходила натурализация хозяйства [3, с. 113–114]. Качество производимых изделий снизилось, однако, вместе с тем и пропала стандартизация типов продукции, что может указывать на значительно возросшее значение семейных мастерских [8, с. 220–228]. Камнетесное дело тоже переживало период упадка [9, с. 224].

Во второй половине IV в. н.э. наблюдается возрождение экономической жизни страны. И хотя сельское хозяйство и ремесло по-прежнему, по-видимому, было направлено на удовлетворение прежде всего внутренних нужд, торговые отношения с иностранными государствами не прекращали свое существование, о чем нам сообщает Фемистий, приблизительно в 364 г. упоминая о «... торговцах хлебом, которые плавают и в Египет, и Фракию, и Боспор, и Херсонес...» (Themist. XXVII. p. 336 d).

Исходя из перечисленного, мы можем сделать вывод, что в период III – IV вв. н.э., экономика Боспорского царства несколько меняется. В первую очередь, происходит переориентация на внутренний рынок. Сельское хозяйство находилось в упадке, хлеб оставался основным экспортным товаром, а некоторые ремесла продолжали развиваться. Возрастает роль местного производства, а хозяйственные комплексы приобретают децентрализованный характер.

Подводя итог, мы можем выделить в Боспорском царстве несколько разновидностей крупных хозяйственных комплексов.

Во-первых, наиболее важными в жизни государства являлись зернообрабатывающие сооружения и зернохранилища, которые в себя включали многочисленные пашенные и зерновые ямы, глиняные бочки-пифосы, широко распространенные на Боспоре, печи для просушки, мукомольни и пекарни, которые помогали обеспечивать хлебом не только Боспорское царство, но и его соседей.

Следующий тип комплексов – винодельческие. В данном типе комплексов мы можем наблюдать прессы и давилни нескольких типов, ямы-погребы для хранения амфор и пифосов и помещения для переработки вина. Несмотря на импортирование греческого вина, Боспорское государство самостоятельно занималось его производством, преимущественно для внутреннего рынка.

Третьим типом хозяйственных комплексов являлись рыболовецкие, распространенные в прибрежных территориях. В данных хозяйствах активно сооружались рыбозасолочные ванны (цистерны) и помещениях для обработки рыбы. Активно развивался экспорт соленой рыбы, о чем нам говорят греческие авторы.

Зернообрабатывающие и рыболовецкие комплексы не только полностью удовлетворяли потребности населения Боспорского царства, но и поставляли продукцию на экспорт, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники. Винодельческие комплексы снабжали внутренний рынок, при этом боспорское вино не покидало пределов государства. Продолжался импорт винодельческой продукции.

Также, помимо перечисленных разновидностей, изучая экономическую историю Боспорского государства, мы можем выделить следующие типы комплексов: животноводческие [13, с. 166], садоводческие и огороднические хозяйства, ирригационные сооружения, ремесленные мастерские. Весьма развито было керамическое производство, которое снабжало керамикой все отрасли экономики государства. Также достаточно активно развивалось текстильное производство [10, с. 220]. В период экономического кризиса позднеантичного Боспора хозяйство приобрело натуральный характер, однако, это не помешало существованию различных отраслей, снабжающих внутренний рынок.

Список источников и литературы

1. *Античные государства Северного Причерноморья / под ред. Г. А. Кошеленко [и др.]. М.: Наука, 1984. 392 с.*
2. *Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.*

3. Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV – V вв.). Белгород: Изд-во БГПУ, 1996. 180 с.
4. Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М.: МГПУ, 1999. 191 с.
5. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
6. Зеест И. Б. Земляные зернохранилища Пантикапея // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 23. М.; Л., 1948. С. 80–83.
7. Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху: очерки социально-экономической истории. Симферополь; Керчь, 2006. 304 с. (Боспорские исследования. Вып. XII).
8. Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. Киев: Сталос, 2004. 237 с.
9. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966. 223 с.
10. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 299 с.
11. Марти Ю. Ю. Рыбозасолочные ванны Туритаки // Археологические памятники Боспора. М.; Л., 1941. С. 93–95. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 4).
12. Николаева Э. Я. Стеклоделие на Боспоре // Краткие сообщения института археологии. Вып. 204. М., 1991. С. 50–56.
13. Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 7–109. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 53).
14. Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Бутовский А. Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III – IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. 544 с.

References

1. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient states of the Northern Black Sea region]. Edited by G. A. Koshelenko, I. T. Kruglikova, V. S. Dolgorukov. Moscow: Nauka Publ, 1984. 392 p. [In Russian].
2. Blavatskij V. D. *Pantikapej. Ocherki istorii stolicy Bospora* [Panticapaeum. Essays on the history of the capital of the Bosporus]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 232 p. [In Russian].
3. Bolgov N. N. *Zakat antichnogo Bospora. Ocherki istorii Bosporskogo gosudarstva pozdneantichnogo vremeni (IV – V vv.)*. [Decline of the Ancient Bosporus. Essays on the History of the Bosporus State in the Late Antique Times (4th-5th centuries)]. Belgorod: Izd-vo BGPU Publ., 1996. 180 p. [In Russian].
4. Vinokurov N. I. *Vinodelie antichnogo Bospora* [Winemaking of the Ancient Bosporus]. Moscow: MGPU Publ., 1999. 191 p. [In Russian].
5. Gajdukevich V. F. *Bosporskoe tsarstvo* [Bosporan Kingdom]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1949. 624 p. [In Russian].
6. Zeest I. B. *Zemlyanye zernohranilishcha Pantikapeya* [Grain-Storage Pits of Panticapaeum]. *Kratkiye soobshcheniya instituta istorii material'noy kul'tury*, Issue 23. 1948. Pp. 80–83. [In Russian].
7. Zubar' V. M., Zin'ko V. N. *Bospor Kimmerijskij v antichnuyu epohu: ocherki social'no-ekonomicheskoy istorii* [The Cimmerian Bosporus in ancient times: essays on socio-economic history]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] Issue 12. 2006. 304 p. [In Russian].

8. Zubar' V. M., Rusyaeva A. S. *Na beregah Bospora Kimmerijskogo [On the shores of the Cimmerian Bosphorus]*. Kiev: Stilos Publ., 2004. 237 p. [In Russian].
9. Kruglikova I. T. *Bospor v pozdneantichnoe vremya [Bosporus in the Late Antiquity Period]*. Moscow: Nauka Publ., 1966. 223 p. [In Russian].
10. Kruglikova I. T. *Sel'skoe hozyajstvo Bospora [Agriculture of the Bosphorus]*. Moscow: Nauka Publ., 1975. 299 p. [In Russian].
11. Marti YU. YU. *Rybozasolochnye vanny Tiritaki [Fish-Salting Baths of Tyritake]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Vyp. 4 [Materials and research on the archeology of the USSR. Issue 4]*. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1941. Pp. 93–95. [In Russian].
12. Nikolaeva E. YA. *Steklodelie na Bospore [Glass production in the Bosphorus]. Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii. Vyp. 204 [Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 204]*. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences Publ., 1991. Pp. 50–56. [In Russian].
13. Tsalkin V. I. *Istoriya skotovodstva v Severnom Prichernomor'e [The history of cattle breeding in the Northern Black Sea region]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Vyp. 53 [Materials and research on the archeology of the USSR. Issue 53]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. 166 p. [In Russian].
14. Yarcev S. V., Zubarev V. G., Butovskij A. YU. *Greko-varvarskij Krym v period pozdnej antichnosti (III – IV vv. n.e.: ot morskikh pohodov do bitvy pri Adrianopole) [Greco-barbarian Crimea in the period of late antiquity (3rd, 4th century BC: from sea voyages to the battle of Adrianople)]*. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ., 2015. 544 p. [In Russian].

Сведения об авторе

Могучева Мария Романовна – магистрант кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (e-mail: moguchevamr@mail.ru).

Information about the Author

Mogucheva Mariya Romanovna, master degree student of the Department of History and Archaeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (e-mail: moguchevamr@mail.ru).

ЦЕХОВОЕ УСТРОЙСТВО И КОРПОРАТИВНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ В ГОРОДАХ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

Е. Е. Бурцева

Тульский государственный университет (ТулГУ)
(г. Тула, Россия)

Аннотация. Статья посвящена истории цехового устройства ремесленников в городах Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. В ней освещаются правовые основы существования ремесленных обществ, рассматриваются принципы функционирования органов ремесленного самоуправления, анализируются сущность самой цеховой системы и перспективы её развития в начале XX века. На примере существовавших в Тульской губернии в исследуемый период цеховых корпораций городов Тулы и Белёва, в которых ремесленные объединения имели полную форму управления, изучены следующие вопросы: организационная структура управления ремесленных обществ, основные направления их работы, финансовая база деятельности, представительство цеховых ремесленников в органах всесословного городского общественного самоуправления. В зависимости от формы причисления к цехам, ремесленники подразделялись на вечно-цеховых и временно-цеховых. Деление ремесленников по этому признаку являлось своеобразной «линией раскола» в ремесленной среде и влекло за собой внутренний структурный и социальный дисбаланс в ремесленном обществе, поскольку вечно-цеховые находились в привилегированном положении относительно временно-цеховых. Особенностью ремесленных обществ рассматриваемого периода являлась двойственная природа их организации: они представляли собой одновременно и сословные, и профессиональные объединения. В результате исследования установлено, что как сословные объединения общества цеховых ремесленников Тульского региона в исследуемое время переживали упадок, а как профессиональные, испытывая определённые трудности, связанные с конкуренцией со стороны фабрично-заводских предприятий, имели потенциал для дальнейшего существования и развития.

Ключевые слова: ремесленники, цеховое устройство, ремесленное самоуправление, города Тульской губернии.

WORKSHOP SYSTEM AND CORPORATE CRAFT WORKERS SELF-ADMINISTRATION IN THE CITIES OF THE TULA PROVINCE ON THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES

E. E. Burtseva

Tula State University
(Tula, Russia)

Abstract. The article is devoted to the history of the workshop system of craft workers in the cities of the Tula province at the turn of the 19th – 20th centuries. It highlights the legal basis for the existence of craft societies. The paper considers the principles of the craft self-government bodies functioning. The work analyzes the essence of the workshop system itself and the prospects for its existence in the early 20th century. Using the example of the guild corporations of the cities of Tula and Belev that existed in the Tula province in the period under review, in which craft associations had a full form of management, the

following issues have been studied: the organizational structure of the management of craft societies, the main areas of their work, the financial basis of activities, the representation of guild craftsmen in the bodies of the all-class urban public self-government. Depending on the form of assignment to guilds, artisans were subdivided into perpetual guild and temporary guild. The division of artisans on this basis was a kind of "split line" in the artisan environment and entailed an internal structural and social imbalance in the artisan society, since the eternal guilds were in a privileged position relative to the temporal guilds. The feature of the craft societies in the period under review was the dual nature of their organization: they were both class and professional associations. In the result of the study it has been found that as class associations shop craftsmen society experienced decline; and as professional ones they faced certain difficulties related to competition from factory enterprises as well as they had the potential for further existence and development.

Key words: *craft workers, workshop system, craft workers' self-government, cities of the Tula province.*

На рубеже XIX – XX вв. в России сложилась своеобразная сословно-социальная структура: в ней особым образом сочетались черты традиционного и современного на тот момент обществ. В городах, наряду с созданными в 70-е гг. XIX в. всесословными органами городского общественного самоуправления, продолжали функционировать сословные общества с действовавшим внутри каждого из них самоуправлением.

Фактор сословной принадлежности определял общественно-правовое положение человека, поэтому имел важное значение для каждого индивида. Законодательство (том IX Свода законов Российской империи, «Законы о состояниях») рассматриваемого периода выделяло четыре главных сословия – дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (крестьяне). Однако сословных групп в российском обществе было больше. Так, в состав сословия городских обывателей входили купцы, почётные граждане, мещане и цеховые ремесленники.

Общество цеховых ремесленников конца XIX – начала XX в. представляло собой бифункциональное объединение: с одной стороны, сословное, с другой – профессиональное. Указанная двойственность обусловила существование в правительственных и общественных кругах различных точек зрения на дальнейшее устройство и функционирование этих обществ. Правительство проводило политику сохранения сословного характера ремесленных объединений и недопущения превращения их в профессиональные организации. Ремесленники же рассматривали свою принадлежность к цеховым обществам как способ выживания в эпоху глобальных модернизационных преобразований.

Вопросы истории существования в России ремесленных цехов и функционирования цехового устройства в последние годы стали предметом исследования таких ученых, как О. Ю. Бухаренкова, В. Г. Егоров, А. В. Келлер, Ю. В. Корнеева, М. В. Перова, Е. В. Симонова, Н. А. Биленко, Е. Е. Бурцева [1; 2; 12; 13; 14; 15; 16; 20; 24].

Анализ региональных вариантов существования обществ цеховых ремесленников и организации их корпоративного самоуправления представляется весьма значимым, так как позволяет восполнить имеющиеся исторические лакуны, изучив развитие общероссийских процессов на локальной территории, а именно в Тульской губернии. На рубеже XIX – XX вв. губерния, располагавшаяся на границе Центрально-Промышленной и Центрально-Земледельческой областей, включала в свой состав 12 городов: губернский (Тула) и 11 уездных (Алексин, Богородицк, Белёв, Венёв, Епифань, Ефремов, Кашира, Крапивна, Новосиль, Одоев, Чернь).

К началу изучаемого периода цеховое устройство ремесленной промышленности и правовое положение ремесленников регулировались, главным образом, принятым в 1857 г. Уставом о промышленности фабрично-заводской и ремесленной. Этим документом закреплялись базовые положения функционирования цехов и цеховых сословных обществ. Устав несколько раз

переиздавался (1879 г., 1887 г., 1893 г. и 1913 г.) с небольшими изменениями, но все они сводились лишь к частичным дополнениям, не меняя его основной сути. Документ чётко формулировал основное назначение цехового устройства: способствовать развитию ремесленной промышленности, усовершенствованию ремесел, управлению ремесленниками и соблюдению надлежащего порядка [23, ст. 288].

Цеховая организация ремесленной промышленности в российских городах учреждалась по решению Министерства внутренних дел. На небольшие города, которые относились к категории сельских поселений, цеховая система не распространялась: здесь занятие ремеслом считалось свободным промыслом.

Законодательством предусматривалось введение либо полной, либо упрощённой формы ремесленного управления. Определение формы управления зависело от степени развития ремёсел в том или ином населённом пункте. Так, полное управление создавалось в городах, посадах и местечках, «в коих ремесленная промышленность получила большее развитие, в случаях уменьшения сей промышленности» – упрощённое [23, ст. 284].

На рубеже XIX – XX веков лишь в двух городах Тульской губернии – Туле и Белёве, имелись ремесленные объединения с полным ремесленным управлением, в остальных уездных городах губернии ремесленных управлений не существовало.

При полном ремесленном управлении все ремесленники подразделялись на цехи, при упрощённом – такого деления не предполагалось. Соответственно, в первом случае существовали общее ремесленное управление и цеховые управления, во втором – только общее ремесленное управление.

Цехи создавались при условии наличия в городе не менее пяти мастеров одного дела и объединяли в своём составе мастеров, подмастерьев и учеников. Запись в цехи была обязательна для всех лиц, имевших намерения заниматься ремеслом или «держат» ремесленные заведения.

В губернском городе Туле и в уездном городе Белёве насчитывалось по семь цехов. В Туле это были: цех по обработке пищевых продуктов, цех по обработке дерева, два цеха по обработке металлов (кузнечно-слесарный и ювелирный), а также сапожный, портяжный и живописный (он же иконописный) цехи [21, с. 220–223]; в Белёве – кузнечный, столярный, пенькотреповный, портновский, сапожный, калачный и иконописный [7, л. 4].

Общее руководство цехами и в г. Туле, и в г. Белёве осуществляла общая ремесленная управа, в состав которой входили ремесленный голова и старшины цехов, заседавшие в ней поочередно. Сфера деятельности общей ремесленной управы включала в себя: запись в цех и исключение из него; наблюдение за порядком сбора денежных средств; обучение ремеслу детей ремесленников; попечение об увечных ремесленниках, их вдовах и сиротах; забота «об усовершенствовании искусств и мастерств и распространении оных»; сбор сведений «о всяком ремесленнике ..., опорочившем свое имя» [23, ст. 322–324, 326–328, 331]. Ремесленные управы выполняли и некоторые административные функции, например, ведение списков призывников, выдача видов на жительство и др.

Ремесленный голова избирался ежегодно на общем ремесленном сходе. В выборах участвовали все цеховые старшины, а также гласные, выдвинутые для этого от каждого цеха. К кандидату на пост ремесленного головы предъявлялись следующие требования: наличие звания цехового мастера, знание ремесла, грамотность, опыт управления. Кандидат должен был «как поведением, так и знанием своим соответствовать сделанной ему доверенности, и для этого избирается из таких, кои заслужили себе честное имя и доверие» [23, ст. 306]. В частности, претенденты на должность белёвского ремесленного головы (1897 г.) характеризовались так: «лица эти постоянное жительство имеют в г. Белеве, где и находится их недвижимое имущество; под судом и следствием никто из них не состоял

... и кроме сего каждый из них пользуется правом мастера» [9, л. 107]. Результаты выборов определялись большинством голосов.

К обязанностям ремесленных голов относилось: контроль за работой ремесленников, обучением учеников, состоянием цеховых казны и книг; созыв «старшин в собрание для нужных совещаний»; наблюдение «за деятельностью старшин и их помощников», «принуждение» их к скорейшему исполнению постановлений городских дум [23, ст. 314]. Ремесленным головой, в случае необходимости, собирались общие ремесленные сходы, проходившие под его председательством. На сходах осуществлялись выборы на общественные должности, составлялись сметы доходов и расходов на год, устанавливался размер сбора в общую ремесленную казну, совершался контроль за расходом финансов и хозяйственной деятельностью управы [23, ст. 358].

Все ремесленные цехи гг. Тулы и Белёва имели свои цеховые управы. Круг их деятельности ограничивался исключительно интересами ремесленников каждого отдельного цеха. Состояли цеховые управы из цехового старшины и его помощников (1 – 2 чел.), избираемых ежегодно из числа цеховых ремесленников на цеховых сходах. В случаях надобности по инициативе цехового старшины собирались цеховые сходы, где рассматривались наиболее важные текущие вопросы.

Для работы в ремесленных управах могли быть задействованы и наёмные служащие (счетоводы, делопроизводители, сторожа), оплата труда которых производилась из ремесленной казны.

Ремесленные управы гг. Тулы и Белёва контролировали вопрос обязательной приписки к цехам всех, кто занимался ремеслом или содержал ремесленные мастерские. «Если кто из мастеров, имеющих заведение, подмастерьев и учеников, не будет добровольно записываться в цех и вносить в Управу денежный сбор, то таковых, как за нарушение Ремесленного Устава, преследовать по закону...» [26]. В приходно-расходных документах ремесленных управ сохранились записи, подтверждающие акты взыскания штрафов: «...взыскано с крестьянина Р. С. Соколова за не записку его в цех в 1876 г. 10 рублей»; «...предоставлено тульским купцом К. А. Зябровым за производство работ в самоварном его заведении в течение 1874, 75 и 76 гг. без надлежащего дозволения 50 рублей» [10, л. 16–18] и др. Взысканные суммы поступали в общую ремесленную казну.

Желавшие содержать ремесленные заведения, наряду с записью в цех, должны были предоставить удостоверение, подтверждавшее звание мастера. Оно являлось необходимым условием для того, чтобы «завести мастерскую, держать в найме подмастерьев и учеников и, производя свойственные цеху работы, сделанные вещи продавать желающим» [23, ст. 387, 390], а также иметь вывеску. Исключение из правила предоставлялось только лицам, занимавшимся ремеслом исключительно для «дневного пропитания», то есть в самых минимальных объёмах, без помощи подмастерьев, «без содержания заведения» [23, ст. 285].

Анализ сохранившихся материалов о тульских ремесленных цехах за десятилетие с 1900 по 1910 гг. позволяет сделать вывод, что количество ремесленных заведений с постоянным числом наёмных лиц увеличилось в 2,4 раза. В частности, количество заведений с наёмными лицами от 2 до 4 человек увеличилось в 2,3 раза, количество заведений с наёмными лицами от 5 до 15 человек – в 4,4 раза, а количество заведений с наёмными лицами от 16 до 25 человек – в 5,5 раз¹. То есть, преимущественно возросло количество заведений с наибольшим числом работников. За указанный временной промежуток почти в 5 раз выросло и общее число учеников в ремесленных заведениях Тулы. Эти данные позволяют прийти к заключению, что как профессиональные организации цехи губернского города располагали определенным производственным и кадровым потенциалом для существования и ведения своей дальнейшей деятельности.

В рассматриваемый период существовало две формы записи в цехи: а) на некоторое время (временно) – без причисления к обществу цеховых ремесленников и с сохранением прежнего сословного звания; б) на неограниченное время («навечно») – с причислением к обществу цеховых ремесленников и изменением сословного звания. Соответственно этому ремесленники подразделялись на временно-цеховых и вечно-цеховых.

В отношении основных личных прав вечно-цеховые ремесленники были приравнены к мещанам, а также имели свои особые права и обязанности. Каждый вступающий в общество цеховых ремесленников «навечно» должен был предъявить в Казенную палату увольнительное свидетельство от прежнего общества и приёмное свидетельство от цехового общества, к которому намеривался приписаться. Приёмное свидетельство выдавалось старшинами цехов только после вступительного испытания. Причисление ремесленников к цехам утверждалось Казённой палатой.

К числу повинностей цеховых ремесленников было отнесено: оплата цеховых и общих ремесленных сборов; служба в общей ремесленной, цеховой и подмастерской управах. Для членов ремесленных обществ устанавливалось два вида сборов – единовременные (при вступлении в ремесленное общество или цех; при записи ученика) и ежегодные (в пользу общей ремесленной казны; в пользу цеховой казны; в пользу ремесленных просветительных и благотворительных учреждений).

Вечно-цеховые ремесленники обладали корпоративными (сословными) правами в полном объеме. Временно-цеховые ремесленники, то есть лица, относившиеся к другим сословным группам и приписанные к цеху временно с целью получения дозволения заниматься ремеслом, никакими корпоративными правами не пользовались.

Существование полного ремесленного управления в городе не являлось гарантией наличия в нём сословия вечно-цеховых. Например, в уездном городе Белёве при наличии полного цехового устройства не было записи в вечно-цеховое состояние, ремесленники не составляли здесь отдельную сословную группу [11, л. 10б.]. Отчего и в выборах на пост белёвского ремесленного головы кандидатами выдвигались временно-цеховые ремесленники, причисленные к другим сословным группам. Так, в 1893 г. кандидатами являлись мещанин С. И. Семёнов и крестьянин А. М. Яйцев; в 1897 г. – крестьянин А. А. Стрельников, «служащий в должности гласного по выбору 1894 г.» и мещанин Н. Г. Кузин, «служащий в должности цехового старшины по калачному цеху» [7, л. 2–4; 9, л. 107].

Только в тульском ремесленном обществе существовала приписка в вечно-цеховое состояние. По данным, собранным местной Казенной палатой для предоставления в Хозяйственный департамент МВД в 1903 г., тульское ремесленное общество включало в свой состав вечно-цеховых ремесленников – «коренных» ремесленников, «записанных в этом обществе по X ревизии, производившейся в 1857 и 1858 гг., и лиц, прибывших в это общество после X ревизии «через причисление Казенной Палатой из разных сословий» [8, л. 8–10], и временно-цеховых. В группе временно-цеховых ремесленников г. Тулы состояли «потомственные дворяне, почетные граждане, местные и иногородние мещане, купцы-евреи, крестьяне разных губерний и иностранные подданные», получавшие из Ремесленной управы «дозволительные свидетельства для занятия ремеслами, с сохранением своего первоначального звания» [8, л. 8–10].

Необходимо подчеркнуть, что ремесленников, приписанных к цехам «навечно», было существенно меньше, чем «временных». Установлено, что в Туле количество вечно-цеховых ремесленников, состоявших в звании мастера, составляло не более 10% всех мастеров тульского ремесленного общества. Так, среди мастеров тульского ремесленного общества в 1900 г. вечно-цеховых было 44 человека из 841, что составляло 5,2%, в 1910 г. вечно-цеховых было 80 человек из 1024, что составляло 7,8%². Такое соотношение вечно-цеховых и временно-цеховых ремесленников влекло

за собой внутренний структурный дисбаланс в ремесленном обществе, поскольку вечно-цеховые находились в привилегированном положении относительно временно-цеховых. Последние же не привлекались ни к распределению финансов, ни к управлению, хотя значительная часть казны ремесленного общества пополнялась за счет их взносов. Даже благотворительная помощь, как правило, предназначалась для вечно-цеховых ремесленников.

Такое положение дел вызывало напряжение в ремесленной среде. При проведении в 1893 г. анкетирования ремесленных обществ Министерством внутренних дел из Тулы, в частности, сообщалось, что управление находилось «в руках одного вечно-цехового общества» [18, с. 141].

Тульские вечно-цеховые ремесленники со своими семьями составляли сословную группу «цеховые». Численность «цеховых» в 1870 г. составляла 10384 человека, в 1895 г. – 11324 человека, в 1911 г. – 23606 человек, в 1915 г. – 31656 человек. Их процентная доля в общем составе населения города Тулы варьировалась в пределах 12 – 18%³. Среди «городского сословия» губернского центра (то есть среди купцов, почетных граждан, мещан и цеховых) цеховые по количественному составу занимали второе место после мещан.

Как и другим сословным объединениям ремесленным обществам дозволялось владеть имуществом и капиталами. На рубеже XIX – XX вв. недвижимостью обладало только тульское ремесленное общество, капиталы же имелись и у тульского, и у белёвского.

Капиталы ремесленного общества губернского центра были в несколько раз больше белёвского; так в середине 90-х гг. XIX в. размер капиталов тульского ремесленного общества составлял 7,5 тыс. руб., белёвского – 1 тыс. руб. [22, л. 29–30]. Эти суммы были ниже среднего общероссийского показателя, равного 11,5 тыс. руб. [17, с. 503].

Формирование доходной части бюджетов ремесленных обществ происходило за счёт следующих источников: ремесленные денежные сборы; доходы с имущества и капиталов; дополнительные поступления, к которым относились благотворительные взносы, государственные субсидии, пособия, денежные средства, взысканные в виде штрафов, и др. Главным источником доходов тульского ремесленного общества являлись сборы с цеховых ремесленников, составлявшие от 47% до 62% общего дохода. Средства от сборов за аренду недвижимости и процентов с капиталов варьировались от 12% до 22,5%, из дополнительных источников – от 29,5% до 32%⁴.

Ежегодный доход ремесленного общества г. Тулы на рубеже XIX – XX вв. был стабилен, имел тенденцию роста и, в целом, был сопоставим с расходами; величина его колебалась от 4 до 7 тыс. руб. в 90-е гг. XIX в. и от 5,5 до 7,2 тыс. руб. в первое десятилетие XX в. [22, л. 29–30; 10; 21, с.41].

К основным расходам ремесленных обществ относились содержание самого ремесленного управления и благотворительность. Так, в Туле отчисления на содержание ремесленного управления составляли в среднем 71% денежных средств, на благотворительность – 29%⁵.

Тульское ремесленное общество на протяжении всего рассматриваемого времени занималось благотворительной деятельностью, которая заключалась в следующем: оказание материальной помощи нуждавшимся ремесленникам; забота о больных, престарелых, сиротах; заведование имуществом и сборами, имевшими благотворительное назначение. На попечении тульского ремесленного общества состояла богадельня, основанная в 1897 г. На её содержание в указанном году было потрачено 719 руб., или 10,2% всех расходов общества. С каждым годом затраты увеличивались и в 1910 г. они составляли 1554 руб., или 22,4% от всех расходов [21, с. 41].

Цеховые ремесленники, согласно Городовому положению 1870 г., имели право и возможность представлять свои интересы в органах сословного городского

общественного самоуправления. Так как отдельную сословную группу цеховые ремесленники составляли лишь в Туле, соответственно только здесь они могли принимать участие в деятельности городских дум и управ. В ходе исследования установлено, что цеховые ремесленники в период с 1870 по 1914 гг. в составе тульских городских дум имели наименьшее представительство по сравнению с другими сословиями, а именно от 0% до 2,8% численного состава депутатов⁶. Выявлен лишь единичный случай (1905 г.) участия представителя цеховых ремесленников в работе тульской городской управы. Должность городского головы никто в указанный период из числа цеховых ремесленников не занимал. Это объясняется достаточно высоким законодательно установленным имущественным цензом, в силу чего большинство цеховых ремесленников избирательным правом не пользовалось.

Начиная с последней трети XIX века в правительственных и общественных кругах неоднократно обсуждалась проблема обоснованности существования цехов. Мнением Государственного совета от 16 июня 1870 г. (по проекту Городового положения) министру внутренних дел при подготовке проекта нового Устава о промышленности было поручено рассмотреть вопрос о ликвидации ремесленного сословия. И в 1886 г. «в виду сего преуказанья» были упразднены ремесленные управления в большей части городских поселений Юго-Западного края, а в 1891 г. – ещё в некоторых западных губерниях [21, с. 5].

В середине 90-х гг. XIX в. Министерством внутренних дел России было проведено обследование ремесленных обществ на территории страны, в результате которого было выявлено существование ремесленных цеховых организаций в 136 городах 53 губерний, из них в 87 городах имелось полное ремесленное управление. Также было зафиксировано, что в некоторых городах при наличии ремесленного управления не имелось отдельного ремесленного сословия; в других же городах члены сословных обществ ремеслом в действительности не занимались. Полученная в ходе обследования информация послужила основанием тому, что в течение 1902 – 1903 гг. были упразднены ремесленные управления ещё в 107 российских городах, в том числе и в уездном городе Тульской губернии Белёве [21, с. 5].

Ремесленные общества и их управления сохранились в 29 городах Российской империи; в этот список вошла и Тула. Необходимо указать, что в общероссийском масштабе Тула являлась городом со значительным числом цеховых ремесленников – губернский центр в конце XIX века входил в пятёрку российских городов, следуя за Москвой, Петербургом, Бердичевом Киевской губернии и Одессой, по количеству ремесленников [22].

До 1905 г. вопросами ремесленной промышленности занималось Министерство внутренних дел. Далее они были переданы в ведение вновь образованного Министерства торговли и промышленности, которое, в целом, поддерживало цеховое устройство, при этом сознавая архаичность сословного характера ремесленных объединений.

Министерство торговли и промышленности инициировало уравнение в правах вечно-цеховых и временно-цеховых ремесленников. Это было признано Сенатом и отражено в определениях от 29 октября 1908 г. и 9 июня 1909 г. Исходя из совокупного смысла статей 306, 307, 337, 357, 448 – 452 Устава о ремесленной промышленности [23], было определено, что по закону вечно-цеховым ремесленникам не присваивается исключительное право участия в ремесленном управлении.

Вопросы цехового устройства и ремесленного управления были приоритетными и обсуждаемыми темами на Всероссийских ремесленных съездах. Большинство делегатов-ремесленников I съезда, проходившего в марте 1900 г. в Петербурге, выступало за сохранение цехового устройства. Присутствовавшие единогласно сошлись во мнении, что оно нуждается в преобразованиях для дальнейшего функционирования и «выживания» [25]. На II Всероссийском ремесленном съезде (январь 1911 г., Петербург) был утвержден проект нового Устава

о ремесленной промышленности, в тексте которого достаточно четко прослеживалось намерение реорганизации сословной ремесленной корпорации в профессиональную организацию. Однако проект так и не был реализован.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что тенденции функционирования цехового устройства и корпоративного самоуправления ремесленников в Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. были созвучны общероссийским.

В губернии только в двух городах существовали ремесленные объединения: в г. Туле – с полной формой ремесленного управления и с возможностью записи в вечно-цеховое состояние и в г. Белёве – также с полной формой ремесленного управления, но отсутствием записи ремесленников в вечно-цеховое состояние. Таким образом, ремесленники г. Тулы образовывали сословную группу «цеховые», ремесленники же белёвского ремесленного общества сословной группой не являлись и сохраняли свои прежние права состояния. По этой причине в начале XX в. (1902 – 1903 гг.) ремесленное объединение г. Белёва было упразднено согласно решению Министерства внутренних дел.

Тульское ремесленное общество, объединявшее в своём составе и вечно-цеховых, и временно-цеховых ремесленников, не являлось прочным союзом. Неоднородность его состава порождала разногласия интересов этих двух групп ремесленников и внутреннее напряжение, что не способствовало формированию сплоченного объединения. Исходя из этого, можно говорить об упадке тульского ремесленного общества как сословной организации в исследуемый период. Фактически оно являлось подлинно сословным только для части своих членов, а именно для вечно-цеховых ремесленников.

Как профессионально-производственная организация, тульское ремесленное общество имело потенциал для дальнейшего существования и развития. В результате исследования выявлено, что в течение рассматриваемого времени увеличивалось число мастеров, подмастерьев и учеников, наблюдалась стабильность денежных доходов, росло количество ремесленных заведений.

Основными факторами, сдерживавшими распад тульского ремесленного общества, являлись: обязательная приписка в цехи всех лиц, занимавшихся ремеслом и содержащих ремесленные заведения; общая профессиональная деятельность; минимальное представительство в органах городского самоуправления (от 0% до 2,8% численного состава гласных); наличие капиталов и имуществ; традиции сословного менталитета.

Ремесленное общество г. Тулы просуществовало до ноября 1917 г. и было ликвидировано советской властью согласно декрету «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

Примечания

1. Подсчитано автором по данным [21, с. 220–223].
2. Подсчитано автором по данным [21, с. 32].
3. Подсчитано автором по данным [6, л. 1; 3, л. 3–4; 4, л. 4410б–443; 5, л. 9].
4. Подсчитано автором по данным [21, с. 38].
5. Подсчитано автором по данным [22, л. 29–30; 21, с. 41].
6. Подсчитано автором по данным [19].

Список источников и литературы

1. *Бурцева Е. Е. Всесословное и сословное самоуправление в городах Тульской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бурцева Екатерина Евгеньевна . Тула, 2015. 236 с.*

2. Бухаренкова О. Ю., Егоров В. Г. Ремесло как феномен городского быта России второй половины XIX в. // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 77–91.
3. ГУГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 52. Оп. 1. Д. 520.
4. ГУГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 890.
5. ГУГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1237.
6. ГУГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 38. Д. 31373.
7. ГУГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 44. Д. 37872.
8. ГУГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 44. Д. 38718.
9. ГУГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 10.
10. ГУГАТО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14.
11. ГУГАТО. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 1^а.
12. Келлер А. В. Вытесняется и отмирает? Городское ремесло в контексте теории модернизации: постановка проблемы // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 15–31.
13. Келлер А. В. Мост из традиции в современность: цехи Петербурга в эпоху индустриализации – новые перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 1. С. 178–190.
14. Келлер А. В. «Средневековый институт» или инновация в духе петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт-Петербурга с начала XVIII до начала XX века // Россия XXI. 2014. № 5. С. 74–95.
15. Келлер А. В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Келлер Андрей Викторович. Екатеринбург, 2018. 658 с.
16. Корнеева Ю. В. Городские ремесленники Симбирской губернии во второй половине XIX века // Научный диалог. 2017. № 9. С. 144–152.
17. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 546 с.
18. Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 211 с.
19. Памятные книжки Тульской губернии на 1872–1917 годы. Тула: Тип. Губ. Правления, 1872–1917.
20. Перова М. В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX века: функции, общественное значение и направление деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 13–18.
21. Ремесленники и ремесленное управление в России / М-во торг. и пром-ти ; Отд. торг. Петроград: тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1916. 421 с.
22. РГИА (Российский гос. ист. архив). Ф. 1290. Оп. 5. Д. 155.
23. Свод законов Российской империи [СЗ РИ]. СПб., 1893. Т. 11, ч. 2: Устав о промышленности фабрично-заводской и ремесленной.
24. Симонова Е. В., Биленко Н. А. Тульские ремесленники в условиях модернизации в XIX – начале XX вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 4. С. 23–31.
25. Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности 1900 года. Т. 1. СПб.: Орг. комитет Съезда, 1900. 185 с.
26. Тульские губернские ведомости. 1882 г. № 8.

References

1. Burtseva E. E. Vsesoslovnnoe i soslovnnoe samoupravlenie v gorodakh Tul'skoy gubernii v posledney treti XIX - nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk [All-estate and

- estate self-government in the cities of the Tula province in the last third of the 19th - early 20th centuries*]. 2015. Tula, 236 p. [In Russian].
2. Bukharenkova O. Yu., Egorov V. G. Remeslo kak fenomen gorodskogo byta Rossii vtoroy poloviny XIX v. [Craft as a phenomenon of urban life in Russia in the second half of the 19th century]. *Voprosy istorii*. 2017. № 7. Pp. 77–91. [In Russian].
  3. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [State Archive of Tula Oblast (SATO)]*. Fund. 52. Inventory 1. File 520. [In Russian].
  4. *(GATO) [SATO]*. Fund 52. Inventory 1. File 890. [In Russian].
  5. *(GATO) [SATO]*. Fund 52. Inventory 1. File 1237. [In Russian].
  6. *(GATO) [SATO]*. Fund 90. Inventory 1. Vol. 38. File 31373. [In Russian].
  7. *(GATO) [SATO]*. Fund 90. Inventory 1. Vol. 44. File 37872. [In Russian].
  8. *(GATO) [SATO]*. Fund 90. Inventory 1. Vol. 44. File 38718. [In Russian].
  9. *(GATO) [SATO]*. Fund 90. Inventory 6. File 10. [In Russian].
  10. *(GATO) [SATO]*. Fund 517. Inventory 1. File 14. [In Russian].
  11. *(GATO) [SATO]*. Fund 1639. Inventory 1. File 1a. [In Russian].
  12. Keller A. V. Vytesnyaetsya i otmiraet? Gorodskoe remeslo v kontekste teorii modernizatsii: postanovka problem [Is it displaced and dies off? Urban craft in the context of modernization theory: problem statement]. *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5. No 1. Pp. 15–31. [In Russian].
  13. Keller A. V. Most iz traditsii v sovremennost': tsekhi Peterburga v epokhu industrializatsii - novye perspektivy [The bridge from tradition to modernity: workshops of St. Petersburg in the era of industrialization – new perspectives]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. [Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates]*. 2017. Vol.3. No 1. P. 178–190. [In Russian].
  14. Keller A. V. «Srednevekovyy institut» ili innovatsiya v dukhe petrovskikh reform? Tsekhi v Rossii i korporativnoe samoupravlenie remeslennikov na primere Sankt-Peterburga s nachala XVIII do nachala XX veka [“Medieval Institute” or Innovation in the Spirit of Peter's Reforms? Workshops in Russia and corporate self-government of artisans on the example of St. Petersburg from the beginning of the 18th to the beginning of the 20th century]. ROSSIYA XXI. Moscow: Mezhdunarodnyy obshchestvennyy fond «Eksperimental'nyy tvorcheskiiy tsentr» (Tsentr Kurginyana). 2014. No 5. Pp. 74–95. [In Russian].
  15. Keller A. V. *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka: avtoref. dis. ... dokt. ist. Nauk [The craft of St. Petersburg of the 18th - early 20th century]*. Yekaterinburg, 2018. 38 p. [In Russian].
  16. Korneeva Yu. V. Gorodskie remeslenniki Simbirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka [City craftsmen of the Simbirsk province in the second half of the 19th century]. *Nauchnyy dialog*. 2017. No 9. Pp. 144–152. [In Russian].
  17. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – XX vv.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia during the period of the empire (18th–20th centuries): Genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1999. Vol. 1. 546 p. [In Russian].
  18. Pazhitnov K. A. *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absolyutizma [The problem of craft workshops in the legislation of Russian absolutism]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 211 p. [In Russian].
  19. *Pamyatnyye knizhki Tul'skoy gubernii na 1872–1917 gody [Commemorative books of the Tula province for 1872–1917]*. Tula: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1872–1917. [In Russian].
  20. Perova M. V. Tsekhovaya organizatsiya remeslennogo naseleniya Rossii serediny XIX veka: funktsii, obshchestvennoe znachenie i napravlenie deyatelnosti [Workshop organization of the craft population of Russia in the middle of the 19th century:

- functions, social significance and direction of activity]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2009. No. 1 (75). Pp. 13–18. [In Russian].
21. *Remeslenniki i remeslennoe upravlenie v Rossii [Craftsmen and craft management in Russia]*. Petrograd: tip. red. period. izd. M-va finansov. 1916. 421 p. [In Russian].
  22. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive (RSHA)]. Fund 1290. Inventory 5. File 155. [In Russian].
  23. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii (SZ RI)*, SPb, 1893. T. 11. Ch.2: *Ustav o promyshlennosti fabrichno-zavodskoy i remeslennoy*. [In Russian].
  24. Simonova E. V., Bilenko N. A. *Tul'skie remeslenniki v usloviyakh modernizatsii v XIX – nachale XX vv.* [Tula artisans in the conditions of modernization in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 2019. Vol. 25. No. 4. Pp. 23–31. [In Russian].
  25. *Trudy Vserossiyskogo s"ezda po remeslennoy promyshlennosti 1900 goda: Vol. 1*. St. Petersburg, 1900. [In Russian].
  26. *Tul'skie gubernskie vedomosti*. 1882. No 8. [In Russian].

Сведения об авторе

Бурцева Екатерина Евгеньевна –
кандидат исторических наук, доцент
кафедры журналистики ФГБОУ ВО
«Тульский государственный
университет»
(e-mail: *brc_ktrn@mail.ru*).

Information about the Author

Burtseva Ekaterina Evgenevna,
PhD in History, Associate Professor
of the Department journalism
of the Tula State University
(e-mail: *brc_ktrn@mail.ru*).

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

М. О. Сафронова

МБОУ «Центр образования №50» г. Тула
(п. Шатск, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы демографического развития Тульской губернии в конце XIX – начале XX в. в контексте социальной истории. Основное внимание уделено уровню младенческой и детской смертности, а также влияющим на нее факторам. Исследование основывается на источниках справочного и статистического характера, публиковавшихся канцелярией Тульского губернатора и Центральным статистическим комитетом МВД. Для анализа ситуации на приходском микроуровне были привлечены метрические книги из фондов Государственного архива Тульской области. Научная новизна заключается в разработке проблемы региональной специфики изучаемых явлений и процессов.

Автором было установлено, что в Тульской губернии сохранялась чрезвычайно высокая смертность младенцев до одного года, которая составляла в среднем 270%. Так же высокой была смертность среди детей возрастом до 5 – 10 лет. Основными причинами такого положения была низкая санитарная культура, бытовые условия, тяжелая эпидемиологическая обстановка в губернии. Однако на рубеже XIX и XX вв. наметилась тенденция к плавному снижению этих показателей. Огромную роль в уменьшении уровня и детской, и младенческой смертности сыграло развертывание сети медицинских учреждений, в первую очередь земских, в сельской местности, которые, кроме непосредственной лечебной деятельности, занимались просвещением населения. Кроме того, данные демографической статистики позволили проследить снижение коэффициентов рождаемости и общей смертности, что вместе с комплексом изменений, вызванных модернизационными процессами, позволяет говорить о начале демографического перехода в Тульской губернии.

Ключевые слова: демография, Тульская губерния, детская смертность, младенческая смертность, здоровье населения, рубеж XIX – XX вв.

THE CHILD MORTALITY RATE IN THE TULA PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

M. O. Safronova

«Education center No.50» Tula
(Shatsk village, Russia)

Abstract. This article is devoted to the demographic development of the Tula province in the late 19th – early 20th century in the context of social history. The author pays particular attention to the level of infant and child mortality and factors influencing on that. The base of the study consists of reference and statistical sources published by the office of the Tula Governor and the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. In order to analyze the situation at the parish micro-level the author consulted metric books from the funds of the State Archives of the Tula Region. The scientific novelty of the work lies in the development of the problem of the regional specificity of the phenomena and processes under study.

As a result, the author found that the Tula province had an extremely high mortality rate of infants up to one year, which amounted to 270% on average. Mortality among children under the age of 5 – 10 years was also high. The main reasons for this situation were low sanitary culture, living conditions and a difficult epidemiological situation in the province. However, at the turn of the 19th and 20th centuries there has been a tendency of gradual decrease in these indicators. The deployment of a network of medical institutions played a huge role in reducing the level of child and infant mortality. Those were primarily zemstvo hospitals in rural areas, which, in addition to direct medical activities, were engaged in educating the population. In addition, demographic statistics made it possible to trace a decrease in birth and overall mortality rates. This fact and the complex changes caused by modernization processes, allows us to talk about the beginning of a demographic transition in the Tula province.

Keywords: *demography, child mortality, infant mortality, public health, the turn of the 19th – 20th centuries, Tula province.*

Преобразования в социально-экономической, политической и культурной сферах всегда отражались на условиях жизни населения и демографической ситуации в целом. Именно поэтому анализ общероссийских тенденций, закономерностей и региональных особенностей протекания демографических процессов является важным элементом социально-исторического исследования, а демографическое развитие России в исторической ретроспективе – актуальной исследовательской проблемой.

Уровень детской и младенческой смертности – один из демографических показателей, в котором находят яркое отражение не только качество жизни населения, но и изменения, касавшиеся здравоохранения, образования, экономики и т.д. Кроме того, детская смертность – это демографическая и медико-социальная проблема, которая остро стояла в дореволюционной России. Анализ этого показателя, как и факторов, влияющих на него, позволяет понять модель демографического поведения, выявить ее особенности в разных территориальных субъектах, судить о специфике демографического перехода и его противоречиях не только на общероссийском, но и на локальном уровне [13, с. 1].

К изучению проблемы высокой детской смертности в России конца XIX – начала XX вв. не раз обращались исследователи. Первые аналитические работы появлялись по мере становления общественной медицины и отечественной педиатрии. Среди авторов нужно указать петербургского педиатра Д. А. Соколова и санитарного врача Г. И. Гребенщикова, статистика С. А. Новосельского, врача П. И. Куркина, который занимался исследованием Московской губернии [16; 18; 24]. Все эти труды богаты не только статистическим материалом, но в первую очередь анализом факторов, влияющих на детскую смертность в России на рубеже XIX и XX вв. В советское время одним из самых полных трудов по демографической статистике предшествовавшего периода было издание А. Г. Рашина, который проанализировал и систематизировал богатейший материал, описывающий демографические процессы в России с 1813 по 1913 гг. [22] Наконец, в последние годы исследователи анализировали показатели смертности в Российской империи, в частности, речь идет о фундаментальном труде Б. Н. Миронова. Но работ, посвященных анализу детской и младенческой смертности в конкретных губерниях по-прежнему мало, что не позволяет говорить о специфике протекания демографических процессов в каждом регионе. Среди исследователей нужно назвать Д. С. Бахарева, Н. А. Жирова, Г. Е. Корнилова, Е. А. Квашу и др. [1; 13; 14; 15]. Применительно к Тульской губернии нет специального исследования, посвященного проблеме детской смертности. Опосредованно этот вопрос рассматривает в своей статье, посвященной становлению тульской педиатрии, Ю. А. Жеребцов [12].

Для понимания ситуации необходимо сделать небольшое отступление, касающееся отдельных аспектов демографической картины в Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. Население губернии, по официальной статистике, с 1880 по 1914 гг. выросло на 717 693 чел., с 1 304 805 до 2 022 498 чел. соответственно, включая

естественный и механический прирост. При этом абсолютный показатель рождаемости повысился с 75 522 до 83 949 человек в год [19, с. 7–8; 20, с. 2]. Однако абсолютные данные не дают представления о реальной ситуации. Отношение между числом родившихся и общей численностью населения, которая непрерывно росла, все же показывает снижение коэффициента рождаемости – с 56% в 1880 г. до 42% в 1914 г. Конечно, в пределах рассматриваемого периода отмечались различные колебания, однако тенденция к снижению рождаемости оставалась. Тем не менее, если оценивать динамику рождаемости по шкале, предложенной Б. Ц. Урланисом и В. А. Борисовым, мы увидим, что коэффициент на протяжении всего анализируемого периода оставался очень высоким (более 40%).

Динамика смертности в Тульской губернии дает немного иную картину. В среднем, с 1880 по 1914 гг. смертность составляла около 60 тысяч человек в год. Исследователями, в частности, А. Г. Рашиным, отмечалось, что до революции смертность в Тульской губернии, как и во всей России, была достаточно высокой, чему во многом способствовала неблагоприятная эпидемиологическая обстановка [22, с. 207]. В относительном выражении смертность в 1880 г. составила 42 человека на 1000 населения, а к 1914 г. показатели заметно снизились – до 29 человек на 1000, т.е. понижение составило 13%. Тем не менее, коэффициент смертности выше 21% является очень высоким показателем, но мы можем говорить о том, что в Тульской губернии сохранялся такой уровень смертности с тенденцией к снижению.

Б. Н. Миронов отмечает, что снижение смертности произошло вследствие повышения культурного уровня населения и расширения бесплатной медицинской помощи. Именно эти факторы сыграли ключевую роль, т.к. разворачивались на фоне падения общего уровня жизни крестьянского населения и ухудшения питания. Автор также отмечает, что «снижение смертности имело негативные последствия для крестьянства: оно привело к повышению естественного прироста и увеличению числа детей в семье» [17, с. 191]. Рост крестьянской семьи за счет многодетности приводил к ухудшению благосостояния. Между тем, естественный прирост населения губернии в рассматриваемый период составлял в среднем 13 – 15%, что, тем не менее, было ниже среднего по стране – 17%. При этом коэффициенты рождаемости и смертности в Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. были выше аналогичных средних показателей по России.

При очень высоких показателях рождаемости и смертности небольшая разница между ними говорит о низком уровне жизни населения. Такая ситуация характерна для традиционного, патриархального типа воспроизводства. Одной из отличительных особенностей данного типа является низкая (до 35 лет) продолжительность жизни. Как отмечала Г. И. Чертова, в начале XX в. в Российской империи средняя продолжительность жизни женщин составляла 33 года, мужчин – 31,9 лет. При этом с 1870-х гг. этот показатель вырос на 5 лет [27, с. 166].

Такая низкая средняя продолжительность жизни объясняется еще одним характерным признаком традиционного типа воспроизводства – высокой детской смертностью. Самый высокий процент смертности приходился на детей и подростков в крестьянской и мещанской среде в возрасте до 10 – 12 лет. При этом у городских низов данные показатели были даже выше, нежели у крестьян в деревне [22, с. 200]. Д. А. Соколов и Г. И. Гребенщиков в своем докладе на собрании Пироговского общества врачей говорили о том, что «ужасная смертность оказывается до 1 года..., а доживет до 15 лет весьма небольшое число детей» [24, с. 25–26]. Действительно, наиболее удручающей были показатели смертности новорожденных (до 28 дней) и младенцев до одного года (1 – 12 мес.): в Европейской России в 1880-е годы умирало, в среднем, около 270 новорожденных из 1000, к 1910-м гг. показатель незначительно снизился до 244 чел.; смертность младенцев на первом году жизни составляла в 1880-х гг., в среднем, 272 чел., а в 1910-х гг. – 253 чел. на 1000 [22, с. 193–194]. Как мы видим, снижения являлись очень незначительными, несмотря на успехи, которых

достигла медицина, в первую очередь земская. Причину такой высокой детской смертности исследователи видят в «невежестве» населения: низкой санитарной и общей культуре, отсутствии образования, неграмотности матерей, отсутствии элементарных медицинских знаний и в бедности сельского населения и городских низов [17, с. 190–193; 11, с. 20–21].

Рассмотрим детальнее детскую смертность в Тульской губернии на рубеже XIX и XX вв. на основе данных статистических сборников «Движение населения в Европейской России». Для анализа возьмем данные о смертности детей в возрасте до 15 лет. Несмотря на то, что категория «детства» по отношению к XIX – началу XX в. отличается от современного понимания, за крайнюю веку возьмем подростковый возраст в 15 лет, исключив пору раннего юношества. Полученные данные представим в виде таблицы.

Таблица 1

Детская смертность в Тульской губернии в 1885–1910 гг.¹

	До 1 месяца (чел.)	От 1 месяца до 1 года (чел.)	От 1 года до 5 лет (чел.)	От 5 до 10 лет (чел.)	От 10 до 15 лет (чел.)	Всего (чел.)	Общая смертность (чел.)	Доля детей до 15 лет (%)
1885	3 887	16 254	13 847	1 746	705	36 439	56 589	64,4
1887	3 992	14 293	14 371	1 926	675	35 257	50 229	70,2
1890	5 379	19 552	13 296	2 129	735	41 091	60 358	68
1893	5 725	18 439	14 487	3 299	1 110	43 060	64 823	66,4
1896	5 912	18 439	13 311	2 123	805	40 590	58 395	69,5
1898	5 136	19 081	15 280	3 006	1 051	43 554	62 486	69,7
1900	5 804	18 630	16 701	3 082	1 084	45 301	64 188	70,6
1903	4 873	17 420	14 700	2 535	892	40 420	59 640	67,8
1905	5 305	25 197	18 000	2 867	948	52 317	70 095	74,8
1907	4 500	15 822	12 781	2 382	810	36 295	56 453	64,3
1910	5 127	20 673	15 515	1 941	832	44 088	63 039	69,9
Среднее	5 058	18 527	14 754	2 458	877	41 674	60 572	68,7

Итак, данные таблицы позволяют подтвердить мысль об ужасающей статистике детской и младенческой смертности в России на рубеже XIX – XX вв. Особенно высокими были показатели среди детей до одного года (от 0 до 12 мес.) и до пяти лет. В таблице, для удобства, статистические данные по годам жизни были объединены в более крупные группы возрастов по сравнению с изданием-первоисточником, однако в ходе работы стало понятным, что существовали некоторые критически важные и даже опасные периоды в жизни детей. Самой высокой была смертность младенцев до 1 месяца, затем возраст от полугода до 2 лет давал пиковые показатели. Довольно высокими показателями смертности отличался также возраст 2 – 3 года и 5 – 10 лет. И уже в подростковой среде до 15 лет показатель смертности снижался почти в 3 раза по сравнению с предыдущим периодом.

В среднем, в Тульской губернии ежегодно умирало 41 674 ребенка в возрасте до 15 лет. Если мы посмотрим на отношение детской смертности к общей смертности по губернии, то увидим, что почти 70% – умершие в детском возрасте. При этом процент колеблется незначительно по разным годам. Самые высокие показатели из

представленных дает 1905 г., когда неурожай и голод привели к эпидемическому кризису, из-за которого пострадали, в основном, дети.

В данной статистике не учитываются мертворожденные, поскольку никакого планомерного учета не велось, а такие дети не всегда заносились в метрические книги, как и те, кто умер до совершения обряда крещения. Хотя по слабости младенца его могли крестить сразу же. Такой обряд повитуха проводила самостоятельно с наречением именем, принимая решение по состоянию новорожденного. По неполным сведениям, в Тульской губернии в 1886 г. был 151 мертворожденный, в 1889 г. – 85, в 1897 г. – 62, в 1900 г. – 115 и в 1905 г. – 164 [6, с. 53; 7, с. 53; 8, с. 53; 9, с. 53; 10, с. 53]. Эти показатели являются весьма низкими, но совершенно недостоверными из-за недостатков статистического учета, поэтому делать какие-либо выводы на их основании практически невозможно.

Одним из базовых и интегральных статистических показателей в демографии является младенческая смертность до одного года (0 – 12 месяцев), уровень которой отражает, в том числе, социально-экономическое развитие региона и страны. Для понимания уровня жизни в Тульской губернии сравним показатели со средними по России.

Таблица 2

Коэффициенты младенческой смертности в Тульской губернии на рубеже XIX и XX вв.²

	1885	1887	1890	1893	1896	1898	1900	1903	1905	1907	1910
Смертность до 1 года (чел.)	20 141	18 285	24 931	24 164	24 351	24 217	24 434	22 293	30 502	20 322	25 800
Рождаемость (чел.)	73 017	73 483	79 257	77 602	83 337	78 268	84 799	86 217	81 242	89 264	87 947
Коэффициент (‰)	276	249	315	311	292	309	288	259	375	228	293
Средний коэффициент по Европейской России (‰)	270	256	292	252	274	279	252	250	272	225	271

Как мы можем заметить по приведенным данным, несмотря на все успехи медицины в Тульской губернии, коэффициент младенческой смертности, если оценивать его по шкале Б. Ц. Урланиса, оставался чрезвычайно высоким. При этом значительных колебаний в исследуемый период не наблюдается, а коэффициенты по губернии выше, чем аналогичные по Европейской части России. Такой высокий уровень младенческой смертности, несомненно, являлся одной из центральных проблем тульской медицины, а также всей общественной жизни губернии. Земства, общественные деятели и органы власти признавали всю серьезность этой проблемы, однако планомерной деятельности по решению данного вопроса не велось, кроме оспопрививания, подготовки профессиональных фельдшерниц-акушерок и попыток просвещения крестьянства. Ситуацию осложняла тяжелая эпидемиологическая обстановка, санитарные условия жизни и гигиена населения. Огромную роль играли социально-психологические факторы. В первую очередь, крестьянский быт, традиции и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка.

Действительно, непоправимый урон детскому здоровью наносил сам уклад крестьянской жизни. Уже с первых дней младенцу давали так называемую «жеванину» – пережеванный ржаной хлеб с солью в бедных и середняцких семьях и перетолченные пряники, крендельки или белый хлеб в семьях хорошего достатка [21, с. 8]. Кроме того, необходимость для матери в самые короткие сроки включиться в

работу вместе с остальными членами семьи зачастую заставляла перепоручить заботу о младенце другим детям или наоборот старикам. И тот, и другой вариант мог привести к печальным последствиям из-за недосмотра, отсутствия опыта или немощи «няньки» [26, с. 81]. На самом деле, уровень смертности детей в месяцы активных полевых работ заметно повышался, судя по данным метрических книг. Причем одной из главных причин смерти была диарея, вызванная возбудителями различных инфекций.

Высокая детская смертность в Тульской губернии неизбежно обростала суевериями, порожденными недостатком элементарных медицинских знаний. Как отмечается корреспондентами, предоставившими отчеты из разных уездов Тульской губернии в Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева, деревенские повитухи имели в своем арсенале определенный «инструментарий», с помощью которого можно было определить: выживет младенец или нет. Например, М. И. Моисеев из с. Мышенка Епифанского уезда сообщает, что у повитух была примета: если новорожденный радуется воде, в которой его омывают, он будет жить, а если состриженные при обряде крещения волосы утонут вместе со свечным воском в купели, ребенок умрет [23, с. 413]. В Тульском, Веневском и Каширском уезде считалось, что неживучи младенцы, рожденные под исход месяца, те, в день рождения которых в деревне произошло какое-то несчастье или вместе с крестинами в один день в храме отпевают покойного [26, с. 78]. Высокая смертность детей в возрасте до 10 лет объясняется еще и тем, что родители нечасто обращались за профессиональной помощью для их лечения. Гораздо чаще они полагались на лекарственные растения, их отвары, заговоры деревенских бабок-лекарок и различные «магические» действия, как, например, умывание водой, спущенной с громовых стрел (артефактов каменного века) и прикалывание ими больного места.

Но, как уже говорилось, наибольший урон наносили заболевания, носящие инфекционный и эпидемический характер. Когда в губернии появлялся очаг какого-либо заболевания, как правило, первыми страдали именно маленькие дети. К сожалению, нет подробной статистики летальности в детской среде от определенных заболеваний, но мы можем выявить наиболее часто встречающиеся причины смерти по данным метрических книг. В первую очередь, это: коклюш, скарлатина, тиф, корь, круп, грипп (инфлюэнца), диарея различной этиологии, простудные заболевания и др. Часто при уточнении причин смерти на первом году жизни встречаются понятия «слабость» и «недуг» – довольно абстрактные диагнозы, которые скрывают огромное количество патологий антенатального (внутриутробного) развития плода, родовых травм и различных детских болезней. Конечно, священники не были профессиональными медиками, чтобы точно ставить диагнозы, хотя изучали основы медицины в семинариях (до 1867 г., а затем изучение медицины было возобновлено в некоторых учебных заведениях с 1884 г. [25, с. 108–109]). По мере расширения земской и городской медицинской сети, и более полного охвата населения медицинской помощью, диагнозы все чаще ставились врачами или фельдшерами.

Для того чтобы разобраться с реальной ситуацией на местах, возьмем для примера церковный приход с. Казачьи Присады Тульского уезда и рассмотрим изменение статистики детской смертности с 1880 по 1910 гг.

В 1880 г., по данным метрической книги церкви в честь великомученика Димитрия Солунского с. Казачьи Присады Тульского уезда (12 верст от губернского центра), родилось 112 чел., а умерло – 81, из которых 51 (62,9%) – дети до 15 лет. Подавляющее большинство – это дети до 1 года (35 человек), что отвечало общероссийской негативной тенденции. Таким образом, коэффициент младенческой смертности в приходе был чрезвычайно высок и составлял 312,5%. Из причин смерти детей самые распространенные: недуг – 13 чел., слабость – 11 чел., понос – 9 чел., коклюш – 7 чел. [2, л. 780–798]. Довольно много смертей от диареи различной этиологии выпадало на летние месяцы, инфекционные и простудные заболевания,

вполне ожидаемо, обострялись весной и к середине осени. В 1890 г. ситуация с детской смертностью в приходе оставалась практически неизменной. В этот год родился 141 ребенок, а умерло 90 человек, из которых дети – 65 (76,6%). Младенцев возрастом до 12 месяцев в 1890 г. скончалось – 45, а коэффициент младенческой смертности в приходе составил 319,1% [3, л. 320–337]. «Недуг» как диагноз практически пропадает из метрических записей, однако слабость остается доминирующей причиной смерти младенцев до года (20 чел.), на втором месте стоит понос – 11 чел., затем идут коклюш – 10 чел. и скарлатина – 9 чел. В 1900 г. ситуация незначительно улучшилась. В приходе родилось 146 детей, умерло 69 против общего числа умерших – 98 человек [4, л. 314–328об.] Таким образом, снова доля детей составила более 70%. Из них младенцев – 41 человек, что снова дает довольно высокий коэффициент – 280,8%, хотя и ниже аналогичного за 1890 г. почти на 40%. Самой распространенной причиной смерти опять стала слабость – 37 случаев и скарлатина – 16 случаев. По-прежнему встречались случаи смерти от коклюша (4 чел.) Один ребенок 8 лет умер от сухотки. Вероятно, имелось в виду общее истощение организма, а не «спинная сухотка» – заболевание нервной системы, последняя стадия нейросифилиса. Также один ребенок скончался от воспаления мозга в возрасте 12 лет. Здесь, вероятно, имел место менингит. Наконец, к 1910 г. уровень детской смертности в приходе опустился еще ниже. Было зарегистрировано 174 новорожденных и 109 умерших, из которых 62,4% – дети (68 чел.) Младенцев до года – 39 чел. [5, л. 12–28]. Таким образом, коэффициент младенческой смертности упал до 224,1%. Если обратиться к таблице 2, то мы видим, что в конкретном приходе ситуация в 1890 и 1900 гг. была хуже, чем средние значения по губернии. А к 1910 г. наоборот показатели стали существенно ниже среднегубернских. На это влияло множество факторов, включая нахождение села возле железнодорожной станции (0,5 верст) и небольшая удаленность от губернского центра с его медицинскими учреждениями (12 верст). Кроме того, в 1905 – 1907 гг. была построена Теплинская участковая земская больница чуть больше, чем в 4 верстах от села Казачьи Присады, что сразу сказалось на понижении коэффициента младенческой смертности. При этом, если ранее на первом году жизни умирало порядка 30% детей, то к 1910 г. этот показатель снизился до 22%. В 1910 г. в приходе от диареи умерло 29 детей – подавляющее большинство, еще 18 чел. скончались от слабости, по 6 человек – от скарлатины и коклюша, 3 чел. – от кори. Среди диагнозов появляется круп (2 случая), тиф – 1 случай и инфлюэнца (грипп) – тоже 1 случай. В целом, все это говорит о том, что наличие удобных путей сообщения с городом, а также доступной профессиональной медицинской помощи в значительной степени влияли на снижение уровня детской смертности. Конечно, существенный перелом произошел только в советское время, когда детская смертность стала снижаться повсеместно, что было обусловлено как изменениями в системе здравоохранения и в методах лечения, появлением новых лекарственных препаратов и вакцин, так и переменами в самих принципах ухода за младенцами и их воспитания.

Таким образом, в Тульской губернии, как и во всей Российской империи, сохранялся чрезвычайно высокий уровень детской смертности и, в том числе, младенческой смертности, что являлось характерной чертой аграрного общества. Но одним из важнейших факторов, влиявших на этот уровень во всей стране, Б. Н. Миронов называет русскую модель демографического поведения, которая характеризуется двусторонними связями между очень высокой детской смертностью и многоплодностью. Чем больше умирало детей, тем больше их рождалось. Чем чаще рожала женщина, тем слабее было ее здоровье и хуже состояние новорожденного, что приводило к высокой смертности. Такое положение Б. Н. Мироновым было хлестко названо «адской машиной», автор прямо говорит о том, что дети рождались, чтобы умереть [17, с. 199]. Показатели смертности детей в Тульской губернии были выше средних по России, что говорит о весьма

неблагополучных социально-экономических и санитарных условиях региона. В рассматриваемый период не происходило кардинального падения или повышения анализируемых параметров, однако все же можно говорить о наметившейся тенденции к снижению показателей детской смертности, к уменьшению рождаемости и общей смертности, а также к некоторому изменению образа жизни за счет повышения культурного уровня, что говорит о начале демографического перехода.

Примечания

1. Таблица составлена по изданию: «Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы ... [по годам]. СПб.: Центр. стат. Ком. М-ва внутр. дел, 1890 – 1916.
2. Таблица посчитана по изданию: «Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы ... [по годам]. СПб.: Центр. стат. Ком. М-ва внутр. дел, 1890 – 1916.

Список источников и литературы

1. Бахарев Д. С. Младенческая смертность в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.: опыт пространственного анализа // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием.* Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 75–82.
2. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 93. Оп. 1. Д. 3605.
3. ГУ ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 3636.
4. ГУ ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 3691.
5. ГУ ГАТО. Ф. 93. Оп. 3. Д. 1515.
6. *Движение населения в Европейской России: статистические таблицы за 1886 год.* СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1890. [2], 16, 211 с.
7. *Движение населения в Европейской России: статистические таблицы за 1889 год.* СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1893. [4], VI, 211 с.
8. *Движение населения в Европейской России: статистические таблицы за 1897 год.* СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1900. [2], XVI, 211 с.
9. *Движение населения в Европейской России: статистические таблицы за 1900 год.* СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1906. [2], X, 211 с.
10. *Движение населения в Европейской России: статистические таблицы за 1905 год.* Петроград: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1914. [2], XVI, 251 с., 4 л. к.
11. *Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Вишневого.* М.: Новое издательство, 2006. 599 с.
12. Жеребцов Ю. А. Становление детской медицины в Тульской губернии во второй половине XIX - начале XX веков // *История. Историки. Источники.* 2017. № 3. С. 98–107.
13. Жиров Н. А. Уровень детской смертности в крестьянской среде Орловской губернии в начале XX в. // *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2014. № 5 (133). С. 138–147.
14. Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // *Социологические исследования.* 2003. № 6. С. 47–55.
15. Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // *Уральский исторический вестник.* 2014. № 3 (44). С. 80–89.
16. Куркин П. И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 г.: с 30 диаграммами. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1902. XXI, 562 с.: ил.
17. Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало*

- XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 591 с.
18. Новосельский С. А. *Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : тип. М-ва внутр. дел, 1916. [2], 208 с.: табл.*
  19. *Обзор Тульской губернии за 1880 год. Тула: Тип. губ. правления, 1881. 83 с.*
  20. *Обзор Тульской губернии за 1914 год. Тула: Тип. губ. правления, 1916. II, 113 с.*
  21. Попов Г. *Русская народно-бытовая медицина. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 404 с.*
  22. Рашин А. Г. *Население России за 100 лет (1813 - 1913): статистические очерки / под ред. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.*
  23. *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы "Этнографического бюро" князя В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 599 с.*
  24. Соколов Д. А., Гребенщиков В. И. *Смертность в России и борьба с ней: доклад в соединенном собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Санкт-Петербурге и Статистического отделения Высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здравия, 22 марта 1901 г. в зале Музея Н. И. Пирогова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 76, [3] с.: ил.*
  25. Сушко А. В. *Духовные семинарии в России (до 1917 года) // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 107–113.*
  26. Успенский Д. *Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным (по материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском уезде Тульской губернии) // Этнографическое обозрение. 1895. № 4. С. 72–95.*
  27. Чертова Г. И. *Смертность в России в XIX в. по исследованиям современников // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 154–166.*

References

1. Bakharev D. C. *Mladencheskaya smertnost' v Permskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: opyt prostranstvennogo analiza [Infant mortality in the late XIX – early XX centuries in Perm provinces: spatial analysis experience]. Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodyh uchenyh: sbornik materialov userossijskoj molodezhnoj nauchnoj shkoly-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House, 2018. Pp. 75–82. [In Russian].*
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [State Archive of Tula Oblast (SATO)]. Fund 93. Inventory 1. File 3605. [In Russian].*
3. *(GATO) [SATO]. Fund 93. Inventory 1. File 3636. [In Russian].*
4. *(GATO) [SATO]. Fund 93. Inventory 1. File 3691. [In Russian].*
5. *(GATO) [SATO]. Fund 93. Inventory 3. File 1515. [In Russian].*
6. *Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1886 god [The movement of the population in European Russia. Statistical tables for 1886]. St. Petersburg: Center. stat. com. M-va int. Affairs, 1890. 211 p. [In Russian].*
7. *Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1889 god [The movement of the population in European Russia. Statistical tables for 1889]. St. Petersburg: Center. stat. com. M-va int. Affairs, 1893. 211 p. [In Russian].*
8. *Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1897 god [The movement of the population in European Russia. Statistical tables for 1897]. St. Petersburg: Center. stat. com. M-va int. Affairs, 1900. 211 p. [In Russian].*

9. *Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1900 god* [The movement of the population in European Russia. Statistical tables for 1900]. St. Petersburg: Center. stat. com. M-va int. Affairs, 1906. 211 p. [In Russian].
10. *Dvizheniye naseleniya v Yevropeyskoy Rossii. Statisticheskiye tablitsy za 1905 god* [The movement of the population in European Russia. Statistical tables for 1905]. Petrograd: Center. stat. com. M-va int. Affairs, 1914. 211 p. [In Russian].
11. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900-2000* [Demographic Modernization in Russia: 1900–2000], edited by Vishnevsky M. Moscow: Novoe Izdatelstvo Publ., 2006. 608 p. [In Russian].
12. Zherebtsov Yu. A. Stanovleniye detskoy meditsiny v Tul'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov [The formation of children's medicine in the Tula province In the second half of 19th – early 20th centuries]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki: electronic scientific. magazine*. Issue 3. 2017 Pp. 98–107. Available at: history2014.esrae.ru/16-144 (accessed: 10.12.2020). [In Russian].
13. Zhirov N. A. Uroven' detskoy smertnosti v krest'yanskoy srede Orlovskoy gubernii v nachale XX v. [Infant mortality of peasant population of Oryol province in beginning of 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki. № 5 (133)*. [Tambov University Review. Series: Humanities. Tambov. Issue 5(133)]. 2014. Pp.138–147. [In Russian].
14. Kvasha E. A. Mladencheskaya smertnost' v Rossii v XX veke [Infant mortality in Russia in the 20th century]. *Sociologicheskie issledovaniya, № 6* [Sociological Studies. Issue 6]. 2003. Pp. 47–55. [In Russian].
15. Kornilov G. E. Evolyutsiya mladencheskoy smertnosti na Urale v pervoy polovine XX v. [Evolution of infant mortality in the Ural during the first half of the 20th century]. *Ural'skiy istoricheskij vestnik, № 3(44)* [Ural Historical Journal. Issue 3 (44)]. 2014. Pp. 80–89. [In Russian].
16. Kurkin P. I. *Statistika dvizheniya naseleniya v Moskovskoy gubernii v 1883–1897 g.: s 30 diagrammami* [Statistics of the Population Movement in Moscow Province in 1883-1897 with 30 diagrams]. Moscow: “Pechatnya S. P. Yakovleva” Publ., 1902. 562 p. [In Russian].
17. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – XX vv.)* [Social history of Russia during the period of the empire (18th - beginning of 19th century)]. Vol.1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 591 p. [In Russian].
18. Novoselsky S. A. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii* [Mortality and life expectancy in Russia]. Petrograd: Ministry of Internal Affairs Printing House, [2], 1916. 208 p. [In Russian].
19. *Obzor Tul'skoy gubernii za 1880 god* [Overview of the Tula province for 1880]. Tula: Printing house of the provincial government, 1883. 83 p. [In Russian].
20. *Obzor Tul'skoy gubernii za 1914 god* [Overview of the Tula province for 1914]. Tula: Printing house of the provincial government, 1916. 113 p. [In Russian].
21. Popov G. *Russkaya narodno-bytovaya meditsina* [Russian folk and household medicine]. St. Petersburg: A.S Suvorin Publ., 1903. 404 p. [In Russian].
22. Rashin A. G. *Naseleniye Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskiye ocherki. [Population of Russia for 100 years (1813-1913). Statistical essays]*. Moscow: Gosudarstvennoye statisticheskoye izdatel'stvo Publ., 1956. 352 p. [In Russian].
23. *Russkiye krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy: materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva.* [Russian peasants. A life. Gen. Morals: materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 6: Kursk, Moscow, Olonets, Pskov, St. Petersburg and Tula provinces. St. Petersburg: Delovaya poligrafiya Publ., 2004. 599 p. [In Russian].
24. Sokolov D. A., Grebenshchikov V. I. *Rossii i bor'ba s ney: doklad v soyedinennom sobranii Obshchestva russkikh vrachey, Obshchestva detskikh vrachey v Sankt-Peterburge i Statisticheskogo otdeleniya Vysochayshe utverzhdenного Russkogo*

- obshchestva okhraneniya narodnogo zdравиya, 22 marta 1901 g. v zale Muzeya N. I. Pirogova. [Mortality in Russia and the fight against it. Report to the general meeting of the Society of Russian Doctors, Society of Childrens' Doctors in St. Petersburg and Statistical department of the Highest Approved Russian Society for the Protection of Public Health, March 22, 1901 in the hall of the Museum of N. I. Pirogova]. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publ., [3], 1901. 76 p. [In Russian].*
25. Sushko A. V. Dukhovnyye seminarii v Rossii (do 1917 g.) [Theological seminaries in Russia (until 1917)]. *Voprosy istorii*, Issues 11-12, 1996. Pp. 107–113. [In Russian].
26. Uspensky D. Rodiny i krestiny, ukhod za rodil'nitsey i novorozhdennym (po materialam, sobrannym v Tul'skom, Venevskom i Kashirskom uyezde Tul'skoy gubernii) [Childbirth and christening, care for a parturient woman and a newborn (based on materials collected in the Tula, Venevsky and Kashirsky districts of the Tula province)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Issue 4. Moscow: 1895. Pp. 72–95. [In Russian].
27. Chertova G. I. Smertnost' v Rossii v XIX v. po issledovaniyam sovremennikov [Mortality in Russia in the 19th century on research of contemporaries]. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR [Marriage, birth rate, mortality in Russia and the USSR]*. Moscow: Statistika Publ., 1977. Pp. 154–166. [In Russian].

Сведения об авторе

Сафронова Мария Олеговна –
учитель истории МБОУ «Центр
образования №50» г. Тула
(e-mail: mashafronova@mail.ru).

Information about the Author

Safronova Mariya Olegovna,
History teacher of the «Education
center No.50»
(e-mail: mashafronova@mail.ru).

СНАБЖЕНИЕ ТУЛЬСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Ю. Ф. Смирнов

ГУ «Государственный архив Тульской области»
(г. Тула, Россия)

Аннотация. В статье на основе архивных документов анализируется система снабжения населения г. Тулы в начале 1930-х гг. Автор концентрирует внимание на становлении, развитии и ключевых проблемах деятельности распределителей закрытого рабочего кооператива, к которым была приписана основная масса тульского пролетариата. Централизованное снабжение, пришедшее на смену рынку должно было взять в свои руки обеспечение населения продуктами питания и промтоварами. В статье рассмотрены особенности доступа к товарам различных категорий населения, которые заключались в значимости предприятий и учреждений. От этого зависело наполнение продуктового набора, который выдавался в распределителе. Наибольшую продуктивную норму получали рабочие крупных индустриальных предприятий, предприятий оборонной промышленности и рабочие ударных строек. Важную роль в системе снабжения населения продуктами питания в начале 1930-х гг. стало играть общественное питание, которое должно было обеспечить большинство пролетариата горячими обедами, а также создание подсобных хозяйств на предприятиях города.

Внимание уделено тем проблемам, которые возникали в рамках централизованного снабжения, в особенности постоянной нехватке необходимых продуктов питания и одежды и невозможности их приобретения на свободном рынке.

В статье рассматривается реакция населения на возникновение острого дефицита, очередей, рост цен на продукты первой необходимости, и политику властей в сфере снабжения. Степень доступности продуктов питания напрямую влияла на социальное самочувствие горожан и критика власти с этих позиций была довольно жесткой. Трудности, с которыми пришлось столкнуться горожанам, формировали подавленное психологическое настроение, создавали питательную среду для распространения слухов. Автор пришел к выводу, что централизованное снабжение, которое стало результатом целенаправленной политики власти по уничтожению свободного рынка, привело к коллапсу относительного материального благополучия пролетариата, существовавшего в предшествующий период.

Ключевые слова: Тула, тульский пролетариат, система централизованного снабжения, закрытый рабочий кооператив, общественное питание, индустриализация.

SUPPLY SYSTEM OF TULA WORKERS DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

Y. F. Smirnov

State institution "State Archive of the Tula Region"
(Tula, Russia)

Abstract. The article analyzes the supply system of the population of Tula in the early 1930s based on archival documents. The author focuses on the formation, development and key problems of the activities of the distributors of a closed workers' cooperative, to which the bulk of the Tula proletariat was assigned. The centralized supply, which replaced the market, had to take over the provision of the

population with food and manufactured goods. The article discusses the features of access to goods for various categories of the population, which consisted in the importance of enterprises and institutions where people worked. The filling of the food set, which was dispensed in the distributor, depended on this. Workers of large industrial enterprises, enterprises of the defense industry and workers of shock construction projects received the highest food ration. An important role in the system of supplying the population with food in the early 1930s. Public catering began to play, which was supposed to provide the majority of the proletariat with hot meals. Attention is paid to the problems that arose within the framework of centralized supply, in particular the constant shortage of necessary food and clothing and the impossibility of purchasing them on the free market.

The article examines the reaction of the population to the emergence of an acute deficit, queues, rising prices for essential products, and the authorities' supply policy. The degree of food availability directly influenced the social well-being of the townspeople and criticism of the authorities from this point of view was rather harsh. The difficulties that the townspeople had to face formed a suppressed psychological mood, created a breeding ground for the spread of rumors. The author concluded that centralized supply, which was the result of the government's purposeful policy to destroy the free market, led to the collapse of the relative material well-being of the proletariat that existed in the previous period.

Keywords: *Tula, the proletariat, the system of centralized supply, indoor workers' cooperative, catering, industrialization.*

Введение

Статья написана с целью изучения одного из важнейших аспектов повседневной жизни тульских рабочих в начале 1930-х гг. – системы снабжения продовольственными и промтоварами. Организация централизованной системы снабжения после сознательного разрушения рынка в конце 1920-х – начале 1930-х гг. поставила население промышленных городов в тяжелое положение, когда доступ к продуктам питания полностью зависел от качественной работы системы государственного снабжения, а распределение продовольственных ресурсов превратилось для власти в сверхзадачу на многие годы вперед. Эту задачу ставило для себя и рядовое советское население, наученное горьким опытом «голодовок». Люди делали запасы впрок, чутко следя за малейшими изменениями во внутренней и внешней политики.

При написании статьи автор ограничился вопросами организации снабжения тульских рабочих через закрытые распределители, системы общественного питания и реакции населения на ухудшавшееся снабжение. Концептуальную основу статьи составляет подход, предложенный Е.А. Осокиной в монографии «За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927 – 1941» [13].

Источниками для подготовки публикации послужили документы из фондов Государственного архива Тульской области, в первую очередь, Тульского городского комитета ВКП(б) и Городской контрольной комиссии. Комплекс привлеченных материалов – стенограммы пленумов и конференций горкома, докладные записки и информационные сводки о нормах, выдаваемых продуктов, о настроениях среди рабочих, об очередях, обследования состояния общественного питания – позволяет объективно взглянуть на изучаемую проблему.

Организация снабжения рабочих

Система снабжения рабочих через закрытые распределители в Туле начала формироваться осенью 1930 г., после принятия решения на пленуме Московского комитета ВКП(б) 3 октября, и уже к концу октября охватила крупнейшие предприятия: Оружейный и Патронный заводы, Косогорский металлургический завод и железнодорожников. Рабочие этих предприятий первыми ощутили все прелести закрытого снабжения. К середине ноября 1930 г. в Туле было создано 22 закрытых распределителя: 11 «бакалейно-колониальных» и 11 «мясо-рыбо-овощных» магазинов – лучших из всей сети бывшего Центрального рабочего кооператива (далее

по тексту ЦРК). Всего к этим распределителям было прикреплено 81 359 человек – в основном рабочие и члены семей [1, л. 58].

Система централизованного снабжения имела индустриальную обусловленность. Пролетариат в ней снабжался в первую очередь, но и внутри рабочего класса сложилась иерархия в объемах и очередности распределения фондов в зависимости от значимости того или иного предприятия для нужд промышленности, обороны страны и планов индустриализации. Главной задачей было обеспечение рабочих крупнейших заводов, а уже затем предприятий средней и мелкой промышленности и, наконец, всех остальных категорий потребителей. В условиях дефицита продуктов питания, эта система ставила под угрозу снабжение небольших предприятий местного значения, но обеспечивала более-менее стабильный минимальный паек для индустриальных рабочих [1, л. 24]. В Туле снабжение осуществлялось по пяти спискам, на которые были распределены рабочие всех предприятий: повышенный, первый, второй и третий, по отдельному списку снабжались шахтеры. В каждой группе выделялись категории рабочих, трудящихся (служащих) и детей, нормы снабжения которых отличались. К примеру, в конце 1931 – начале 1932 г. рабочие повышенного списка в Туле должны были получать следующую норму продуктов: в день по 400 г черного и белого хлеба; в месяц по три килограмма крупы и макарон, 4, 5 кг мяса, 2,5 кг рыбы, 0,5 литра растительного масла, 200 г сливочного масла, 1,5 кг сахара, 500 г мыла, 75 г чая. Рабочие других списков, трудящиеся и дети получали меньшую норму [2, л. 16–23].

19 октября 1932 г. на заседании бюро Московского комитета ВКП(б) обсуждался вопрос о снабжении рабочих Тульского оружейного, Патронного и Косогорского металлургического заводов. В итоге обсуждения были зафиксированы следующие месячные нормы снабжения: крупы – 2 кг, мяса – 1 кг, рыбы – 800 г, сельдей – 300 г, растительного масла – 400 г [3, л. 44–44об]. Объемы снабжения служащих, рабочих средней и мелкой промышленности были меньше и снабжение их было менее регулярным. К примеру, в начале 1933 г. на заводе им. Крыленко централизованно выдавался только хлеб, крупа и сахар, такое же положение было на строительстве Новотульского металлургического завода и других предприятиях [4, л. 120, 176, 178].

Нормы выдачи были зафиксированы на бумаге в рамках плана снабжения и выглядели достаточно стройно лишь до того момента как начиналась реализация этого плана. Жизнь и конкретные условия все ставили на свои места, и здесь без неприятных сюрпризов не обходилось. В январе 1932 г. в ЗРК Оружейного завода недодали «... рыботоров по первому списку рабочим – 1 кг, трудящимся – 600 г, детям – 500 г; масла сливочного рабочим особого и первого списка, чай по второму списку рабочим и трудящимся и детям, масло растительное совершенно не выдавалось...». По ЗРК Патронного завода рыботоровы выдавались только рабочим особого списка и сезонникам, масло животное выдавалось рабочим особого и первого списков в счет декабрьских норм, ... мыло выдавалось рабочим особого списка в счет второго квартала «ввиду не полного обеспечения» и т.д. [2, л. 41–42]. Подобных примеров в документах очень много, с трудом можно найти период времени, когда потребители получали полную норму. Положение усугублялось еще и тем, что другие источники получения продуктов питания были сильно ограничены, и приходилось потрудиться, чтобы накормить семью.

Снабжение товарами осуществлялось нерегулярно. В течение нескольких месяцев могло быть невыполнение планов на 30 – 50%, а затем в течение месяца перевыполнение по отдельным продуктам или замена одних продуктов другими. Подобную картину можно проиллюстрировать на примере снабжения рабочих Патронного завода в течение 1932 г. Если планы по снабжению ржаным хлебом выполнялись более или менее регулярно – от 90 до 110% в месяц, то с другими продуктами питания положение было более напряженным. План снабжения по пшеничному хлебу в апреле был выполнен на 86%, в июне – на 77%, в августе – на

71%, и только к октябрю снабжение достигло 91%. Также нерегулярно выдавались другие продукты питания. В феврале сахар был выдан в размере 122,2% от плана, а в марте только 94%, масло растительное в марте выдано в объеме 140,6%, а в апреле только 87% т.д. [4, л. 67]. Частыми были замены одних продуктов другими. К примеру, в мае вместо риса выдавалась манная крупа. Сезонные рабочие, трудящиеся и дети первого списка не получили мяса, растительное масло выдавалось рабочим повышенного и первого списка, а также детям взамен задолженности по животному маслу; рыботоровары не выдавались ввиду их отсутствия и т.д. [4, л. 68–68об.].

Практиковались и чрезвычайные выдачи, приуроченные к праздничным датам. К 1 мая 1932 г. по Оружейному заводу из собственной продовольственной базы было выдано всем рабочим по 400 г свинины, 2 кг кондитерских изделий и по одной банке консервов; на строительстве Новотульского завода выдавали по 500 г колбасы и по 1 кг кондитерских изделий [5, л. 71].

Хронической для Тулы была проблема выявления точного числа лиц, которые должны были получать гарантированное снабжение. Постоянный прирост количества рабочих приводил к недоснабжению и увеличению дефицита. К примеру, в январе 1932 г. областные власти установили контингенты снабжения по Туле и району в размере 218 866 человек, в то время как Горснаб рассчитывал получить снабжение на 230 989 человек [2, л. 39]. Нехватка фондов приводила к тому, что снабженческие организации механически сокращали количество снабжаемых контингентов. Так в апреле 1932 г. Мособлснаб урезал контингенты снабжения Тулы на 10% [2, л. 13–14]. Разрыв контингентов, заложенных в снабжение и фактически имевшихся на тульских предприятиях, составлял в 1932 г. от полутора до девяти тысяч рабочих, которые не были обеспечены централизованными поставками [2, л. 24–25]. Работа ЗРК с этой точки зрения напоминало постоянную борьбу за выживание. Местным кооперативным руководителям постоянно приходилось «держатъ руку на пульсе». Необходимо было напоминать о своем существовании телеграммами, письмами и поездками, с целью выбивания фондов.

Осознав невозможность в централизованном порядке обеспечить снабжение рабочего населения, власть пыталась переложить часть ответственности на места. Были приняты решения об организации пригородных хозяйств рабочей кооперации – огородов и ферм, вся продукция которых должна была идти на снабжение рабочего населения. Постановлением собрания уполномоченных по рабочему снабжению Тулы от 18 ноября 1930 г. предполагалось расширить в этом направлении деятельность ЦРК, чтобы в 1931 г. на 100% местными силами обеспечить потребности трудящихся Тулы в молоке и овощах [1, л. 23]. К работе в пригородных хозяйствах привлекались рабочие от станка, для чего проводились агитационные кампании, но по признанию самих организаторов, результаты были скромными: «...когда выходило по 140–150 человек, это не было похоже на субботник, а это была карикатура на субботник...». Для этой же цели привлекались и домохозяйки в рамках отработки «дней индустриализации». В целом все попытки наладить качественную обработку огородов рабочими руками показали свою неэффективность. В 1932 г. из-за несвоевременного проведения работ по прополке и сбору овощей в кооперативном хозяйстве Оружейного завода погибло 124 га овощей, были трудности и с их хранением, поскольку в Туле было очень мало овощехранилищ.

Торговля в системе снабжения населения

Кооперативы стремились работать с прибылью, за что подвергались критике и со стороны властей, и со стороны рабочих. В 1932 г. по Туле наценка на товары, реализовывавшиеся через кооперативную сеть, составила в среднем от 11% до 15% от закупочной цены. Правда, местные власти довольно часто устанавливали цены на товары в приказном порядке. Так, осенью 1930 г. в преддверии кампании по перезаключению коллективных договоров, горком ВКП(б) предлагал ЦРК продавать

картофель не дороже 75 коп. за пуд, с тем чтобы создать определенное настроение у рабочих.

Постоянной проблемой и причиной недовольства в рабочей среде был рост цен, особенно резкий в начале 1932 г., после выполнения постановления комитета цен при Совете труда и обороны от 27 января о частичном повышении цен на товары. В Туле особенно резко выросли цены на промтовары: на ситец – 224%, мужские ботинки – 66%, керосин – 208%, дрова – 27%. Но и продукты подорожали тоже существенно: ржаной хлеб – 33%, пшеничный – 56%, гречневая крупа – 94%, картофель – 88%, говядина – 65%, молоко – 51%, сахар – 63% [2, л. 30–31]. Мероприятие по повышению цен было проведено без подготовки населения, в течение одних суток, что породило резкое недовольство и волну слухов в очередях, которые затем разливались по цехам и мастерским: «...заработок не увеличивают, а цены повышают. Вы коммунисты привыкли только врать. Вы сами говорили о снижении цен, а теперь делаете наоборот. Больше мы вам верить не будем...» – Комарова, работница ТПЗ, цех №1, беспартийная; «... нас обманывают, в газетах пишут о снижении, а на самом деле происходит повышение цен, к концу пятилетки от рабочего останутся одни кости...» – Ромашкин, работник пожарной команды ТОЗ, беспартийный; «... Карандашов, рабочий энергоотдела цеха №3 ТОЗ, купил селедку, и держа ее за хвост показывал сидящим товарищам со словами: «вот была 20 коп., а теперь стала 30 коп. ...» [5, л. 3–4об.]. В феврале 1932 г. килограмм пшеничной муки в закрытом рабочем кооперативе можно было купить за 27 коп., килограмм говядины за 1 р. 45 коп., килограмм сахара за 95 коп., литр молока за 42 коп. Промтовары были в большом дефиците, но даже если они и «выкидывались» на прилавок, рядовому рабочему они часто были не по карману.

Постоянным пейзажем и неотъемлемой частью жизни каждого горожанина стали очереди, уже в 1930 г. они были повсеместным явлением. Причин их возникновения было несколько. Во-первых, это простой недостаток торговых точек. После введения «закрытой» торговли большинство жителей могли приобретать продукты только через «свои» магазины. К концу 1931 г. в Туле на 200 тысяч жителей было всего 50 хлебных торговых точек, которые в полной мере не могли обеспечить спрос в пиковые утренние часы торговли [6, л. 68–73]. Спрос на печеный хлеб усиливался еще и по причине трансформации системы питания населения, если в до-революционные годы хозяйки покупали в основном муку, а хлеб выпекали самостоятельно, то с конца 1920-х гг. ситуация стала меняться. Рост промышленных предприятий привел к увеличению городского населения, которое не имело обустроенного быта и часто не располагало возможностью самостоятельного приготовления пищи, что приводило к росту покупок готовых хлебных изделий. Еще одной причиной были слабые производственные мощности хлебопекарен, не обеспечивавшие спрос. Все это вызывало справедливое недовольство, в первую очередь, женщин, на которых лежали обязанности заботы о семейном столе: «... За последнее время участились случаи недовольства населения на недоброкачественную выпечку хлеба и булок (хлеб плохо пропечен и с резкой кислотой, выдаваемые булки по стандартному объему уменьшаются за счет их недовыпечки и в большинстве выпускаются с пригорелыми корками). Кроме того, за получением хлебопродуктов стали создаваться опять большие очереди, причина которых в несвоевременном снабжении пекарнями магазинов ... и отсутствие транспорта...» – отмечалось в сводках милиции летом 1930 г. [6, л. 24]. Это недовольство «перекочевывало» в мастерские тульских заводов, где самым обсуждаемым вопросом был недостаток продуктов питания и постоянные очереди, а уже оттуда на партсобрания. Представитель магазинной мастерской Оружейного завода на одном из общегородских совещаний по вопросам работы ЦРК в октябре 1930 г. утверждал, что «... если раньше до открытия распределителей хлеб можно было получить после того,

как простоишь полчаса – час, то теперь этот же хлеб можно получить через 2 – 3 часа...» [7, л. 6].

Трудности, с которыми пришлось столкнуться горожанам, формировали подавленное психологическое настроение, создавали питательную среду для распространения слухов, сплетен и толков, возникавших в очередях, в «перекурах» на заводах. Самыми массовыми были слухи о близкой войне, которые стали постоянными спутниками жизни советского человека с середины 1920-х гг. С начала 1930-х гг. стали появляться слухи, которые больше соответствовали текущему моменту. В информационных сводках милиции зафиксирован, прокатившийся по Туле летом 1931 г., слух о пропажах детей, которых «... убивают на колбасу ... топят из них сало и делают мыло, которое на днях будут выдавать пайщикам по талонам...» [6, л. 12].

После резкого сокращения торговых точек в 1929 – 1930 гг., когда фактически была ликвидирована частная торговля, власть всеми силами пыталась увеличить их количество. К середине лета 1932 г. в кооперативную городскую сеть входило уже 252 магазина, но загружены товарами они были в среднем только на 50%. При этом, на прилавках было много малоходовых и несезонных товаров. По торговой сети Тулы таких товаров было на 2 700 000 руб., портфели, футляры для термометров, технические железнодорожные значки, пуговицы, чемоданы заполняли полки кооперативных магазинов, в то время как самого необходимого – платьев, брюк, костюмов и обуви в магазинах не было [5, л. 53]. Ассортимент, предлагаемый в закрытых распределителях, не отличался разнообразием. В декабре 1930 г. в тульских магазинах готового платья ЦРК можно было приобрести всего 11 видов одежды. При этом одежда отпускалась только по специальному талону с отметкой в кооперативной книжке, и в первую очередь рабочим пайщикам с предъявлением удостоверения кооператива. Администрация кооператива регламентировала отпуск только одной вещи на кооперативную книжку. Рабочим-сезонникам промтовары вообще запрещалось продавать, поскольку они считались самым ненадежным пролетарским элементом, т.к. отличались большой текучкой.

Дефицит промтоваров, особенно тканей, готовой одежды и обуви был одной из главных проблем. На предприятиях в связи с этим возникали постоянные конфликты: «... рабочим от станка дают теперь 3 – 4 ордера на весь цех, и мы теперь таким образом никогда не можем получить эти дефицитные товары. И получаются только скандалы на заводе...» – заявляла представительница одного из тульских предприятий на общегородском совещании по вопросам рабочего снабжения в октябре 1930 г. В цехах часто просто не знали «... как распределить эти 5 фуфаек, 1 пару ботинок и 5 утюгов...» [7, л. 12].

Стоит отметить, что в первоочередном порядке промтоварами снабжались ударники производства, рабочие перевыполнившие план. К примеру, в январе 1931 г. Московское потребительское общество после отпуска товаров в Тулу инструктировало местные кооперативные организации, что снабжение городского населения должно быть подчинено «...задаче выполнения и перевыполнения производственных заданий и развитию соцсоревнования и ударничества». Предписывалось 15% всего промтоварного фонда направлять на премирование ударников, в первоочередном порядке должны были снабжаться предприятия, выполнившие и перевыполнившие план [8, л. 78об–79]. К концу 1932 г. уже около 30% наличных товарных фондов бронировалось для ударников [5, л. 51]. Остальным рабочим приходилось как-то выкручиваться: идти на базар, толкучки, покупать с рук.

На совещаниях в ЦРК разворачивались настоящие битвы за распределение дефицитных товаров по предприятиям. Но всегда побеждала точка зрения представителей военной промышленности. Итог одного из таких совещаний 25 ноября 1930 г. по распределению промтоваров выглядел следующим образом: Оружейному заводу – 40%, Патронному заводу – 20%, транспорту – 13%,

Косогорскому заводу – 7%, всей средней и мелкой промышленности – 12%, учебным заведениям – 5%, остальным – 3% [9, л. 109–110].

Общественное питание

В условиях недостатка продуктов в торговой сети, важным подспорьем для многих становилось общественное питание, для развития которого власть предпринимала серьезные усилия. Ставилась задача обеспечить горячими обедами через закрытые и общественные столовые все работающее население Тулы. В течение 1930 г. количество приготовляемых обедов увеличилось более чем в два раза – с 12 до 29,5 тысяч. Особое значение придавалось пуску фабрики-кухни. С введением ее в строй практически весь состав фабрик и заводов Тулы должен был обеспечиваться обедами: в день планировалось приготовить 45 тысяч обедов, из которых 15 тысяч отпускать для рабочих оружейного завода и еще 8 тысяч для патронников [1, л. 25]. Несмотря на все усилия к 1932 г. горячими обедами было обеспечено 39,8% (34 270) рабочих от общего их числа в 89 тысяч [2, л. 49].

Трудности с налаживанием общественного питания заключались не только в фактическом приготовлении обедов, но и в чисто технических проблемах: нехватке соответствующих помещений, оборудования, отсутствии должного санитарного надзора и т.д. Особенно тяжелое положение складывалось на вновь создаваемых предприятиях. Строительство таких гигантов как Бобриковский химический и Новотульский металлургический заводы, которое осуществлялось, буквально в «чистом поле», с привлечением тысяч рабочих, создавало колоссальные трудности в их снабжении. К примеру, в мае 1930 г. пропускная способность столовых на строительстве Бобриковского завода составляла до 3 500 обедов, в то время как на стройке было занято до 8 000 человек [10, л. 109].

Общественное питание всегда было той сферой деятельности, где процветали различные злоупотребления и махинации. Распространенным явлением было произвольное увеличение количества обедов при выдаче рабочим. Фабрика-кухня направляла на предприятие фиксированное количество обедов, а в столовой их выдавали уже в большем количестве, за счет уменьшения порции. Естественно, что деньги шли в карман заводских снабженцев. Именно в это время формируется представление о работниках государственной и кооперативной торговли, как о ворах и жуликах.

Состояние объектов общественного питания с материальной точки зрения также было не на высоте. В конъюнктурном обзоре за январь 1932 г. заведующий отделом снабжения Тулгоркома отмечал, что «... санитарное состояние значительной части столовых неудовлетворительное. Кухни тесны, грязны, складочных помещений при столовых недостаточно. К столовым находящимся в сравнительно благополучном состоянии относятся Фабрика кухни и ряд более крупных столовых...» [2, л. 48–49].

Стоимость обедов в столовых колебалась и в течение 1930 – 1932 гг. постепенно повышалась. В среднем рабочий-оружейник мог пообедать в заводской столовой за 27 – 50 коп., но вот качество обедов оставляло желать лучшего. В документах содержатся сведения, что обеды выдавались по качеству неудовлетворительные, без приправ и в холодном виде, поскольку привозились за несколько часов до раздачи рабочим. По составу обеды были исключительно «капустные» и «картофельные» [3, л. 39]. На одном из совещаний профсоюзных и партийных работников в сентябре 1932 г. представитель патронного завода, доведенный до предела «безобразиями, которые творятся в столовых», обращаясь к собранию, отмечал, что в заводских столовых «... на первое подают капусту с водой, на второе сухую капусту... Может вы скажете, что не так дело обстоит. Может быть, люди ударились в панику, может быть, они катятся по наклонной плоскости, поддались отсталым настроениям? Ничего подобного. По моему, вопрос поставлен правильно. Ничего кроме капусты мы не даем, не можем обеспечить какое-нибудь другое меню...» [11, л. 38об].

Местная власть и проблемы снабжения населения

О проблемах в снабжении населения открыто говорили на партийных и профсоюзных собраниях, но вся ответственность перекадывалась на снабжающие организации. К примеру, на 1-й Городской партийной конференции в сентябре 1930 г. отмечалось, «... что дело со снабжением продуктами питания рабочих обстоит очень плохо, если не сказать хуже... Имеется какое-то безответственное, безразличное отношение к снабжению рабочих на предприятиях со стороны снабжающих организаций...» [12, л. 53]. Правда особого внимания проблема снабжения на конференции к себе не привлекла. Участники, которым в буфете предлагали колбасу и сыр, были заняты более высокими материями и предлагали «не о желудках помнить», а заботиться о выполнении промфинплана.

Причины трудностей оценивались однобоко в рамках идеи борьбы за построение социалистического общества и проведения классового принципа при реализации задач госснабжения. Одной из главных причин недостатка продуктов питания в торговой сети признавалось сознательное вредительство, которое вскрывалось в органах снабжения. С этой точки зрения внимание направлялось на «очищение всех звеньев аппарата ЦРК от классово-чуждых, бюрократившихся и хвостистских элементов», которые не позволяли в полную силу реализовать потенциал госснабжения. На председателя правления ЦРК Баринова «вешали всех собак» за недостаточное снабжение рабочих, за плохую технику распределения товаров, за грязь в столовых. На пленуме Тулгоркома в октябре 1930 г. член президиума городской контрольной комиссии Сокольников говорил о ЦРК, как о «помойной яме», в которой провалится любой партийный и ответственный работник «будь он хоть семь пядей во лбу» и призывал разорить это «осиное гнездо». Самому Баринову грозили, что работа в ЦРК поставлена не по-пролетарски, что идеи для работы берутся ЦРК не из пролетарской среды, а из среды «тех, кого расстреляли в количестве 48», прямо намекая на только-только отгремевший Шахтинский процесс [7, л. 23]. Очевидные проблемы в работе кооперативных органов Тулы были несомненны, но суть проблемы недостатка товаров широкого потребления, когда их приходилось распределять через закрытые торговые точки, нормировать, учитывать каждого человека, была, конечно, не в технике распределения, а в самой торговой системе, при которой практически был поставлен крест на личной инициативе, а вопрос снабжения населения решал функционер.

Недовольство положением с обеспечением продуктами питания, существовало и в партийной среде, и порой даже прорывалось на совещаниях высокого уровня. Так среди записок, поданных секретарю Тулгоркома на одном из совещаний в сентябре 1932 г., была следующая: «Вы говорите, что мы из года в год имеем большие победы, а на практике, на своей шкуре мы ощущаем из года в год голод, голод душит все больше и больше, хуже, чем у капиталистов». Ответ секретаря горкома Седельникова был простым и жестким: «...Автор этой записки не написал свою фамилию. А почему? Ну, посидел бы немного вне партии. Но зачем же скрывать свою фамилию, если хочешь, чтобы тебе разъяснили...» [12, л. 238].

Представляется, что трудности со снабжением внесли определенный вклад и в то, что в Туле в ходе первой пятилетки хронически не выполнялись промфинпланы практически по всем предприятиям. Невыполнению планов на Оружейном заводе была посвящена львиная доля времени на 1-й Тульской городской конференции ВКП(б) в сентябре 1930 г. Основная причина, как тогда говорили «прорыва», виделась в недостаточной сознательности масс рабочих, недостаточно активной работе членов партии и комсомольцев, в слабой мобилизации и т.д. Проблемы со снабжением задвигались на второй план и считались лишь временными трудностями. Власть не могла признать катастрофичность последствий проводимых мероприятий и твердила лишь о временных неудачах, временных затруднениях, причины которых крылись в «подрывной и вредительской деятельности классового врага».

Список источников и литературы

1. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 26.
2. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 256.
3. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 203.
4. ГАТО. Ф. Р-1550. Оп. 1. Д. 779.
5. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 283.
6. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 132.
7. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 5.
8. ГАТО. Ф. Р-1419. Оп. 2. Д. 2а.
9. ГАТО. Ф. Р-1216. Оп. 1. Д. 503.
10. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 20.
11. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 247.
12. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 3.
13. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927 – 1941. М.: РОССПЭН, 1997. 271 с.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 26. [In Russian].*
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 256. [In Russian].*
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 203. [In Russian].*
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund R-1550. Inventory 1. File 779. [In Russian].*
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 283. [In Russian].*
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 132. [In Russian].*
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 5. [In Russian].*
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund R-1419. Inventory 2. File 2a. [In Russian].*
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund R-1216. Inventory 1. File 503. [In Russian].*
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 20. [In Russian].*
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 247. [In Russian].*
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO) [Tula Oblast State archive]. Fund P-3. Inventory 1. File 3. [In Russian].*
13. *Osokina Ye. A. Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: raspredeleniye i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii: 1927–1941 [Behind the facade of "Stalin's abundance": distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization: 1927-1941]. Moscow: ROSSPEN publ., 1997. 271 p. [In Russian].*

Сведения об авторе

Смирнов Юрий Федорович –
кандидат исторических наук, начальник
отдела использования документов
АР РФ ГУ «Государственный архив
Тульской области»
(e-mail: yurasmirnov2006@gmail.com).

Information about the Author

Smirnov Yuriy Fedorovich,
PhD in History, head of the Department of the
Use of the Russian Administrative Resource
documents of the Tula Oblast State Archive
(e-mail: yurasmirnov2006@gmail.com).

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕАКЦИИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

Е. П. Мартынова

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Аннотация. Статья подготовлена по материалам этносоциологического опроса, проводившегося весной 2017 г. в Тульской области (города Тула, Новомосковск, Щекино, Узловая) с целью изучения отношения населения региона к трудовым мигрантам и перспективам их адаптации и интеграции. Среди приезжающих в область гастарбайтеров преобладают выходцы из стран ближнего зарубежья, которые еще не в столь далеком прошлом входили в состав СССР. Автор обращает внимание на то, что около половины туляков считает бывших советских людей соотечественниками. Тем не менее, барьер в восприятии приезжих из ближнего зарубежья существует: подавляющее большинство респондентов отрицательно относятся к совместному обучению с детьми мигрантов, не одобряют браки с ними. Особое внимание в статье уделено влиянию миграции на рынок труда в регионе. Абсолютное большинство опрошенных считают, что труд мигрантов в области востребован в таких сферах, как жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, дорожные работы, сельское хозяйство. При этом респонденты не желают видеть иммигрантов в отраслях, предполагающих высокий уровень квалификации работников. В ситуации, когда присутствие мигрантов заметно на улицах городов области, особую важность приобретает вопрос о включении или «не включении» иммигрантов в российский социум. На сегодняшний день существует языковой и культурный барьер между местным населением и иммигрантами, за преодоление которого высказалось большинство респондентов. Больше половины жителей Тульской области разделяют линию на адаптацию и интеграцию мигрантов и поддерживают идею о разработке соответствующих программ, к реализации которых необходимо привлекать общественные организации, бизнес-структуры и, конечно, самих мигрантов.

Ключевые слова: Тульская область, трудовые мигранты, общественное мнение, принимающее сообщество, адаптация, интеграция.

MIGRANT WORKERS IN THE TULA REGION: RESPONSES OF THE LOCAL POPULATION AND PROSPECTS OF INTEGRATION

E. P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Abstract. The article is based on the materials of an ethnosociological survey which aim was to study the attitude of the region's population towards labor migrants and the prospects for their adaptation and integration. The poll took place in the spring of 2017 in the Tula region (Tula, Novomoskovsk, Shchekino, Uzlovaya). Among the migrant workers who come to the region, there are predominantly immigrants from neighboring countries, which were part of the USSR not in such a distant past. The author notes that about half of Tula residents consider the former Soviet people as compatriots. Nevertheless, there is a barrier in the perception of newcomers from neighboring countries: the vast majority of respondents have a negative attitude to co-education with migrant children, do not approve marriages with them.

Special attention is paid to the impact of migration on the labor market in the region. The absolute majority of respondents believes that migrant labor in the region is in demand in such areas as housing and communal services, construction, road works and agriculture. At the same time, respondents do not want to see immigrants in industries that involve a high level of qualification of employees. In a situation where the presence of migrants is noticeable on the streets of cities in the region, the question of including or "not including" immigrants in Russian society becomes particularly important. There are language and cultural barriers between the local population and immigrants supported by the majority of respondents. More than half of the residents of the Tula region share the line on adaptation and integration of migrants and support the idea of developing appropriate programs, which should involve public organizations, business structures and, of course, migrants themselves.

Keywords: *Tula region, migrant workers, public opinion, host community, adaptation, integration.*

Введение

Миграция в наши дни является объектом пристального внимания общества. Как социально-экономический феномен она привлекает внимание социологов и экономистов. Не менее актуальным представляется изучение этой проблемы с позиций этнологов, поскольку тематика миграции имеет непосредственный выход на проблемы межэтнического взаимодействия, межнациональных отношений и этнических конфликтов [7; 8]. Данная статья написана по материалам, подученным в ходе опроса населения весной 2017 г. в рамках исследования «Миграционные вызовы России и предупреждение социальных конфликтов. Разработка региональных моделей участия гражданского общества в адаптации и интеграции мигрантов» по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга EAWARN. Проводился опрос экспертов (120 анкет), в числе которых были представители органов власти областного, муниципального и районного уровней, деятели общественных организаций (национально-культурных и правозащитных), а также преподаватели ВУЗов. В ходе массового опроса было заполнено 300 анкет в городах Тула, Новомосковск, Щекино, Узловая.

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на демографическую ситуацию в регионе, население которого сокращается с 1970-х годов. Основной причиной является демографическое старение, депрессивное состояние промышленности и экономики в целом. Следствием чего является отток трудоспособного населения за пределы региона (в основном в Москву). Региональные власти считают, что приток мигрантов позволяют частично компенсировать нехватку рабочей силы по непопулярным направлениям, куда туляки трудиться идти не хотят [4]. Однако в целом иммигранты почти не влияют на рынок труда в области, т.к. их численность не превышает 2% от общего числа занятого населения (770 тыс. человек). Между тем, среди областной элиты, как и российской, отсутствует согласие относительно необходимости миграции, не говоря уже об интеграции мигрантов. Для выработки взвешенного подхода к решению этой актуальной и многогранной проблемы важно знать реакцию общественного мнения на факт присутствия приезжих и перспективы включения иммигрантов в региональное сообщество.

«Свои» или «чужие»?

Трудовые иммигранты из стран ближнего зарубежья давно стали привычным явлением в жизни Тульской области. В последние годы (до начала пандемии) на миграционной учет ставилось ежегодно около 100 – 150 тыс. иностранцев, приезжающих на заработки. По данным региональной прессы, в области одновременно работало по 20 – 23 тыс. «трудоустроенных» мигрантов [4]. Увеличенный миграционный поток отмечался в теплое время года, когда разворачиваются масштабные работы по ремонту дорог, строительству, посадке и уходу за сельскохозяйственными культурами. По данным начальника управления по вопросам миграции Тульского областного УМВД Д. А. Оськина, «больше всего гастарбайтеров прибывает из стран ближнего зарубежья: узбеков – 38% от общего числа мигрантов, затем идут украинцы – 21%, таджики – 12%; среди приезжающих из

дальних стран с визовым режимом лидируют вьетнамцы, хотя доля их в потоке мигрантов мала – всего 2%» [12]. Такая география мест исхода приезжих вполне объяснима. После подписания Беловежских соглашений и поворота в сторону создания рыночной экономики в новых суверенных государствах, те, кто был подстегнут рынком к эмиграции, не побежали «куда попало». Естественно, что большинство устремилось в те места, с которыми имелись определенные экономические и социальные связи, прежде всего, это бывший «центр» СССР. Сначала иммигранты появились в Москве, потом в других мегаполисах, а затем в других городах и регионах. Демографическая ситуация в Тульской области, потребность региональной экономики в рабочих руках, изменения в российском миграционном законодательстве – все это способствует привлекательности региона для временных трудовых мигрантов из-за рубежа. Причем, если в первом десятилетии XXI в. гастарбайтеры «оседали» преимущественно в областном центре, то в последние годы все более заметным становится присутствие иностранных трудовых мигрантов в пригородах, на расстоянии 30 – 40-минутной транспортной доступности от Тулы.

Выше уже обращалось внимание на то, что среди приезжающих в область трудовых мигрантов абсолютно доминируют выходцы из стран ближнего зарубежья. Это люди, которые не столь давно, если не сами, то их родители, были гражданами одного государства и жили в едином социокультурном пространстве с туляками. В связи с этим важно оценить реакции туляков на вопрос о том, кого можно считать соотечественниками. Распределение ответов показало, что 47% респондентов отнесли к соотечественникам всех, кто родился в СССР, а это значит, что почти половина туляков считает всех бывших советских людей «своими», т.е. имеющих общие исторические корни. Такой показатель свидетельствует о том, что различия между россиянами и гражданами постсоветских государств пока не столь велики, как, например, различия между иммигрантами и принимающим населением в Западной Европе. Что думает о приезжающих на заработки другая половина жителей области? Около трети опрошенных (30%) признают право считаться соотечественниками за теми, кто знает русский язык. Еще 14% «наделяют» таким правом только отдельные национальности. Таким образом, оказалось, что для второй половины (хотя и меньшей) жителей области этнические (культурно-языковые) различия людей выступают барьером при разделении на «своих» и «чужих».

Результаты ответа на вопрос о зарубежных соотечественниках показательны еще и с другой позиции. В том, что почти половина туляков допускает восприятие мигрантов из постсоветских государств как соотечественников можно усмотреть скептическое отношение жителей области к суверенитету государств, возникших после распада СССР в 1991 г. В их сознании сохранился образ Советского Союза как цивилизационного центра, к которому тянулись жители окраин. Такие установки переносятся и на современную Россию. Мне приходилось слышать мнение знакомых по поводу иностранных студентов из Средней Азии: «Они не настоящие иностранцы». Про группу, в которой нет студентов из стран дальнего зарубежья, можно услышать характеристику: «Иностранцев нет, есть только туркмены и узбеки». Думаю, что так считают не только преподаватели, отголоски имперского сознания довольно живучи среди россиян.

Если в общественном сознании сохраняется представление о России как имперском центре, важно узнать, готовы ли ее жители принять обитателей периферии? Иными словами, готовы ли россияне, в данном конкретном случае туляки, преодолеть барьер по отношению к приезжающим «с окраин» в повседневной жизни? Судить об этом можно по распределению ответов на вопрос об отношении к совместному обучению с детьми мигрантов. Положительно к такой идеи отнеслись всего 14% респондентов, немногим менее половины опрошенных (46%) – нейтрально, а более трети (36%) – отрицательно. По сравнению с результатами опроса 2015 г.,

увеличилась доля и противников (на 11%), и сторонников (на 8%) совместного обучения. Такое распределение ответов показало, что барьер в восприятии мигрантов сохраняется.

В целом об уровне толерантности жителей Тульской области по отношению к мигрантам можно судить по совокупному распределению ответов на вопросы, касающиеся негативного восприятия гастарбайтеров. Уровень неприятия мигрантов в целом оказался «равным» 24%. Больше всего оказалось тех, кто против совместного обучения детей с мигрантами и убежденных в более высоком уровне мигрантской преступности (36% и 31% соответственно); 5% туляков категорично заявили о «ненужности» применения труда мигрантов ни в каких профессиях. Предубеждения против приезжих в сознании туляков, хотя и не выражены отчетливо, но все же присутствуют у каждого четвертого туляка.

Среди специалистов существует мнение, что «мигрантофобия является неизбежной составной частью адаптационной реакции принимающего общества» [3, с. 453]. Исследования Института социологии показали, что на характер межэтнических отношений влияет уровень образования, удовлетворенность или неудовлетворенность своей жизнью. Решение экономических проблем способствует снятию этнического напряжения, которое имеет свойство быстро прогрессировать в условиях социально-экономического неравенства, когда увеличивающаяся поляризация социальных групп создает для этого благоприятную почву [13, с. 15]. Уровень средней заработной платы в Тульской области в 2017 г. составлял 26 413 руб. в месяц, что существенно ниже, чем в среднем по РФ (37 400 руб.), а тем более в соседней столице (70 220 руб.) [14]. Поэтому регион находится в зоне риска обострения отношений «местные – приезжие».

В ходе опроса респондентам задавался вопрос о частоте преступлений, совершаемых мигрантами. Половина туляков не видят различий в уровне преступности между местными жителями и приезжими. Треть из опрошенных (34%) считают, что мигранты чаще, чем местные жители, совершают преступления. Это немного ниже по сравнению с опросом 2015 г. (было 40%). Показательно, что в 2015 г. 36% опрашиваемых затруднились ответить на вопрос об уровне преступности среди мигрантов. В 2017 г. таких неуверенных было гораздо меньше – всего 14%. Можно сказать, что наметилась тенденция к отходу туляков от стереотипа мигранта-насильника, мигранта-вора. В беседе одна из респондентов, работающая риелтором, сказала, что в областном центре хозяева охотнее сдают квартиры трудовым мигрантам из стран Средней Азии, чем два-три года назад. Владельцы жилья считают, что «таджики» поддерживают чистоту в квартирах, не устраивают шумных вечеринок и вообще ведут себя законопослушно, поскольку боятся осложнить отношения с полицией.

Однако не стоит переоценивать уровень доверия жителей области к приезжающим на работу. Хотя, как и в 2015 г., почти две трети опрошенных (62%) отказывались участвовать в антимигрантских акциях, нужно обратить внимание на возросшую долю туляков, готовых к участию в пикетах и акциях против иностранных мигрантов. В 2015 г. таких было 16%, в 2017 г. – 25%. Судя по итогам опросов, «решительные» появились из «сомневающих»: два года назад 20% опрошенных затруднились ответить на вопрос об участии в акциях, в 2017 г. – только 11%. Как видим, довольно многие жители области убеждены, что приток мигрантов угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты.

Конкуренты за рабочие места?

Одним из важнейших аспектов миграционной политики является вопрос о влиянии миграции на российский рынок труда [6; 11]. В Тульской области довольно остро стоит проблема безработицы, уровень которой рос последние три года. В конце 2016 г. этот показатель был одним из самых высоких в стране [15]. Казалось бы, что в такой ситуации местное население должно опасаться конкуренции за рабочие места

со стороны приезжающих трудовых мигрантов. Однако только каждый пятый из опрошенных (22%) опасался, что приезжие отнимают работу у местных жителей. Гораздо больше респондентов (40%) сочли, что местные сами не хотят занимать некоторые рабочие места. Около трети (31%) полагали, что в вопросах безработицы переплетаются конкуренция со стороны мигрантов и нежелание работать со стороны туляков. По сравнению с опросом 2015 г., число опасующихся конкуренции за рабочие места снизилось вдвое: тогда 45% респондентов сочли возможным, что мигранты отнимают рабочие места у местных жителей.

Категорически против привлечения трудовых мигрантов в регион высказались только 12% респондентов. Абсолютное большинство опрошенных (87%) считают, что труд мигрантов в области востребован и назвали сферы экономики, в которых, по их мнению, гастарбайтеры могут себя проявить. Это свидетельствует в пользу «привычки» туляков к тому, что приезжие на протяжении многих лет работают в области.

Опрос предполагал учет мнения респондентов о том, в каких профессиях следует использовать труд иностранцев в регионе. На первой позиции в списке «мигрантских профессий» оказалась уборка и другие жилищно-коммунальные услуги (65%), затем – строительство и дорожные работы (38%), сельское хозяйство (31%). Это те сферы, в которых труд иностранных работников задействован больше всего в настоящее время. С точки зрения жителей области меньше всего они хотят видеть мигрантов, работающих в кафе, ресторанах и гостиницах (7%), на общественном транспорте (9%). По поводу последнего можно добавить, что туляки нередко высказывают недовольство, когда за рулем городских и пригородных маршруток они видят лица приехавших с Кавказа людей. Пассажирам не нравится, прежде всего, лихачество за рулем и пренебрежение правилами дорожного движения. В гостиничном и ресторанном бизнесе иностранных мигрантов не хотят видеть потому, что «приезжие готовят с нарушением санитарно-гигиенических норм».

Известно, что часть российской элиты выступает за отказ от массовой внешней миграции, поскольку она способствует наплыву в страну малоквалифицированной рабочей силы с низким уровнем образования и полагает, что можно сделать исключение только для относительно небольшого числа высококвалифицированных специалистов. Результаты опроса показали, что в Тульской области люди не согласны с такой позицией. Среди перечня профессий в анкете не были названы напрямую требующие высшего образования, но были указаны сферы, предполагающие наличие определенной квалификации. Оказалось, что респонденты совершенно не желают видеть иммигрантов в отраслях, предполагающих высокий уровень квалификации работников. Так, «за медицину» высказался всего 1% опрошенных. Один респондент в комментарии к ответу отметил, что труд приезжих можно использовать в наукоемких отраслях, один – в бизнесе, два сочли возможным задействовать мигрантов «в соответствии с профессией» и «в зависимости от уровня образования». Большинство туляков поддержало мнение об использовании труда иммигрантов на тех рабочих местах, которые не требуют квалификации и образования. Это значит, что в массовом сознании населения иммигранты допускаются в регион лишь в качестве гастарбайтеров, не способных конкурировать за престижные рабочие места.

Есть ли перспектива для интеграции?

Вопросам адаптации и интеграции мигрантов в России уделяется серьезное внимание в трудах социологов и этнологов [1; 2; 5; 9; 10]. Мигранты стали неотъемлемой частью жизни туляков, поскольку они почти ежедневно видят их за уборкой улиц, на строительных и ремонтных работах. В такой ситуации особую важность приобретает вопрос о включении или «не включении» иммигрантов в российский социум. Одним из важнейших условий интеграции в принимающее сообщество является преодоление языкового барьера. Знание русского языка дает возможность получения информации о правилах трудоустройства, увеличивает

шансы получения легальной работы, снижает зависимость от всякого рода «дельцов» при трудоустройстве и обустройстве, не говоря уже о расширении контактов с местным населением, возможности реализации прав на получение медицинской помощи, образования и т.д.

Ответы, полученные в ходе опроса, показали, что абсолютное большинство туляков (89%) выступают за обучение мигрантов русскому языку. При этом безоговорочно «за» высказались 22% опрошенных, остальные с оговорками: да, но пусть платят сами за обучение (40%) или учить только тех, кто хочет остаться в России (27%). Такое распределение ответов говорит о том, что только каждый десятый житель региона категорически против сокращения языковой дистанции между приезжими и местными жителями. Остальные, пусть и не всегда осознанно, но все же склоняются к идее интеграции иммигрантов.

Не менее важным для интеграции является преодоление культурной дистанции между местным населением и иммигрантами. Известно, что граждане других стран далеко не всегда осведомлены о нормах жизни россиян. Ответы на вопрос о необходимости информировать мигрантов о местных культурных традициях и нормах, показали, что всего 11% туляков отрицательно относятся к идее осведомления мигрантов о культурных обычаях принимающего сообщества, а более трех четвертей (78%) считают это нужным делом. При определении способов информирования мнения разделились: 19% высказались за раздачу листовок, 17% – за привлечение мигрантов к общественной жизни, а больше всего (42%) – за сочетание того и другого. Такой результат мониторинга показал, что большинство туляков считают культурный барьер преодолимым. И хотя массовое сознание жителей области не характеризуется культурной открытостью и терпимостью к различиям, по результатам мониторинга можно увидеть тенденцию к преодолению культурной дистанции.

Прямой вопрос о том, нужна ли интеграция мигрантов, респондентам не задавался. О реакции общественного мнения на него можно судить по совокупности ответов на вопрос о способах информирования мигрантов. Более половины (59%) респондентов допускают мысль об участии иммигрантов в жизни российского общества, а, следовательно, выступают как сторонники интеграции. Противников интеграции оказалось в два раза меньше – 30%. Это те, кто высказался за то, чтобы либо не предпринимать никаких действий по информированию иммигрантов, либо за раздачу листовок, т.е. за пассивное поведение мигрантов в принимающем сообществе.

Важным аспектом исследований по проблемам миграции является изучение настроений местных жителей по отношению к культуре иммигрантов. Последнее время СМИ области много говорят о пробуждении туристической активности населения, поэтому интересно узнать, как респонденты отвечали на вопрос о турпоездках в страны, из которых приезжают трудовые мигранты. Мнения разделились: положительно к такой идее отнеслись 21% опрошенных, отрицательно – 23%, больше половины (53%) высказались нейтрально. Выше говорилось, что идею о приобщении мигрантов к российской культуре разделяют 78% туляков, примерно столько же (74%) вовсе не против знакомства с традициями иммигрантов в их странах. Опрос 2015 г. показал, что тогда половина респондентов (49%) не проявила никакого интереса к познанию культуры, языков, истории мигрантов. За два года интерес к традициям приезжих стало проявлять на четверть туляков больше. Это значимое свидетельство о возможности сокращения культурной дистанции между гастарбайтерами и местным населением.

Подтверждается это и стремлением туляков приобщиться к национальной кухне мигрантов. Более трети (35%) положительно относятся к идее открытия этнических кафе и ресторанов, еще 44% заявили о нейтральном отношении. Против появления в городах подобных пунктов питания высказались 20%. О положительном

восприятию культуры мигрантов тульским сообществом свидетельствует то, что довольно много людей проявили интерес к обучению промыслам, танцам, музыке, национальной кухне приезжих. За обучение высказался 41% респондентов, примерно столько же отнеслись нейтрально (44%), против – только 12%. Такое распределение ответов говорит о готовности туляков адаптироваться к культуре мигрантов. Сторонников изучения языков мигрантов оказалось в два раза меньше: только 18% положительно оценили идею об организации для желающих изучать языки, на которых говорят мигранты. Правда, и против такой идеи высказалось совсем немного – 16%. Большинство респондентов (63%) заняли нейтральную позицию. В целом среди жителей Тульской области положительно настроенных на интеграцию мигрантов существенно больше (29% респондентов), чем отрицательно (18%). Чуть больше половины не могут определиться в своем отношении к мигрантам и миграции, т.е. не выступают ни «за», ни «против» (51%). О благоприятных перспективах интеграции можно судить и по тому, что абсолютное большинство жителей области (89%) не испытывали к себе негативного отношения по этническим и религиозным причинам.

Что препятствует интеграции?

Тенденцию к позитивному восприятию мигрантов туляками не стоит переоценивать, поскольку она отчасти ситуативна. Внимание информационных телеканалов концентрируется на внешнеполитических событиях. Учитывать нужно и то, что в условиях замедления темпов экономического роста уровень жизни туляков снизился, поэтому не удивительно, что их больше занимают вопросы собственного выживания. Однако все может измениться, особенно при увеличении потока трудовых мигрантов, тогда ксенофобия в обществе может нарастать. Основание для беспокойства вызывают возросшие показатели по готовности туляков участвовать в акциях против иностранных трудовых мигрантов и сохраняющийся достаточно высокий уровень неприятия мигрантов в целом.

Немалую лепту в разжигание мигрантофобии вносят региональные СМИ, регулярно (2 – 3 раза в месяц) публикующие материалы о нарушениях гастарбайтерами миграционного законодательства в разных районах Тульской области. Типичные названия заметок в тульских газетах Слобода, Тульские известия, Молодой коммунар: «На ферме в Веневском районе незаконно трудились мигранты»; «На свалке в Тульской области проживали нелегальные мигранты»; «Полицейские Тульской области продолжают работу по выявлению нарушений в сфере миграционного законодательства»; «Участковый выявил на Косой Горе "незаконных" иностранцев»; «Тульские полицейские выявили за минувшие сутки два факта фиктивной постановки на учет иностранцев». Вряд ли после получения такой информации у местных жителей появятся симпатии к мигрантам. Показательно, что статьи размещаются в рубриках «Дежурная часть», «Происшествия». Публикаций, рассказывающих о традициях и культуре трудовых мигрантов, в тульской прессе не встречается.

Наряду со СМИ, как справедливо заметил В. И. Дятлов, большую роль в формировании отношения общества и властей к процессу миграции и к мигрантам играют стереотипы. «Будучи сферой априорного до/внеаучного знания, по условию стереотипы не нуждаются в критике источников, в верификации, во внутренней логике и непротиворечивости отдельных постулатов. Но именно они, а не позитивное научное знание формируют отношение общества и властей к процессу миграции и к мигрантам. Отражая преобладающее пока отношение к мигрантам, стереотипы структурируются по преимуществу вокруг ксенофобских комплексов» [3, с. 452].

В целом больше половины жителей Тульской области разделяют политическую линию на адаптацию и интеграцию мигрантов. Как принимающее сообщество, они поддерживают идею о сокращении языковой и культурной дистанции с приезжими. Для того, чтобы эти процессы протекали менее болезненно нужны программы по

интеграции и адаптации мигрантов. К их разработке и реализации необходимо привлекать общественные организации, бизнес-структуры и, конечно, самих мигрантов. Следует задействовать средства массовой информации для освещения и популяризации деятельности государственных органов и институтов гражданского общества в сфере миграционной политики, адаптации и интеграции мигрантов. Важно качественное и регулярное информирование населения не только о проводимых в регионе мероприятиях по социокультурной адаптации мигрантов, но и о культурных отличиях мигрантов, а также самих мигрантов о культуре и традициях туляков. Местное население должно понимать, что миграция представляет собой не некую угрозу для страны, а является ресурсом для развития государства и региона. Важнейшим инструментом в процессе интеграции иммигрантов в принимающее сообщество должна стать деятельность диаспор.

Список источников и литературы

1. Дмитриев А. В., Воронов В. В. Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации. М.: Новый Хронограф, 2017. 336 с.
2. Дробижева Л. М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 74–84.
3. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 451–458.
4. За первые три месяца 2017 года население Тульской области выросло на 694 человека // Тульские новости. 2017. 11 мая.
URL: http://newstula.ru/fn_270318.html (дата обращения: 30.10.2020).
5. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Либер. миссия, 2015. 272 с.
6. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Academia, 2014. 245 с.
7. Миграции и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / отв. ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015–2016. 412 с.
8. Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / отв. ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. 340 с.
9. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50.
10. Назарова Е. А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России : социологический анализ. М.: РГБ, 1999. 140 с.
11. Нужны ли иммигранты российскому обществу? / под ред. В. И. Мукомеля, Э. А. Паина. М.: Либер. миссия, 2006. 168 с.
12. Почему Тульская область привлекательна для переселенцев? // Молодой коммунар. 2016. 18 дек. URL: <http://tula.mk.ru/articles/2016/12/18/pochemu-tulskaya-oblast-privlekatelna-dlya-pereselencev.html> (дата обращения: 30.10.2020).
13. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряжённости в регионах Российской Федерации: результаты исследования [Электронное издание] / отв. ред. М. В. Черныш. М.: Ин-т социологии РАН,

2016. 103 с. (Информационно-аналитический бюллетень). URL: https://www.researchgate.net/publication/329177930_Sociokulturnye_i_sociostrukturnye_faktory_mezetniceskoj_naprazennosti_v_regionah_Rossijskoj_Federacii_rezultaty_issledovaniya (дата обращения: 30.10.2020).
14. Средняя заработная плата в России и других странах мира в 2017 году // Деловая жизнь. 2017. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya2017.html> (дата обращения: 30.10.2020).
15. Тульская область в первой десятке по уровню роста безработицы // Слобода. 2017. 7 янв. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2017-01-07-tulskaya-oblast-v-pervoy-desyatke-po-urovnu-rosta-bezrabortitsi> (дата обращения: 30.10.2020).

References

1. Dmitriev A. V., Voronov V. V. *Adaptatsiya i integratsiya polietnicheskogo prostranstva regionov Rossii: problemy, rekomendatsii* [Adaptation and integration of the multi-ethnic space of Russian regions: problems, recommendations]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2017. 336 p. [In Russian].
2. Drobizheva L. M. Rossiyskaya identichnost': faktory integratsii i problemy razvitiya [Russian identity: integration factors and development problems]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2013. Issue 1. Pp. 74–84. [In Russian].
3. Diatlov V. I. Transgranichnyye migranty v sovremennoy Rossii: dinamika formirovaniya stereotipov [Cross-border migrants in modern Russia: the dynamics of the formation of stereotypes]. *Migratsii i diasporiy v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX – XX i XX – XXI vekov* [Migration and diasporas in social, cultural, political and economic space of Siberia, 19th – 21st centuries]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2010. Pp. 451–458. [In Russian].
4. Za pervyye tri mesyatsa 2017 goda naseleniye Tul'skoy oblasti vyroslo na 694 cheloveka [In the first three months of 2017, the population of the Tula region grew by 694 people] *Tul'skie novosti*. 2017. 11 May. URL: http://newstula.ru/fn_270318.html (accessed: 30 October 2020). [In Russian].
5. Malakhov V. S. *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of Migrants: Conceptions and Practices]. Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya» Publ., 2015. 272 p. [In Russian].
6. *Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika* [Migrants, Migrant-Phobia and Migration Policies]. Exec. Ed. V. I. Mukomel. Moscow: Academia Publ., 2014. 245 p. [In Russian].
7. *Migratsii i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudeniy* [Migration and migrants in Russia and worldwide: socio-anthropological and ethnographic observations]. Exec. Ed. Stepanov V. V. Moscow: IEA RAN Publ., 2015-2016. 412 p. [In Russian].
8. *Migratsiya i mezhnatsional'nyye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-obshchestvennogo partnerstva v Rossii* [Migration and interethnic relations: a resource for state-public partnership in Russia]. Exec. Ed. V. A. Tishkov, V. V. Stepanov. Moscow: IEA RAN Publ., 2019. 340 p. [In Russian].
9. Mukomel' V. I. Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsial'nyye praktiki [Integration of migrants: challenges, policies, social practices]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2011. Issue 1. Pp. 34–50. [In Russian].
10. Nazarova E. A. *Sotsial'naya adaptatsiya vynuzhdennykh pereselentsev i bezhentsev v kontekste sovremennoy migratsionnoy politiki Rossii : sotsiologicheskiiy analiz* [Social Adaptation of Forced Migrants and Refugees in the Context of Contemporary Migration Policy in Russia: the Sociological Analysis]. Moscow: 1999. 140 p. [In Russian].

11. *Nuzhny li immigranty rossiyskomu obshchestvu? [Do We Need Immigrants in Russian Society?]*. Exec. Ed. V. I. Mukomel, E. A. Pain. Moscow: 2006. 168 p. [In Russian].
12. *Pochemu Tul'skaya oblast' privlekatel'na dlya pereselentsev? [Why is the Tula region attractive for migrants?]*. *Molodoy kommunar*. 2016. 18 December. URL: <http://tula.mk.ru/articles/2016/12/18/pochemu-tulskaya-oblast-privlekatelna-dlya-pereselentsev.html> (accessed 30 October 2020). [In Russian].
13. *Sotsiokul'turnyye i sotsiostrukturnyye faktory mezhetnicheskoy napryazhonnosti v regionakh Rossiyskoy Federatsii: rezul'taty issledovaniya [Sociocultural and Socio-Structural Factors of Interethnic Tension in the Regions of the Russian Federation: Research Results]*. Exec. Ed. M. V. Chernysh. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten'* URL: https://www.researchgate.net/publication/329177930_Sociokulturnyye_i_sociostrukturnyye_faktory_mezhetnicheskoy_naprazhennosti_v_regionah_Rossijskoy_Federatsii_rezultaty_issledovaniya (accessed: 30 October 2020). Moscow: Institut Sotsiologii RAN Publ., 2016. 103 p. [In Russian].
14. *Srednyaya zarabotnaya plata v Rossii i drugikh stranakh mira v 2017 godu [Average salary in Russia and other countries in 2017]*. *Delovaya zhizn'*. 2017. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya2017.html> (accessed 30 October 2020). [In Russian].
15. *Tul'skaya oblast' v pervoy desyatke po urovnyu rosta bezrobotitsy [Tula region in the top ten in terms of unemployment growth]*. *Sloboda*. 2017. 07 January. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2017-01-07-tulskaya-oblast-v-pervoy-desyatke-po-urovnu-rosta-bezrobotitsio> (accessed 30 October 2020). [In Russian].

Сведения об авторе

Мартынова Елена Петровна –
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и археологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: ep_martynova@mail.ru).

Information about the Author

Martynova Elena Petrovna,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the
Department of history and archaeology of the
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: ep_martynova@mail.ru).

ПАМЯТИ УЧЁНОГО. К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Н. ТЕЛИЯ

УДК 81'23
ББК 81.2-9

Дата поступления статьи: 17.12.2020
Дата решения о публикации: 23.12.2020

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РАЗВИТИИ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ

А. П. Василенко

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
(г. Брянск, Россия)*

Аннотация. В данной статье рассматриваются приёмы, применяемый в обучении монологической речи на иностранном языке, – использование устойчивых выражений. Употребление фразеологических единиц в речи облегчает процесс общения, делает речь аутентичной и насыщенной. Для того чтобы учащиеся усвоили и могли использовать устойчивое выражение в своем высказывании на неродном языке, необходимо заинтересовать их, а также научить распознавать фразеологизмы в устной речи. Обучение монологической речи с использованием фразеологических единиц целесообразно проводить в три этапа: построение одной фразы, построение от двух до пяти фраз, построение от пяти и более фраз.

Обучение монологической речи с использованием фразеологических единиц – это сложный процесс. В первую очередь трудности заключаются в том, что для успешного овладения монологической речью учащиеся должны обладать комплексными знаниями иностранного (или родного) языка: знать общие грамматические правила, оперировать видовременной системой языка, уметь употреблять лексические средства связи, быть эрудированными, так как монологическая речь подразумевает высказывание собственной точки зрения, аргументацию, собственное отношение к теме.

Несомненно, составление любого монологического высказывания с использованием фразеологических структур способствует развитию коммуникативных способностей. Умение грамотно составлять монолог на одном иностранном языке является универсальным учебным действием, а это значит, что данное умение учащийся может переложить на любой другой изучаемый язык.

Стоит отметить, что овладение монологической речью с использованием устойчивых оборотов языка представляется трудным для большинства учащихся, даже если учащиеся успешно владеют другими видами речевой деятельности (например, письменная, диалогическая). Коммуникативная направленность обучения иностранному языку подчеркивает важность овладения умением монологической речи с использованием фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, значение, монологическая речь, методика обучения неродному языку, национальная картина мира.

UDC 81'23
LBC 81.2-9

Date of receipt of article: 17.12.2020
Date of publication decision: 23.12.2020

PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS IN THE DEVELOPMENT OF MONOLOGICAL SPEECH IN A NON-NATIVE LANGUAGE

A. P. Vassilenko

*Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)*

Abstract. *This article discusses the methods in teaching monological speech in a foreign language – the use of idioms. The use of phraseological units in speech facilitates the process of communication, makes speech authentic and rich. In order for students to learn and use a stable expression in their utterance in a non-native language, it is necessary to interest them, as well as teach them to recognize phraseological units in spoken speech. Training of monological speech using phraseological units should be carried out in three stages: the construction of one phrase, the construction from two to five phrases, the construction from five or more phrases.*

Teaching monologic speech with the use of phraseological units is a complex process. First of all, the difficulties lie in the fact that to successfully master monological speech, students must have a comprehensive knowledge of a foreign (or native) language: know the General grammatical rules, operate with a modern language system, be able to use lexical means of communication, be erudite, since monological speech implies the expression of their own point of view, argumentation, their own attitude to the topic.

Undoubtedly, the preparation of any monological utterance using phraseological structures contributes to the development of communicative abilities. The ability to correctly compose a monologue in one foreign language is a universal educational action, which means that the student can transfer this skill to any other language being studied.

It is worth noting that mastering monologue speech with the use of stable turns of language is difficult for most students, even if students successfully master other types of speech activity (for example, writing, dialogues). The communicative orientation of foreign language teaching emphasizes the importance of mastering the ability of monological speech using phraseological units.

Keywords: *phraseology, meaning, monological speech, methods of teaching a non-native language, national picture of the world.*

Введение. Проблематика статьи касается приемов обучения монологической речи на неродном с использованием устойчивых выражений. Цель статьи заключается в описании процесса обучения монологической речи на иностранном языке и создании комплекса упражнений для обучения данному виду речевой деятельности с использованием фразеологических единиц.

Неоспорим тот факт, что, приступая к изучению иностранного языка, учащиеся всех возрастов хотят научиться говорить на этом языке.

Устойчивые выражения, или фразеологизмы, являются одним из самых эффективных средств формирования устно-речевых навыков учащихся.

Фразеологическая единица, или фразеологизм, – это устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание [12].

Применяя фразеологические единицы в соответствии с конкретной ситуацией, мы, несомненно, оживляем нашу речь, делаем ее более насыщенной, эмоциональной и яркой.

Фразеологизмы имеются в каждом языке, поэтому при чтении на иностранном языке учащиеся зачастую не понимают значение того или иного устойчивого выражения, так как фразеологические единицы специфичны для каждого народа.

Тот фрагмент фразеологической картины мира, который характерен для одного народа, может совершенно игнорироваться во фразеологической картине мира другого народа либо рассматриваться другими средствами языкового выражения [13, с. 48].

Для успешного использования устойчивых выражений в монологической речи, обучающемуся необходимо осознавать условия общения, а учителю – мотивировать учащихся. Стоит отметить, что речь учеников должна идти не на уровне репродукции (например, пересказ текста, в котором имеются фразеологические единицы), а на продуктивном уровне, т.е. учащиеся должны высказываться от собственного лица, используя устойчивые выражения [15, с. 158]. К тому же, изучая иностранный язык, нужно усваивать единицы не в отдельности, по их значениям, а в естественных, наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку [11, с. 68].

Необходимо принять во внимание тот факт, что обучение неродному языку происходит в несколько этапов. Поэтому по окончании базового уровня обучения учащиеся должны уметь осуществлять устноречевое общение с использованием фразеологизмов, наиболее типичных для разговорной речи [1, с. 56].

В идеальном варианте школьники должны овладеть такими навыками, которые обеспечат им свободное применение фразеологизмов в речи. Разный уровень владения говорением характеризуется также разной степенью самостоятельности и инициативности учащегося в общении, то есть различным уровнем развития и характером компенсирующих (адаптивных) умений [4, с. 170]. К таким умениям относится способность переспросить собеседника в том случае, если фразеологическое высказывание партнера не было понято, а также способность самому использовать с своей речи фразеологические единицы. Умение использовать фразеологизмы в процессе коммуникации и понимать собеседника, который, в свою очередь, также употребляет в речи устойчивые выражения, составляет стратегию общения, обеспечивающую реализацию коммуникативных намерений и достижение речевых задач.

Воспроизводимые в речи фразеологизмы можно рассматривать как одно из самых выразительных средств образной коммуникации [14, с. 5].

По мере усвоения устойчивых выражений школьники овладевают коммуникативным ядром изучаемого языка, а это, в свою очередь, не только облегчает процесс общения, но и способствует формированию мотивации к говорению. Используя в своей речи фразеологические единицы, учащиеся начинают в меньшей степени испытывать такую проблему, как недостаток языковых и речевых средств для решения конкретной коммуникативной задачи.

При обучении говорению с применением фразеологизмов необходимо учитывать, что оно может быть имитирующим реальное речевое общение (составление и воспроизведение диалогов, содержащих фразеологические единицы, по аналогии, ролевая или деловая игра) и аутентичным (высказывание от своего лица, с применением самостоятельно выбранных устойчивых словосочетаний). Очевидно, что целью современного обучения говорению является обучение аутентичному общению. Для этого используются как репродуктивно-продуктивные упражнения, так и продуктивные. Стоит отметить, что последние наиболее важны при данном процессе обучения.

Развитие умений в монологической речи на репродуктивном и репродуктивно-продуктивно уровнях осуществляется в процессе построения учащимися монологических высказываний с опорой на образец [6, с. 152]. Наибольшую эффективность такие задания принесут в том случае, если ученики сначала выполнят их письменно, затем устно для того, чтобы лучше усвоить изучаемые фразеологические единицы.

Продуктивные упражнения по применению устойчивых выражений в речи не относятся к таким упражнениям, которые строго управляются учителем. Их цель – научить связному монологическому высказыванию с самостоятельно отобранными фразеологизмами без опоры на образец. Фразеологические единицы можно использовать во всех формах монолога (рассказ, описание, приветственная речь, лекция, обвинительная речь и так далее).

Для успешного формирования у учащихся навыка монологической речи, характеризующегося, как известно, бессознательностью, полной автоматичностью, а также соответствием нормой языка, необходимы определенные задания и упражнения на основе использования устойчивых выражений. Необходимо сформировать коммуникативно-речевое умение, что означает правильно подобрать стиль речи, подчинить форму речевого высказывания задачам общения, употребить самые эффективные (для данной цели и при данных условиях) языковые средства [8, с. 222]. Этим средством и являются фразеологизмы.

Так как коммуникативно-речевые умения имеют творческий характер, то в разных ситуациях общения для выражения своей мысли необходимо искать разные языковые средства, в том числе и фразеологические единицы. Поэтому цель учителя состоит в том, чтобы поставить учащихся в условия самых разнообразных коммуникативных ситуаций для того, чтобы они могли обмениваться мнениями, используя разнообразные устойчивые выражения.

Большое значение для успешности проведения коммуникативных мероприятий имеют два взаимосвязанных фактора: заинтересованность в тематике и максимальная вовлеченность учащихся в ее активное обсуждение [3, с. 23].

Реальные жизненные ситуации являются основой для проведения коммуникативных мероприятий, которые предусматривают употребление фразеологизмов. Для этого в процессе обучения необходимо использовать приемы, обеспечивающие реальное общение в учебной обстановке: решение проблемных заданий, дискуссии, составление рассказов, ролевые игры [5, с. 4]. Использование фразеологических единиц помогает избежать возникновения языкового барьера в процессе реального общения.

Итак, устойчивые выражения являются весьма эффективным способом формирования монологической речи. При обучении коммуникативным фразеологическим единицам в формировании устно-речевых умений школьников перед учителем возникают следующие задачи: вызвать у учащихся интерес к изучению фразеологизмов, желание использовать при общении на изучаемом языке; помочь понять содержание используемых фразеологических единиц, научить распознавать их в устной речи, а также обеспечить их запоминание. При реализации всех этих задач можно достичь успешных результатов в обучении монологической речи с использованием устойчивых единиц.

Можно предложить несколько приёмов введения фразеологизмов в речевой оборот учащихся.

ПРИЁМ 1

Формулирование одной фразы с устойчивым выражением как приём монологического высказывания на неродном языке

Первый этап формирования монологической речи – выработать умение высказать законченную мысль, одно утверждение по теме на уровне одной фразы с использованием устойчивого выражения. Лучше всего начать с того, чтобы учиться строить монологическую речь, имея перед собой наглядную зрительную опору – картинки.

Наглядность является одним из обязательных условий обучения. Усвоение фразеологизма будет более качественным, если использовать видеоматериалы, презентацию или раздаточный материал с иллюстрацией устойчивого оборота.

При отборе материала на отработку фразеологических единиц для урока, необходимо учитывать следующие критерии: экспрессивно-эмоциональный окрас; стилистическое употребление; учёт особенностей родного языка; учёт возрастных особенностей обучающихся; разноразное владение неродным языком.

На данном этапе, чтобы построить одну фразу с устойчивым выражением, можно использовать фразеологизмы для описания внешности человека и сопроводить их подходящими иллюстрациями на доске и лексическими карточками для опоры ученикам. Также добавим, что, на наш взгляд, на первом этапе лучше использовать те устойчивые выражения, в составе которых есть глагол, так как это значительно облегчит работу ученикам при построении предложения.

Критериями оценивания одной фразы с устойчивым оборотом являются следующие:

А. Высказывание должно быть логичным, т.е. структура предложения должна коррелировать со значением фразеологизма. Не должно быть недопонимания в сфере использования оборота, например: *Он умный, поскольку летает в облаках.

Б. Высказывание имеет завершённый по смыслу характер. Не должно быть недосказанного во фразе, мысль должна быть закончена.

В. Наличествует правильное языковое оформление высказывания (правильная грамматическая и лексическая структура, фонетические оформление соответствует поставленной задаче).

Ниже на примере французского и английского языков приводим примерную подборку фразеологизмов (здесь и далее фразеологизмы приводятся, в основном, по словарям [2], [7], [9]) по теме «Внешность, черты характера» и примерные ответы учеников:

avoir bonne mine – хорошо выглядеть
blanc comme une cire – очень бледный
laid comme un singe – уродлив как обезьяна
chauve comme un genou – лысый
boiteux de trois jambes – хромающий на обе ноги
avoir l'oeil americain – быть наблюдательным
avoir de l'oeil – быть проницательным
avoir une coquette dans l'oeil – быть слегка косоглазым
etre un larme a l'oeil – быть плаксивым
les yeux lui mangent la figure – худое лицо
crever dans sa peau – заплывать жиром
avoir des jambs comme du coton – слабые ноги
avoir des jambs comme des allumettes – худые ноги
under the weather – плохо себя чувствовать
to have one's head in the clouds – витать в облаках
to be snowed under – быть занятым

Глядя на них, ученики поочередно придумывают по одной любой фразе, описывая то, что они видят на картинках при помощи указанных фразеологизмов. Целью такого этапа является выработать у ученика доведенную до автоматизма фразу.

Например:

Il est chauve comme un genou.

Il est boiteux de trois jambes.

Il a l'oeil americain.

Il a de l'oeil.

Cet homme creve dans sa peau.

Cette vieille femme a des jambs comme du coton.

Cette jeune fille a des jambes comme des allumettes.

Также, заданием может быть описать какое-то свое качество характера или внешность.

Ma mère et moi, c'est le jour et la nuit.

Moi et ma soeur, nous sommes comme deux gouttes d'eau.

Mon père a le bras long.

Chaque matin je coiffe comme un dessous de bras.

Je n'ai pas les bras retournés.

Je ne suis pas mal embouché.

Je n'ai pas un cheveu sur la langue.

J'ai du poli.

I'm feeling under the weather today.

I have my head in the clouds today.

Если учащийся и произносит два предложения, то они могут представлять собой два самостоятельных высказывания, обязательной связи между ними не существует, поскольку такой уровень относится ко второму этапу обучения монологической речи (см. далее).

Трудности, с которыми может столкнуться ученик, прежде чем перейти к следующему этапу: в соответствии с первым критерием – на уровне одной фразы в логике фразы трудно ошибиться; второй критерий: грамматика – употребление правильной формы глагола, место отрицания в предложении, фонетика – интонация, артикуляция звуков.

Именно на первом этапе вводится начальный лексический, грамматический и фонетический минимум, который впоследствии будет использоваться в речи, поэтому важность данного этапа заключается именно в отработке порядка слов в предложении, правильной интонация на уровне фразы. Также, отрабатывая устойчивые выражения, дети усваивают трудные звуки, некоторые грамматические конструкции, отсутствующие / встречающиеся в русском языке.

Impératif

Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es.

Fais ce que doit, advienne que pourra.

N'éveillez pas le chat qui dort.

Prenez – vous par le bout du nez

ouvre l'oeil

Безличные обороты «il y a», «il faut», «il vaut (mieux)»:

Il n'y a pas de fumée sans feu.

Il ne faut jurer de rien.

Il ne faut pas courir deux lièvres à la fois.

Il vaut mieux tenir que courir.

Il vaut mieux être borgne qu'aveugle.

Il y a temps et lieu

Il y a un siècle

Неопределенное местоимение on

On reconnaît l'arbre à ses fruits.

On ne fait pas d'omelette sans casser d'œufs.

Des goûts et des couleurs on ne dispute pas.

On apprend à tout âge.

On n'est nulle part aussi bien que chez soi.

Временные формы и наклонения:

Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée.

Ne fais pas à autrui ce que tu ne voudrais pas qu'on te fit (fasse).

Qui a bu boira.

Qui vivra verra.

Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait.

Отработка фонетических навыков:

Звук [ã]:

Autant on emporte le vent.

L'appétit vient en mangeant.

L'expérience passe science.

Lent à manger, lent à travailler.

Звук [õ]:

Les bons comptes font les bons amis.

Comparaison n'est pas raison.

Tout chien est lion dans sa maison.

Mariage prompt, regrets longs.

Звук [r]:

*Qui ne risque rien, n'a rien.
Rira bien qui rira le dernier.
Amour et mort, rien n'est plus fort.
On reconnaît l'arbre à ses fruits.*

На начальном этапе обучения ученикам можно вводить устойчивые выражения в составе небольших стихотворений также в качестве речевой (фонетической зарядки). Они помогают поставить произношение отдельных звуков, и в особенности тех, которые отсутствуют в русском языке. Вместо отдельных слов и словосочетаний, содержащих тот или иной звук, можно предложить классу ФЕ-предложения или стихи, в которых они содержатся, а затем выучить наизусть.

Французский язык:

*Quoi quoi quoi-
Je suis la reine des oies.
Vous dites: bête comme une oie.
Mais ce n'est pas ça,
Je suis la reine des oies.*

ФЕ *bête comme une oie* означает 'глуп, как пробка' [17].

Английский язык:

*There is a mouse on the floor,
There is a dog behind the door,
There is a parrot on the wall,
There is a hamster in the hall,
There isn't enough room to swing a cat
But all they live in my cozy flat.*

There isn't enough room to swing a cat – слишком мало места [16].

Итак, используя для опоры устойчивые выражения, обучающимся будет легче начать строить свое монологическое высказывание. Помимо отработки лексико-грамматических и фонетических навыков у учеников развивается умение структурированно излагать мысль на иностранном языке, которое ведет их к следующей ступени овладения монологической речью на иностранном языке.

ПРИЁМ 2

Формулирование от двух до пяти фраз с устойчивым выражением как приём монологического высказывания на неродном языке

При обучении монологической, как и диалогической, речи можно выделить два этапа: овладение основами монологического высказывания и этап совершенствования монологических умений [10, с. 132].

Если первый рассмотренный нами этап (формулирование одной фразы с устойчивым выражением) – овладение основой монологического высказывания, то следующие выделяемые нами этапы обучения монологическому высказыванию являются этапами совершенствования ранее приобретенных навыков говорения с использованием фразеологизмов.

Умение формулировать от двух до пяти фраз с устойчивым выражением является последующим шагом в формировании монологического высказывания. На этом этапе важно помнить о логическом построении небольшого монолога, а также строить фразы не по одному образцу. Например, высказывание "*Ma chambre est grande. Ma chambre est claire*" – плохое, так как предложения построены по одной модели – существительное с детерминативом, глагол-связка, прилагательное, а вот высказывание "*Ma chambre est grande, il y a 3 fenêtres*" – хорошее, так как происходит перефразирование во второй части.

Почему мы выделяем именно этот этап? На наш взгляд, обучающиеся именно здесь учатся формулировать не односложные ответы, а развернутые и

аргументированные. Ведь зачастую обучающиеся не могут высказывать свое мнение по какому-либо вопросу, их ответ: *да* или *нет*.

Этот этап – формулирование от двух по пяти фраз с устойчивым выражением как приём монологического высказывания на неродном языке представляется нам эффективным способом в преодолении данной проблемы.

Критериями оценивания от двух по пяти фраз с устойчивым выражением являются следующие:

1. Высказывание должно быть логичным, т.е. структура предложения должна коррелировать со значением фразеологизма.

2. Фразы мини-монолога построены не по одному образцу, каждое последующее предложение должно дополнять или раскрывать смысл предыдущего.

3. Высказывание имеет завершённый по смыслу характер. Не должно быть недосказанного во фразе, мысль должна быть закончена.

4. Наличествует правильное языковое оформление высказывания (правильная грамматическая и лексическая структура, фонетические оформление соответствует поставленной задаче).

Обучение формулированию от двух до пяти фраз с устойчивым выражением мы рассматриваем на таких темах, как «Спорт», «Моя комната», «Мой домашний питомец», «Путешествие».

Первый способ – построить монологическое высказывание на основе какого-либо текста.

Texte 1.

J'ai une chambre. Elle est ni grande ni petite. En face de la fenêtre il y a un bureau. Les rideaux la meublent bien. Mon lit est à droit.

Les questions:

As-tu une chambre?

Elle est grande ou petite?

Qu'est-ce qu'il y a dans ta chambre?

Слова-опоры для ответа:

chambre

grande/petite

un bureau

les rideaux

mon lit

Texte 2.

Mon sport préféré est le football. Aujourd'hui le football est l'un des sports les plus connus du monde. Il faut être rapide sur la balle pour jouer au football. J'ai une équipe préférée "Manchester United".

Quel est ton sport préféré?

Est-il populaire?

Quelles qualités faut-il posséder pour jouer au football?

As-tu une équipe préférée?

Слова-опоры:

préfére

les plus connus

être rapide

une équipe

Texte 3.

J'ai un chien qui s'appelle Loulou. Il est blanc et noir. Il mange des poissons. Il ne joue pas avec moi, parce qu'il est têtue comme une mule.

Les questions.

As-tu ton animal domestique?

Comment s'appelle-t-il?

*De quelle couleur est-il?
Qu'est-ce qu'il mange?
Est-ce qu'il joue avec toi?*

Слова-опоры.

*J'ai
Il est
mange
joue
têtu*

Можно предложить упражнения следующего вида: на основе прочитанных текстов и лексики по предложенной теме ученики отвечают на вопросы с карточками-опорами.

Для подобной работы, прежде всего, необходимо определить значение каждой фразеологической единицы. Незнакомые выражения должны быть представлены на доске/карточках-опорах, а их значения раскрываются с помощью перевода, комментария, иллюстрации.

Обязательно должна присутствовать транскрипция, необходима работа над снятием фонетических трудностей, которая проводится следующим образом: вначале осуществляется хоровая работа, потом индивидуальная, и учитель должен контролировать, чтобы каждый фразеологизм был правильно усвоен и произнесен. Каждая новая ФЕ вводится в речь только после того, как была выведена предыдущая. Полезной является работа по выявлению сходства устойчивых выражений в разных культурах. У разных народов имеется много устойчивых оборотов, сходных по смыслу. Учителем называется иностранный фразеологизм, а учащиеся называют аналогичные русские: *As like as two drops of water / Se ressembler comme deux gouttes d'eau / Похожи как две капли воды.*

Еще одним приёмом работы с фразеологизмами перед введением их в монологическую речь является работа на соответствие. Например, обучающимся даются фрагменты изученных фразеологических оборотов в произвольном порядке. Применяв навыки работы в команде, они должны за как можно более короткое время отыскать все соответствия и дать перевод идиомам. Командная работа очень хорошо подходит для обучения фразеологии. Например, участвуют две команды по несколько человек в каждой и команда болельщиков. Учитель просит комически изобразить три идиомы. Их угадывает команда противника. В случае затруднения ей помогают болельщики. Приведем некоторые русско-французские устойчивые выражения их темы «Спорт» для обыгрывания на занятии: *плавать как топор – nager comme une poutre; против правил – ce n'est pas le jeu; обскакать кого-то – damer le pion a qn; рискованный ход – coup de poker; ставить на... – faire le jeu sur* и др.

Трудности, с которыми может столкнуться ученик прежде, чем перейти к следующему этапу, заключены в лексико-грамматических ошибках. Благодаря словам-опорам и наводящим вопросам, ученикам трудно будет строить предложения по одному образцу, поэтому внимательнее следует относиться к языковому оформлению высказывания.

Данный этап обучения монологической речи является, на наш взгляд, самым сложным в обучении и одновременно самым продуктивным, так как именно здесь обучающие преодолевают свои страхи в говорении, переходят от односложных ответов к более полному высказыванию. Необходимо помнить, что для обучения формулированию монологического высказывания от двух до пяти предложений с использованием устойчивого выражения учителю необходимо опираться на различные вербальные и иллюстрированные опоры.

ПРИЁМ 3

Формулирование от пяти и более фраз с устойчивым выражением как приём монологического высказывания на неродном языке

Третьим этапом является обязательное увеличение объема высказывания и продолжение построения логических связей. Здесь обучающимся следует развивать высказывание большего объема и, соответственно, лучшего качества, должны включаться элементы рассуждения, аргументации.

Монологическая речь на данном этапе развивается все больше в связи с чтением и слушанием: обучающиеся выступают с самостоятельным сообщением по прочитанному (прослушанному) с личной оценкой. Успешному развитию навыков монологической речи способствуют задания, которые носят творческий, индивидуальный характер, требующие мотивированных высказываний обучающихся. Все виды работ, применяемых при обучении монологической речи, должны представлять собой единое целое. Важно добиться стремления обучающихся к работе и дать почувствовать свои возможности, своё продвижение вперед. Это повышает интерес к изучению иностранного языка.

Из-за лексической и грамматической насыщенности устойчивых выражений мы продолжим использовать его в монологическом высказывании.

При этом один и тот же фразеологизм можно интерпретировать по-разному, что позволяет учащимся более глубоко и пространно выражать свои собственные чувства, мысли, переживания, применяя их в речи различным способом. Таким образом, через подготовленную и неподготовленную речь учащиеся развивают творческую инициативу на уроках иностранного языка с использованием фразеологических оборотов. Знание устойчивых выражений иностранного языка обогащает словарный запас учащихся, развивает память, и приобщает к народной мудрости. Также в некоторых образных предложениях и фразах, содержащих законченную мысль, обычно легче запоминаются новые слова, например, названия животных – *bavard comme une pie (un perroquet)* (болтлив, как сорока), *vieux hiboux* (нелюдимый человек), *raivre comme un rat d'église* (беден, как церковная крыса), *sourd comme une bécasse* (глух как вальдинен) (франц). *The dog days* (очень жаркие дни), *in the doghouse* (в немилости), *a dead horse* (исчерпанная тема), *a cock-and-bull story* (сказка про белого бычка, байка), *to cry wolf* (поднимать ложную тревогу) (англ).

Заучивание устойчивых выражений не только развивает память учащегося, но и позволяет научиться отбирать лексические единицы в зависимости от данной речевой ситуации, а также развивает эмоциональную выразительность речи. Также при построении устного высказывания, подросток формирует переводческие умения и навыки в поисках средств варианта перевода с родного языка на иностранный. Следовательно, простого заучивания устойчивых выражений недостаточно. Ученик должен уметь употреблять ее в подходящей ситуации. Например, английское выражение *to cry wolf* не отложится в памяти на долгое время. Эффективнее запомнить ее в контексте, например, в предложении “*We will lose the support of the people if we consistently cry wolf*”. Так учащиеся начнут формировать переводческие умения и понимание того, в какой ситуации лучше употребить данный фразеологизм.

Для обучения монологической речи от пяти и более фраз с устойчивым выражением нами выделены следующие критерии:

1. Построение высказывания в заданном объеме в контексте коммуникативной задачи в рамках установленной темы с корректным употреблением устойчивого выражения.

2. Логично и связно строить высказывание, каждая смысловая часть должна быть обоснована; наличие введения, изложение своей позиции (основная часть), заключение.

3. Использовать стратегии описания, сообщения, рассуждения.

4. Точно и правильно употреблять языковые средства оформления монологического высказывания.

При устном опросе отрабатываются произносительные навыки и развивается умение структурированно излагать мысль на иностранном языке.

При формулировании монолога от пяти фраз и более необходимо помнить, что данный приём лучше употреблять на старшей ступени обучения.

На этом этапе обучающиеся продолжают работу с устойчивыми выражениями (отработка грамматических категорий времен, наклонений, служебных частей речи, сравнительной степени имен прилагательных и т.д. и фонетических навыков) и одновременно используют их в монологической речи

Например, временные формы и наклонения:

Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée.

Ne fais pas à autrui ce que tu ne voudrais pas qu'on te fit (fasse).

Qui a bu boira.

Qui vivra verra.

Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait.

Паронимы:

Beau temps et bon temps rendent le monde content.

L'amour fait perdre le repas et le repos.

Ce qui est bon à prendre est bon à rendre.

Самый простой способ использования устойчивого выражения в ходе обучения монологическому высказыванию от пяти и более фраз – описание погоды в то или иное время года. Например, английский текст: *September or "Indian summer" is usually warm and quite dry in our region. By the end of September, the weather becomes cool and sometimes rainy.*

Или следующая подборка устойчивых оборотов будет весьма полезной на старшем этапе изучения французского языка: *излить душу – ouvrir son cœur; как ветром сдуло – disparu comme par enchantement; как гром среди ясного неба – comme un coup de foudre dans un ciel serein; камень на сердце – avoir le cœur lourd; клин клином вышибать – un clou chasse l'autre; пройти сквозь огонь и воду – en voir de toutes les couleurs; ходить вокруг да около – tourner autour du pot.*

Следует рекомендовать учащимся устойчивые обороты для описания героев из прочитанного произведения: *c'est le jour et la nuit-как день и ночь, ni chair ni poisson – ни рыба ни мясо, coiffe comme un dessous de bras – всклокоченный, взъерошенный, avoir les bras retournés – быть заядлым лентяем, être mal embouché – быть сквернословом, gros bras – влиятельное лицо, ne vivre que de ses bras – жить трудом своих рук, avoir un cheveu sur la langue – шепелявить, avoir du poli – быть не робкого десятка, joli cœur – сердцеед, mignon comme un cœur – очень милый и др.*

Последний, третий этап формулирования от пяти фраз и более с использованием устойчивых выражений является показателем сформированности навыка монологической речи. Однако могут возникнуть следующие трудности в соответствии с вышеуказанными критериями: отсутствие вступления или заключения; не используют / недостаточно свободно / неверно используют средства логической связи; учащиеся недостаточно полно / адекватно используют языковые средства для оформления своего высказывания, допускают лексико-грамматические ошибки.

Заключение. Таким образом, обучение монологической речи с использованием устойчивых выражений на французском и английском языках может происходить в три этапа, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый этап – формулирование одной фразы с устойчивым выражением. На этом этапе школьники должны развить умение высказывать конкретную, законченную мысль (по заданной синтаксической схеме) при помощи одной фразы,

содержащей одну фразеологическую единицу. Для того чтобы построение фразы не вызывало у детей больших трудностей, необходимо использовать опоры в виде картинок, видеоматериалов, презентаций, иллюстраций учебника. Используя наглядные средства опоры, ученики смогут с легкостью структурированно изложить мысль на неродном языке, что подведет их ко второму этапу овладения монологической речью на иностранном языке.

Второй этап заключается в формулировании от двух до пяти фраз с устойчивым выражением, но обязательно по разным синтаксическим схемам. Ученик, который использует одну и ту же синтаксическую схему, не может претендовать на высший балл. Этот этап является уже совершенствованием ранее приобретенных навыков. На этой ступени развития монологической речи важно принимать во внимание то, что монолог должен быть построен логическим образом и не содержать в себе однотипные фразы. Этот этап представляется самым сложным, так как именно на нем учащиеся должны научиться строить развернутые, аргументированные ответы. Роль опор как иллюстрированных, так и вербальных очень важна при обучении формулированию монологического высказывания от двух до пяти предложений с использованием устойчивого выражения.

Третий этап – это формулирование от пяти и более фраз с устойчивым выражением. На данном этапе учащиеся учатся увеличивать объем высказывания по разным синтаксическим схемам, включать элементы рассуждения. Формулирование от пяти и более фраз с устойчивым выражением осуществляется при помощи чтения, аудирования, а также заданий, которые носят творческий, индивидуальный характер. По сути дела, третий этап – это развернутый второй этап. Именно этот этап показывает сформированность навыка монологической речи с использованием устойчивых выражений на неродном языке.

Итак, на основе выделенных нами этапов, можно сделать вывод о том, что успешное формирование монологической речи на любом иностранном языке обязательно должно проходить в три этапа взаимосвязанных между собой. При этом важно учитывать возможности, интересы учащихся, а также опыт, приобретенный при изучении другого иностранного языка.

Список источников литературы

1. Батракова Я. О. Обучение монологической речи на уроке иностранного языка // *Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции*. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2017. С. 55–57.
2. *Большой фразеологический словарь русского языка* / Отв. редактор В. Н. Телия М.: АСТ-Пресс Книга, 2014. 784 с.
3. Воловик А. В. *Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам: (Из опыта зарубеж. методики): автореферат дис. ... кандидата педагогических наук*. М.: Моск. ин-т иностр.яз. им. М. Тореза. Москва, 1988. 23 с.
4. Гальскова Н. Д. *Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя*. М.: АРКТИ, 2003. 192 с.
5. Елухина Н. В. *Устное общение на уроке, средства и приемы его организации* // *Иностр. языки в школе*. 1995. № 2. С. 4–7.
6. Коклер Я. М. *Практическая методика обучения иностранному языку: Учеб. пособие*. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
7. Кунин А. В. *Большой англо-русский фразеологический словарь*. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

8. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». М: Смысл, 2003. 285 с.
9. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В. Г. Гака. М.: Русский язык, Медиа, 2005. 1624 с.
10. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 2001. 276 с.
11. Серова Т. С., Шрайдман Т. В. Контекстная и ситуативная обусловленность функционирования фразеологизмов в монологическом высказывании // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4. С. 66–72.
12. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1169171#.Do.A1.D1.81.D1.8B.Do.BB.Do.BA.Do.B8> (дата обращения: 24.08.2020).
13. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, романской и германской групп. М.: ЛКИ, 2008. 304с.
14. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений: Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4–42.
15. Шубаева И. В. Применение метода проекта в развитии монологического высказывания на среднем этапе обучения французскому языку // Иностранная филология. Социальная вариативность языка и литературы. Симферополь: Изд-во Типография «Ариал», 2019. С. 154–159.
16. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 24.08.2020).
17. Dictionnaire français-russe des idioms. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://translate.academic.ru/bête%20comme%20une%20oeuf/fr/ru/> (дата обращения: 25.08.2020).

References

1. Batrakova Ya. O. *Obuchenie monologicheskoy rechi na uroke inostrannogo yazyka* [Teaching monological speech in a foreign language lesson]. *Modern problems of science, technology, innovation: a collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference*. Belgorod: Agency for advanced scientific research, 2017. Pp. 55–57. [In Russian].
2. *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Large phraseological dictionary of the Russian language]. Editor V. N. Teliya M.: AST-Press Book, 2014. 784 p. [In Russian].
3. Volovik A. V. *Kommunikativnyj podhod k obucheniju inostrannym yazykam* [Communicative approach to teaching foreign languages]: (from experience abroad. methods): abstract of the dis. ... candidate of pedagogical Sciences. Moscow: Mosk. Institute of foreign.yaz. them. M. Torez. Moscow, 1988. 23 p. [In Russian].
4. Galskova N. D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern methods of teaching foreign languages]: A guide for teachers. Moscow: ARKTI, 2003, 192 p. [In Russian].
5. Elukhina N. V. *Ustnoe obshchenie na uroke, sredstva i priemy ego organizacii* [Oral communication in the classroom, tools and techniques of its organization]. *Foreign languages in school*, 1995, no. 2, Pp. 4–7. [In Russian].
6. Kokler Ya. M. *Prakticheskaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku* [Practical methods of teaching a foreign language]: Textbook. Moscow: publishing center "Academy", 2000. 264 p. [In Russian].
7. Kunin A. V. *Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar'* [Russian phraseological dictionary]. Moscow: Russky Yazyk, 1984. 944 p. [In Russian].

8. Leontiev A. A. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]: Textbook for University students studying in the specialty "Psychology". M.: Smysl, 2003. 285 p. [In Russian].
9. *Novyj bol'shoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar'* [New large French-Russian phraseological dictionary]. Edited by V. G. GAK. M.: Russian language, Media, 2005. 1624 p. [In Russian].
10. Passov E. I. *Osnovy kommunikativnoj metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication]. Moscow: Russian language, 2001, 276 p. [In Russian].
11. Serova T. S., Shraidman T. V. *Kontekstnaya i situativnaya obuslovlennost' funkcionirovaniya frazeologizmov v monologicheskom vyskazyvanii* [Contextual and situational conditionality of phraseological units functioning in monological utterance]. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign Philology*. Perm, 2011. No. 4. Pp. 66–72. [In Russian].
12. *Slovari i enciklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Academic] [Electronic resource]. Access mode: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1169171#.Do.A1.D1.81.D1.8B.Do.BB.Do.BA.Do.B8> (accessed: 24.08.2020). [In Russian].
13. Solodukho E. M. *Teoriya frazeologicheskogo sbližheniya: na materiale yazykov slavyanskoj, romanskoj i germanskoj grupp* [Theory of phraseological convergence: on the material of the languages of the Slavic, romance and Germanic groups]. Moscow: LKI, 2008. 304 p. [In Russian].
14. Telia V. N. *O fenomene vosproizvodimosti yazykovyh vyrazhenij: YAzyk. Soznanie. Kommunikaciya* [On the phenomenon of reproducibility of language expressions: Language. Consciousness. Communication]. Issue 30. Moscow: MAKS Press, 2005. Pp. 4–42. [In Russian].
15. Shibaeva I. V. *Primenenie metoda proekta v razvitii monologicheskogo vyskazyvaniya na srednem etape obucheniya francuzskomu yazyku* [Application of the project method in the development of monological utterance at the middle stage of French language training]. *Foreign philology. Social variability of language and literature*. Simferopol: publishing house "Arial", 2019. Pp. 154–159. [In Russian].
16. Cambridge Dictionary. [Electronic resource]. Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.08.2020).
17. Dictionnaire français-russe des idioms. [Electronic resource]. Access mode: <https://translate.academic.ru/bête%20comme%20une%20oeie/fr/ru/> (accessed: 25.08.2020).

Сведения об авторе

Василенко Анатолий Петрович –
доктор филологических наук, профессор
кафедры французского языка института
русской и романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика
И.Г. Петровского»
(e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru).

Information about the Author

Vassilenko Anatoly Petrovich,
Doctor of Philology, Professor of the French
Language Department of the Institute of
Russian and Romano-Germanic Philology of
the Bryansk state University named after
academician I. G. Petrovsky
(e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru).

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЗАГАДКИ. КОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ

**М. Л. Ковшова,
О. С. Орлова**

*Институт языкознания Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена исследованию загадок в русле когнитивно-культурологического направления как знаков языка, сознания и культуры. В фокусе внимания находятся особенности отражения в загадке процессов категоризации и концептуализации мира, исследуются формы и способы воплощения разных типов информации в загадке. В статье изучается семантическая структура загадки; разрабатываются когнитивный и культурологический комментарий. На примере русской народной загадки и загадки англоязычной культуры показано, как когнитивный комментарий, представленный в таблице, раскрывает структуру метафоры в загадке, а культурологический комментарий служит декодированию разных типов культурно-языковой информации, которая хранится в загадках и формирует ее семантику.

Ключевые слова: загадка, семантическая структура загадки, денотат, образ, метафора, фрейм, когнитивный и культурологический комментарий.

ON THE SEMANTIC STRUCTURE OF RIDDLES. COGNITIVE AND CULTUROLOGICAL COMMENT AS A MEANS OF RESEARCH

**M. L. Kovshova,
O. S. Orlova**

*The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. The article deals with riddles as signs of language, mind and culture in the framework of cognitive and culturological studies. The focus is on the ways of categorization and conceptualisation of the world in riddles, the research of the ways of representation of different types of information in these signs. The paper is concerned with the semantic structure of riddles and the development of cognitive and culturological comments. The examples of folk Russian and English riddles are used to demonstrate how the cognitive comment represented in a table shows the structure of a riddle metaphor, and how the cultural comment serves as a means of decoding of different types of linguistic and cultural information preserved in riddles, which forms the semantics of riddles.

Keywords: riddle, semantic structure of riddles, denotation, image, frame, metaphor, cognitive and culturological comment.

Антропологический поворот в науке конца XX века predetermined начало когнитивно-культурологического пути в лингвистике, при котором языковой знак

рассматривается как целостный объект – знак языка, сознания и культуры. Таким объектом, несомненно, является и загадка. Назначение загадок изначально «состояло в классификации и сериации состава мира, первых формах осознания принципов организации мира <...> защитных механизмов человека от случайного, непредвиденного, страшного, чем чреват мир» [17, с. 29]. В традиционной загадке запечатлены исходные способы категоризации и концептуализации мира, отражен гносеологический образ действительности, имеющий концептуальное прочтение в народной культуре. К загадкам в полной мере применимо сформулированное В. Н. Телия положение о том, что существующая в образных знаках языка «система образов служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [14, с. 215].

Загадка представляет собой уникальный словесный знак, который может описываться в разных аспектах – как фольклорный жанр, как текст, как единица речевой коммуникации, наконец, как образное языковое выражение высокой степени протяженности. В связи с этим в определениях, которые даются загадке в разных филологических дисциплинах, подчеркиваются те или иные ее знаковые, структурно-семантические и функциональные особенности.

Так, в фольклористике загадка – малый жанр фольклора, «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [1, с. 56]. В коммуникативной лингвистике исходным считается определение, данное в Толковом словаре В. И. Даля, где загадка трактуется как «иносказанье или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [2, с. 566]. В то же время, загадка – «текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно неназванный и исчерпывающим образом не описанный» [11, с. 283]. В загадке как знаке языка основное свойство исходного денотата представлено в образе другого денотата; разгадывание состоит в установлении подобия между исходным и преобразованным денотатами [4]. В науке о фразеологии загадки относят к паремиям и определяют как «короткие игровые тексты, в которых дается нарочито усложненное описание одного предмета посредством описания другого на основе установления отдаленного сходства между ними» [5, с. 7]. По тем или иным признакам загадка сходна с другими, имеющими свои отличительные особенности, словесными знаками иносказательного типа – притчами, эвфемизмами, фразеологизмами, пословицами. Так, вопросы загадочности идиом и идиоматичности загадок, совпадающих образов и формул в идиомах и паремиях подробно освещены в работе [6]. Тем самым, загадка может трактоваться как «традиционное словесное выражение, состоящее из одного или более описывающих компонентов. <...> Референт должен быть разгадан» [18, с. 113].

По нашей гипотезе, загадка – это комплексный словесный знак, который с игровой целью намеренно разделен на две части – на денотат и его образное описание. Пропозитивная формула загадки: «S – это P», где S – исходный денотат (загаданный референт); P – преобразованный денотат; ср.: (S) Морковь – (P) *Сидит девица в темнице, коса на улице*. В игровых целях P предшествует S; ср.: (P) *Сидит девица в темнице, коса на улице* – (S) Морковь. В загадке все подчинено игре; в ходе игровой коммуникации один участник загадывает загадку, а другой разгадывает; один озвучивает образную, характеризующую, часть загадки (например, *Зимой и летом одним цветом*), а другой должен по названным характеристикам определить подобия, выбрать среди них и назвать загаданный предмет, то есть озвучить денотативную часть загадки («ель, сосна»). Для сравнения, у фразеологизмов-идиом другая задача – образно описать происходящее и выразить отношение к нему; потому

в идиоме со сходным образом (*зимой и летом одним цветом*) денотат ('о единообразии в одежде') не отгадывается, а воспринимается в семантическом слиянии с образно-мотивационным и оценочным компонентами. Идиома почти всегда выражает оценочную позицию; загадка же свободна от концептуализации этических оценок. Образы в идиомах служат для яркого, порой гротескного описания происходящего; неожиданный образ в загадках усложняет задачу его "воссоединения" с денотатом. По условиям игры образ и денотат, оба принадлежащие загадке, дистанцированы друг от друга, разведены по субъектам (адресант и адресат загадки), по времени – сначала адресант называет образ, затем адресат называет денотат, по размещению загадочной части и отгадки в сборнике (отгадка часто дается в скобках, в перевернутом виде, может быть перемещена на другую страницу/в конец сборника). Тем не менее, в результате отгадывания образ и денотат "воссоединяются", по завершении игры загадка предстает во всей целостности. Иначе говоря, в силу своего игрового предназначения загадка разделена на загадочную часть и отгадку; в устной игровой коммуникации, как и в сборнике загадок, эти составные части загадки разнесены по разным "опциям": адресант/сборник называет образно-мотивационную часть загадки – адресат/ответ в сборнике указывает ее денотативную часть. С игровой целью части загадки в начале игровой коммуникации разделяются, в конце – воссоединяются. Отгаданная загадка навсегда фиксируется в сознании носителя языка в виде целостного знака. Из сказанного следует, что семантику загадки составляет денотативный компонент (исходный денотат) и мотивационный компонент (преобразованный денотат, образ); два этих компонента формируют семантику загадки и ее состав как комплексного словесного образного игрового знака.

Когнитивно-культурологический подход к исследованию загадки предполагает сделать акцент на способах категоризации и концептуализации мира в загадке, на формах воплощения в этом знаке разных типов информации. Как показывает анализ материала, денотация в загадке представляет собой объективное содержание, соотносимое с классом обозначаемых. При этом важно отметить, что представление о загаданном денотате образуется в результате категоризации, на которую влияют не объективно существующие те или иные признаки денотата, а стереотипное, т.е. минимизированное, инвариантное, устойчивое представление о нем [7, с. 127]. Тем самым, загадка выполняет функцию знакового замещения не самого денотата как представителя класса, а стереотипного видения этого денотата. Применяя идеи В. Н. Телия, высказанные ею в отношении идиом, к описанию семантики загадок, добавим, что для кодирования денотата взаимодействуют «знания категоризирующие и знания "сценарные"», эти знания «упаковываются» во фреймы классифицирующий и ситуативный [14, с. 175], которые симультанно осуществляют "монтаж" загадки, производят уподобление исходного денотата – денотату преобразованному. Образно-мотивационная "часть" в загадке (т.е. образ, или преобразованный денотат) репрезентирует культурно маркированный взгляд на мир, прежде всего – на предметы материального мира. Культурно маркированная лексика (*кисель, дровни, соха, прясло, пыл* и т.п.) составляет верхний слой "залегания" культуры в загадке, однако в этом древнем знаке живодействуют (выражение В. Н. Телия) и более глубокие, архетипические и мифологические, "слои" культурной информации, которые могут быть не столь очевидны для современного адресата и реконструируются только методом глубокой интроспекции, тренированной рефлексии или по косвенным признакам [9].

В процессах кодирования и декодирования объектов окультуренного мира "Действительное" действуют разные механизмы, "запускающие" те или иные типы знаний:

- знания о мире как типовые представления о предметах и событиях действительности, в том числе знаний об особенностях труда, жизни и быта в народной культуре;

- знания о языке, образуемые знанием слов, их значений и т.п.;
- знания духовной сферы, миропредставлений, свойственных народной ментальности, знания из области народной поэзии, мифологии и т.п.

В качестве основного метода экспликации разных типов знаний при кодировании и декодировании загадки предлагается ее комплексный когнитивный (фреймовый) и лингвокультурологический анализ с составлением соответствующего комментария.

Чтобы реконструировать кодирование исходного денотата в загадке, необходимо: 1) наглядно представить ее метафорическую модель, показать, как происходит своеобразное “наложение” одной понятийной сферы на другую, объяснить “логику” загадки и, тем самым, указать пути ее успешного декодирования; 2) формализовать культурные смыслы загадок, описать референцию данного знака к пространству культуры.

При создании комментария в описании загадок мы опираемся на принципы, разработанные В. Н. Телия для описания фразеологизмов-идиом в Большом фразеологическом словаре русского языка; см. подробнее [15, с. 781–782]. В настоящем исследовании с помощью **двойного комментария** – когнитивного и культурологического – загадка разворачивается и предстает как насыщенный информацией текст; такое описание позволяет “вжиться” в самую логику загадывания, отвечающую особенностям народной ментальности и культуры, а также выявить протекающие в сознании адресата, современного носителя языка, процессы декодирования загадки.

Когнитивный комментарий репрезентирован в таблице, которая раскрывает “устройство” метафоры в загадке, включая исходную понятийную область, новую понятийную область, фреймы, относящиеся к данной модели, типовые слоты, которые составляют какую-либо часть фрейма, компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы, охватываемые данной моделью, дискурсивную характеристику модели и продуктивность модели; см. подробнее [8; 10]. В культурологическом комментарии (включающем в себя этимологическую, страноведческую и собственно культурологическую информацию) по необходимости сообщается этимология, проводится соотнесение образа загадки с кодами культуры, фактами из истории народа, с особенностями труда и быта, с архетипами, мифологическими представлениями, обрядами, ритуалами, библейскими притчами, с фольклорными образами, литературными сюжетами; указывается культурно-семиотическое назначение загадки – служить сохранению и закреплению стереотипов, символов, эталонов, мифологем и т.п. Описание культурных смыслов в загадке опирается на идею модели мира как системы бинарных оппозиций, которая в упрощенном виде дает исходное представление о мироустройстве, как оно понималось в народной культуре. Загадка также рассматривается во взаимосвязи с кодами культуры, в которых объединены различные сущности (тело, артефакты, природные явления, животный и растительный мир и т.п.), обретшие второй, символический, смысл. Культурологический комментарий призван адекватно обозначить контуры знаний, представлений, ассоциаций, которые вызывают образы загадки в сознании адресата (в силу его языковой и культурной компетенции), и изложить все в виде связного текста. Комментарий создается с опорой на глубокую интроспекцию и апеллирует к сознанию читателя. Помимо его верификации при обсуждении исследователями и путем экспериментального опроса носителей языка (как лингвистов, фольклористов, так и рядовых носителей), культурологический комментарий проходит проверку читателями (в том числе данной статьи).

Исходя из указанных выше положений, проведем анализ загадок русской и англоязычной культуры и представим в кратком виде их когнитивный и культурологический комментарий.

Русская народная загадка *Сорока под пыл летала*. – Уполовник [13, № 352].

Рисунок 1. Уполовник.

Таблица 1

Когнитивный комментарий 1

	Уполовник	=	<i>Сорока под пыл летала</i>
	Область-источник	Конstituирующие признаки	Область-приемник
Типовые сценарии	Артефактивная	X	Зооморфная, природная, кулинарная
Фрейм / фрагмент	Уполовник зачерпывает горячую еду, приготовленную в печи	Элемент 1 свершает действие с элементом 2, перемещаясь в его локус	Сорока летит под пыл
Признаки типовых ситуаций:			
Слоты	Уполовник	Элемент 1	Сорока
Конкретизация фрейма	Рукоятка уполовника	Составная часть элемента 1 (форма)	Хвост сороки
	Зачерпывание еды уполовником	Действие с перемещением в другую среду	Полет сороки под пыл
Элементы ситуации	Горячая еда в горшке, приготовленная в печи	Элемент 2 (свойство – горячий)	Пыл

Культурологический комментарий.

Уполовник – «поваренка, чумичка, ковш на долгой рукоятке, черпачок устряпух, коим мешают варево, и убавляют, сливают, чтобы оно не ушло» [3, с. 489]. Уполовник уподобляется сороке на основании внешнего сходства выделяющего их признака – «хвоста». Хвост есть и у других птиц, однако именно сорока отличается контрастным оперением и красивым, длинным хвостом, который заметно длиннее туловища. Образ загадки прочитывается сквозь пищевой код культуры, к которому «ведет» слово *пыл*; ср. известное носителю языка образное выражение *с пылу с жару*.

Образ сороки и уполовника издавна связаны по теме еды в фольклоре, прежде всего в сказках и детских потешках. Ср.: *Сорока суп варила-варила, да и свалилась в горшок вниз головой; Сорока-белобока кашку варила, Деток кормила.*

В загадке использован образ летящей под пыл сороки для описания движения уполовником при переливании горячей пищи – уполовник, подобно сороке, пересекает границу и попадает в другую “среду”. Данный образ восходит к древнейшим представлениям: в мифологическом сознании сорока наделялась демоническими свойствами, поскольку представлялась вестником между лесом (чуждым человеку пространством, опасным местом, в котором обитают звери и чудовища) и деревней (миром человека). В целом, загадка кодирует стереотипный образ длиннохвостой сороки; в легко представимом уподоблении кодируются знания о бытовом предмете (ковше с длинной ручкой, уполовнике); в загадке также поддерживается “птичья” метафора в изображении предметов быта, отвечающая принятому в зооморфном коде культуры символическому назначению птичьих образов (изготовление кухонной утвари в форме уток, гусей, вышивание на полотне петухов, роспись по дереву, ср. также “птичьи” элементы в деревянном зодчестве, народном костюме и др.). Отметим в дополнение, что ассоциативная связь сороки и уполовника в народной культуре закрепляется также по другому основному признаку сороки – способности длительное время издавать пронзительные прерывистые звуки. Так, сорокой в народе называют «болтливую человека» [3, с. 275]; ср. «Знать сорочку по языку» [3, с. 275]. О сплетнике также говорят – *уполовник*; ср.: «Он на все горшки уполовник (сплетник)» [3, с. 489].

Добавим к рассмотренному выше примеру еще две русские народные загадки с “птичьей” метафорой и дадим им комментарий (фрагмент).

Летит орел через немецки города, / Берет орел ягоды зрелы и незрелы – Смерть [13, № 2035].

Образы в загадке соотносятся с зооморфным, пространственным, растительным кодами культуры. Орел считается царем среди птиц, его образ издревле символизирует власть. Ср. в пословицах: *Орел – всем птицам птица; Орел границ себе не знает и выше облаков взлетает.* В мифологии орел летает между небесами и преисподней; приносит вести, выполняя волю Божью. Немецкие города в образе загадки обозначают неведомое далекое пространство, как издревле представляли смерть. Чуждость и дальность этого пространства символизирует образ немецких городов; ср. этимологию слова *немец* – «немой», не говорящий по-русски. Ягодам как плодам на древе жизни уподоблены люди; зрелые ягоды – старики, незрелые – молодые и дети. В целом, образ загадки символизирует наступление участи, уготованной свыше и неизбежной для любого человека.

Белый лебедь на яйцах сидит. – Снег [12, с. 27].

В загадке снег, лежащий на земле, уподобляется лебедю, сидящему на яйцах. Как лебедь долго сидит на яйцах, укрывая их собой, так всю зиму, по стереотипным представлениям, лежит снег в России, укрывая землю. Образ лебедя в фольклоре и художественной литературе всегда связан с белым цветом как символом чистоты и красоты; ср. *белая лебедушка*. В народной картине мира снег является эталоном белизны и чистоты; ср. поговорки: *Белей снегу белого; Бел снег на черну землю, и то к лицу!* Ср. закрепленный во фразеологии образ снега как эталона белизны и чистоты [16, с. 70]. Ср. также народное поверье, в котором проявляется устойчивая цветовая ассоциация: *Лебедь несет снег на носу*. В целом, образ загадки символизирует снег, покрывающий землю.

От русских загадок перейдем к загадке англоязычной культуры:

A black hen sitting on red aiggs. – Pot sitting on fire (Черная курица сидит на красных яйцах. – Горшок на огне. – *Перевод наш*) [19, №375b].

Рисунок 2. Горшок в печи.

Таблица 2

Когнитивный комментарий 2

	Pot sitting on fire	=	<i>A black hen sitting on red aiggs</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
Типовые сценарии	Артефактивная, кулинарная	X	Зооморфная, природная
Фрейм / фрагмент Признаки типовых ситуаций:	Горшок с едой находится на огне некоторое время	Положение элемента 1 локализовано в элементе 2 на время t	Черная курица находится на яйцах некоторое время
Слоты	Горшок с едой	Элемент 1	Черная курица
Конкретизация фрейма	Закопченный от огня – черный	цвет	
	Посажен в печь на время t	Ситуация	Сидит на красных яйцах время t
Элементы ситуации	Раскаленные угли	Элемент 2 Цвет, форма	Красные яйца

Культурологический комментарий.

Горшок стоит в печи на раскаленных углях, пока готовится еда, подобно черной курице, которая сидит на яйцах, высиживая птенцов. Образы в загадке соотносятся с зооморфным, цветовым, кулинарным (гастрономическим) и временным кодами культуры. Образ курицы на яйцах означает горшок на углях, в основу образа легли устойчивые гастрономические связи. См. стереотипные представления о кулинарных обычаях, англ. традиционные яйца на завтрак, куриный бульон (*chicken broth/soup*); шотл. куриный бульон, заправленный луком (*cock-a-leekie soup*) и др. Ср. образ курицы-кормилицы, несущей яйца, в фольклоре: *Hickety, pickety, my black hen, / She lays good eggs for gentlemen; / Gentlemen come every day, / To see what my black hen doth lay*. Черный цвет, по стереотипу, соотносится с черным цветом закопченного горшка; красный цвет издревле символизирует огонь. В целом, в загадке закодирован процесс медленного приготовления пищи как животворного ее создания.

Заключение. Когнитивно-культурологическое направление в науке о языке подходит к исследованию словесного знака любой протяженности как знака языка, сознания, культуры. Когнитивный и культурологический комментарий в описании загадок отвечает одной из важнейших задач – соединить историю этого комплексного словесного знака, сам “механизм” создания загадки с ее восприятием и употреблением, “вжиться” в происходящий в сознании человека процесс референции загадки к разным типам знания и, в перспективе, эксплицировать этот процесс в словаре загадок.

Список источников и литературы

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. 239 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1955. Т. 1. 699 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4: Р–Я. 667 с.
4. Журинский А. Н. Семантическая структура загадки: неметафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989. 128 с.
5. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: URSS, 2019. 395 с.
7. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
8. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического анализа // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 35: Взгляд в будущее. Новые перспективы когнитивных исследований языка. С. 44–51.
9. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования. С. 97–101.
10. Орлова О. С. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эфемизмов на тему рождения // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36. С. 403–413.
11. Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник : Пословица, загадка : Структура, смысл, текст. М.: Наука, 1978. С. 283–314.
12. Митрофанова В. В. Загадки. Л.: Наука, 1968. 256 с.
13. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
14. Теля В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 288 с.
15. Теля В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В. Н. Теля. М.: АСТ-Пресс, 2006. С. 776–782.
16. Токарев Г. В. Материалы к словарю обыденных мер. Тула: ТППО, 2016. 128 с.

17. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.
18. Georges R. A. and Dundes A. *Toward a Structural Definition of the Riddle* // *The Journal of American Folklore*. 1963. Vol. 76, N 300. P. 111–118.
19. Taylor A. *English Riddles from Oral Tradition*. Berkley ; Los Angeles: University of California Press, 1951. 959 p.

References

1. Anikin V. P. *Russkiye narodnyye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor* [Russian proverbs, sayings, riddles and folklore]. Moscow, State Teaching and Learning Publishing House of the Ministry of Enlightenment of RSFSR. 1957. 239 p. [In Russian].
2. Dahl V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 volumes. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1955. Vol. 1. 699 p. [In Russian].
3. Dahl V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 volumes. Moscow, RIPOL classic publ. 2006. Vol. 4: R–Ya. 667 p. [In Russian].
4. Zhurinsky A. N. *Semanticheskaya struktura zagadki: nemetaforicheskiye preobrazovaniya smysla* [Semantic structure of riddles: Nonmetaphorical transformation of sense]. Moscow, Nauka. 1989. 128 p. [In Russian].
5. Kovshova M. L. *Slovar' sobstvennykh imen v russkikh zagadkakh, poslovitsakh, pogovorkakh i idiomakh* [Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms]. Moscow, LENAND. 2019. 352 p. [In Russian].
6. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskiy kod kul'tury* [Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings]. Moscow, LENAND. 2019. 395 p. [In Russian].
7. Kovshova M. L., Gudkov D. B. *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of Linguoculturological Terms]. Moscow, Gnozis. 2017. 192 p. [In Russian].
8. Kovshova M. L., Orlova O. S. *Zagadki o rozhdanii: opyt kognitivno-lingvokul'turologicheskogo analiza* [Riddles about birth: an experience of cognitive-linguocultural research]. *Cognitive Studies of Language* [Kognitivnyye issledovaniya yazyka]. 2018. Issue 35. Pp. 44–51. [In Russian].
9. Kovshova M. L., Orlova O. S. *Kognitivnyy analiz zagadok i kul'turologicheskiy kommentariy: opyt issledovaniya* [Cognitive analysis of riddles and cultural comment: research experience]. *Cognitive Studies of Language* [Kognitivnyye issledovaniya yazyka]. 2020. 2 (41). Pp. 97–101. [In Russian].
10. Orlova O. S. *Kognitivno-lingvokul'turologicheskoye issledovaniye evfemizmov na temu rozhdeniya* [Euphemisms about birth: cognitive-linguocultural research]. *Cognitive Studies of Language* [Kognitivnyye issledovaniya yazyka]. 2019. Issue 36. Pp. 403–413. [In Russian].
11. Levin Yu. I. *Semanticheskaya struktura zagadki* [Semantic structure of riddles]. *Paremiologicheskiy sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)*. Moscow, Nauka, 1978. Pp. 283–314. [In Russian].
12. Mitrofanova V. V. *Zagadki* [Riddles]. Leningrad, Nauka. 1968. 256 p. [In Russian].
13. Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda: sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Russian Folk Riddles. The Book of Riddles, Questions, Similitudes and Problems]. Saint Petersburg, Printing Office of N.A. Lebedev. 1876. 333 p. [In Russian].

14. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola. 1996. 288 p. [In Russian].
15. Teliya V. N. Poslesloviye. Zamysel, tseli i zadachi frazeologicheskogo slovarya novogo tipa [Afterword. The idea, goals and objectives of a phraseological dictionary of a new type]. *Bolshoy frazeologichesky slovar russkogo yazyka. Znachenkiye. Upotrebleniye. Kulturologichesky commentary* [Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenkiye. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy]. 2006. Moscow, AST-Press, Pp. 776–782. [In Russian].
16. Tokarev G. V. *Materialy k slovaryu obydennykh mer* [Materials to the dictionary of everyday measures]. Tula, TPPO publ. 2016. 128 p. [In Russian].
17. Toporov V. N. Iz nablyudeniye nad zagadkoy [From observations over riddles]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury: Zagadka kak tekst. 1. Moscow, Indrik publ, 1994, Pp. 10–117. [In Russian].*
18. Georges R. A. and Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle. *The Journal of American Folklore*. 1963. 300 (76), Pp. 111–118.
19. Taylor A. (1951). *English Riddles from Oral Tradition*. Berkley and Los Angeles, University of California Press, 1951. 959 p.

Сведения об авторах

Ковшова Мария Львовна –
доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник сектора
теоретического языкознания
Института языкознания
Российской академии наук
(e-mail: kovshova_maria@list.ru).

Олова Ольга Сергеевна –
младший научный сотрудник
сектора теоретического языкознания
Института языкознания
Российской академии наук
(e-mail: OrlovaOlgaS@list.ru).

Information about the Authors

Kovshova Maria Lvovna,
Doctor of Philology, leading researcher of the
Department of theoretical linguistics of the
Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences
(e-mail: kovshova_maria@list.ru).

Orlova Olga Sergeevna,
junior researcher of the Department of
theoretical linguistics of the
Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences
(e-mail: OrlovaOlgaS@list.ru).

ИХТИОНИМЫ В СОСТАВЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ*

Н. А. Николина

*Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)*

З. Ю. Петрова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В статье на материале русской художественной речи XIX – XXI вв. рассматриваются метафоры и сравнения, включающие ихтионимы (названия рыб). Для анализа привлекаются компаративные конструкции, которые служат для образной характеристики человека. При этом используются контексты, извлеченные из “Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв.” и Национального корпуса русского языка. Показано, что для русской художественной речи характерно разнообразие метафор и сравнений, включающих ихтионимы. Они служат для обозначения различных аспектов поведения человека, его внешности и внутреннего мира. Наряду с общеродовым обозначением – рыба – и его дериватами в художественных текстах регулярно используются видовые названия рыб, каждое из которых по-своему характеризует персонажа или лирического героя. Компаративные тропы с рассматриваемыми компонентами широко представлены как в русской прозе, так и в поэзии. Отмечается, что метафоры и сравнения с ихтионимами отражают особенности русской языковой картины мира. В их составе преобладают названия рыб, издавна известных носителям языка. Наименования рыб в составе компаративных конструкций выделяют устойчивые признаки, которые используются в художественных текстах для образной характеристики человека. Обозначения рыб в компаративных конструкциях вступают в оппозиции, значимые как для общезыковой картины мира, так и для метафорической картины мира в художественном тексте. Описание структуры и семантики компаративных конструкций и их классификация позволяют проследить динамику их использования в русской художественной литературе на протяжении двух с лишним веков.

Ключевые слова: метафора, сравнение, образная характеристика, наименования рыб, компаративная конструкция, русская художественная речь, оценка.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00009.

ICHTHIONYMS IN THE COMPOSITION OF ANTHROPOCENTRIC COMPARATIVE CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN LITERATURE*

N. A. Nikolina

*Moscow State University of Education
(Moscow, Russia)*

Z. Yu. Petrova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
(Moscow, Russia)*

Abstract. *The article considers metaphors and similes including ichthyonyms (names of fish). The research is based on the material of the Russian literature of the 19th – 21st centuries. The authors analyze comparative constructions, which serve to characterize a person. The work studies the contexts extracted from the "Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of the 19th – 20th Centuries Russian Literature" and from the Russian National Corpus. The article shows that the language of the Russian literature uses a variety of metaphors and similes that contain ichthyonyms. They serve to indicate various aspects of human behavior, human appearance and inner world. Along with the generic name – fish – and its derivatives, the specific names of fish are regularly used in literary texts; each of these names characterizes a character or a persona in its own way. Comparative tropes with the components under consideration are widely represented both in the Russian prose and in poetry. The authors note that metaphors and similes containing ichthyonyms reflect the peculiarities of the Russian linguistic world image. Well-known to native speaker's names of fish dominate in these constructions. The names of fish in the composition of comparative constructions highlight stable features that are used in literary texts for the figurative characterization of a person. The designations of fish in comparative constructions enter the oppositions that are significant both for the general linguistic world image and for the metaphorical world image in a literary text. The description of the structure and semantics of comparative constructions and their classification make it possible to trace the dynamics of their use in the Russian literature over more than two centuries.*

Keywords: *metaphor, simile, figurative characteristic, names of fish, comparative construction, Russian literature, evaluation.*

* The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00009.

Введение

Ихтионимы, так же, как и зоонимы, являются “зеркалом мира людей, соответственно <...> обретают свойства эталонных носителей тех или иных индивидуальных или социальных характеристик человека” [3, с. 8]. Между тем ихтионимы как средство образной характеристики, в отличие от зоонимов, которые достаточно детально исследованы как в русском литературном языке, так и в художественной речи (см., например, [5, с. 100–103; 11; 8; 15; 12; 9]), изучены недостаточно. В русистике исследовались преимущественно история ихтионимов, их состав и использование в составе фразеологизмов [2]. В лингвокультурологических словарях отмечаются лишь немногочисленные примеры фразеологизмов и устойчивых сравнений: *как рыба в воде, молчать (нем), как рыба, мелкая рыбешка, нужен как рыбе зонтик, ловить рыбу в мутной воде, рыба кровь* [10, с. 312–314]. В художественной речи ихтионимы гораздо шире употребляются в составе метафор и сравнений, при этом используются не только родовое слово *рыба*, но и разнообразные видовые обозначения (*акула, сом, стерлядь, треска, щука, налим, пескарь* и др.). В славянском фольклоре в основном встречались образы щуки, ерша и золотой (златоперой) рыбки. Позднее устойчивый характер приобрело употребление отдельных названий рыб, например, метафор с компонентом *акула*.

Цель нашей статьи – рассмотреть компаративные тропы, в состав которых как образ сравнения входят различные наименования рыб. В работе анализируются метафоры и сравнения в русской художественной речи XIX – XXI вв., в разных аспектах характеризующие человека, который занимает центральное место в языковой картине мира. Как подчеркивала В. Н. Телия, составляющие языковую картину мира элементы служат средствами для формирования новых понятий, перерабатываемых сознанием человека, который создает новые образы элементов действительности [13].

Методика исследования

Для анализа привлекаются контексты, извлеченные из базы данных создаваемого в настоящее время в Институте русского языка им В. В. Виноградова РАН Интерактивного словаря компаративных тропов русской литературы, при формировании которой использовались “Материалы к словарю метафор и сравнений

русской литературы XIX-XX в.” [6] и Национальный корпус русского языка [7]. Проанализировано около 700 таких контекстов. В ходе исследования применялись описательный и структурно-семантический методы.

Анализ

Наиболее часто в русской художественной речи как образ сравнения при характеристике человека используются слово *рыба* и производные от него существительные *рыбка*, *рыбочка*, *рыбешка*, *рыбина*, а также метафорический эпитет *рыбий* и наречие *по-рыбьи*: *В гибком зеркале природы Звезды – невод, **рыбы** – мы, Боги – призраки у тьмы* (В. Хлебников “Годы, люди и народы...”), *Она резва, как **рыбка*** (А. Фет “Она резва...”), *со второго же завтрака славный “месяц” меня схватывал, точно **рыбешку** крючком* (А. Белый “Между двух революций”), *Все-таки платье получилось мешком, и портниха без конца убирала его, напялив на Софью Андреевну швами наружу, и одутловатая невеста в этих перестроченных швах походила на **рыбину** с колючими плавниками* (О. Славникова “Стрекоза, увеличенная до размеров собаки”), *<...> со всегдашним легким астматическим пыхтением, округлив **по-рыбьи** рот, она наотмашь раскрывала тетрадку* (В. Набоков “Другие берега”), *<...> у нее были незнакомые **рыбы** глаза* (М. Вишневецкая “Вышел месяц из тумана”).

Метафоры и сравнения с указанными компонентами характеризуют движения человека, его действия, свойства характера и поведения, внешность, части тела. При характеристике движений особенно часто используются предикаты *плавать*, *биться*, *метаться*: *– Парубок, – говорила она, и что-то неизъяснимо трогательное слышалось в её речи. – Парубок, найди мне мою мачеху! <...> я знаю, но я слышу, что она здесь. Мне тяжело, мне душно от ней. Я не могу чрез неё **плавать** легко и вольно, как **рыба**. Я тоню и падаю на дно, как ключ. Отыщи её, парубок!* (Н. Гоголь “Майская ночь, или Утопленница”), *<...> чтоб не **биться**, подобно трепещущей **рыбе**, В заколдованном неводе горькой тоски* (Р. Ивнев “Каждый носит в себе и спасенье и гибель”), *Поднялися рад не рад, Закружились стар и млад, **Заметалися** в тоске, Словно **рыбы** на песке* (А. Герцык “Уж ты мать сыра земля...”). Образная характеристика физического состояния человека часто описывается при помощи сравнений *ловить (хватать) ртом воздух, как рыба; открывать, раскрыть, разевать рот, как рыба (по-рыбьи); дышать, задыхаться: На тротуаре в двух / шагах от гостиницы, **рыбой**, попавшей в сети, / путешественник **ловит воздух** раскрытым **ртом*** (И. Бродский “Частная жизнь. Рваные мысли, страхи...”), *Беспомощно и немо, как **рыба**, открывал и закрывал рот, будто пытался проглотить что-то и не мог, и только горбатый кадык конвульсивно сотрясался под дряблыми складками кожи* (Б. Васильев “Были и небыли. Книга 1”), *И я **дышал** как **рыба** на песке, Глотая твердый, слюдяной, земной, Холодный и благословенный воздух* (А. Тарковский “Полевой госпиталь”). (При этом большинство контекстов с этими предикатами, кроме предиката *плавать*, характеризуют образную ситуацию “пойманная рыба; рыба в сети; рыба без воды”).

В художественной речи повторяется общезыковое устойчивое сравнение *молчать (нем)*, как *рыба*, однако при этом оно часто обновляется или преобразуется: используются дериваты слов *молчать* и *немой*: *молчаливый, молчание, неметь*, их синонимы, например, *безгласный*: *Отец мой также давно уже заметил, что я очень похудел, что я, вопреки прежней моей хорошей привычке, почти ничего не ел, не принимался за книги и был **молчалив** как **рыба*** (О. Сомов “Сватовство”), *Уже не прежде, как чрез несколько минут после быстрого побега красавицы, он очнулся, будто от тяжкого сна, и, **безгласен** как **рыба**, пошел со мною далее* (О. Сомов “Роман в двух письмах”), *В **рыбьем молчании** студентов отчетливо звучит голос профессора, каждый вопрос его вызывает грозные окрики глухого голоса* (М. Горький “Мои университеты”), *Если б номер газетный не прибыл, Если б говор*

газетный иссяк, Я, наверно, **немел** бы, как **рыба**, Не узнав, не прочтя, что и как (Б. Слуцкий “Газеты”).

Сравнения с образом рыба и метафорический эпитет рыбий регулярно используются при характеристике внешнего облика человека. Они характеризуют **глаза**: *Добрые **рыбы** глаза его заспаны и ленивы* (Б. Садовской “Петербургская ворожея”), *Глаза у него были **рыбы**, вареные* (Е. Замятин “Уездное”); **рот (губы)**: *<...> он брал кусок конины своей короткой ручкой, макал ее в кровь и совал в свой **рыбий рот**, глотал и облизывал пальцы* (И. Бунин “Идол”), *<...> Саул был агрессивен, безжалостен и приехал сюда неспроста. Касьян привез его, чтобы он пощупал здесь воздух своими не ошибающимися **рыбьими губами*** (В. Дудинцев “Белые одежды”); **зубы**: *Маленький полуоткрытый рот с **рыбьими зубами**; сжатый, орлиный нос, выдающийся подбородок, покрытый беловатым пухом* (И. Тургенев “Стихотворения в прозе”), **лицо**: *Классная дама, в темно-синем платье, со множеством перламутровых пуговиц на груди и с **рыбьим** холодным **лицом**, давно уже глядит на него издали тупым, ненавидящим взором мутных глаз* (А. Куприн “Юнкера”), **спину**: *Шура с берега, тоже уж раздетая, беззвучно смеялась, упершись руками в колени, страшным, выпученным Женькиным глазам, и от смеха вздрагивали на ее узкой **рыбьей спинке** две тугие недлинные русые косички, перевязанные синей ленточкой* (С. Сергеев-Ценский “В грозу”). Наиболее последовательно в русской художественной речи посредством эпитета рыбий определяются глаза человека.

Компаративные тропы с образом сравнения рыба могут характеризовать и внешность человека в целом, при этом актуализируются такие признаки, как *гладкий, гибкий, жирный, крепкий, плотный*: *<...> спросила она, став перед ним и оправляя прическу, – **гладкая, гибкая, точно большая рыба*** (М. Горький “Жизнь Клима Самгина”), *Наклонив голову, к свидетельскому столу, пробежала, трясясь, **жирная** женщина без шеи, похожая на **рыбу**, всунутую в сюртук* (И. Бабель “Суд (Из записной книжки)”), *С недоумением смотрит невысокая, **плотная, как рыба**, девка* (И. Бунин “Жизнь Арсеньева”), – *Какая она здоровая! – с грустью заметила она, любуясь девочкой. – Вся **крепкая, как рыба*** (Д. Мамин-Сибиряк “Хлеб”). Интересно, что эти характеристики используются преимущественно применительно к женщине.

Образ сравнения рыба служит в художественной речи и для психологической характеристики персонажей. С ним связываются такие признаки, как холодность, бесчувствие, апатичность: *Болен ли он, здоров ли, вам все равно, в вас и перемены никакой не заметишь. Точно **рыба**, прости господи, какая! Вам бы вот статуем быть, комнаты украшать собою!* (А. Шеллер-Михайлов “Господа Обносковы”), *В глазах ее этот брак с Макаром Ивановым был давно уже делом решенным, и все, что тогда с нею произошло, она нашла превосходным и самым лучшим; под венец пошла с самым спокойным видом, какой только можно иметь в таких случаях, так что сама уж Татьяна Павловна назвала ее тогда **рыбой*** (Ф. Достоевский “Подросток”), *К чужим любвям они [блондинки] относятся чутко, в своей же собственной любви они холодны, как **рыбы*** (А. Чехов “Руководство для желающих жениться”), *Сперва он начал приходить в дивизионный комитет в качестве гостя и на русском безлюдье среди уже апатичных, как **рыбы**, комитетчиков, конечно, казался совершенно блестящим* (В. Шкловский “Сентиментальное путешествие”).

Метафорический эпитет рыбий используется также в сочетании со словом **темперамент**: *встречаются люди такой пылкой веры в человека, таких благородных намерений, так уважающие и себя, и тебя... ну, и, конечно, так влюбленно-красноречивые, что надо иметь вот этакий **рыбий** темперамент, как у Ньютки, чтобы не поддаваться соблазну... устоять...* (А. Амфитеатров “Марья Лусьева”).

Образ рыбы варьируется в русской художественной речи при помощи различных определений: *вареная рыба, снулая (уснувшая, сонная, засыпающая, дохлая) рыба, мороженая рыба, сушеная (вяленая) рыба*. При этом чаще подчеркиваются негативные признаки человека: *Увидя перед собою содержателя театра, Мускатицкий опустил глаза свои, тусклые, как у вареной рыбы, и горько зарыдал, повторяя посреди всхлипываний, что его обидели* (Д. Григорович “Капельмейстер Сусликов”), *Спать он не спал, но и не бодрствовал. Он был как сонная рыба* (Ю. Тынянов “Смерть Вазир-Мухтара”), *Но я, признаться, видя сонную “рыбину” в лице профессора N, заразился вялостью от него; и этим огорчил Гершензона, ждавшего от меня, может быть, фиги – в нос профессуре* (А. Белый “Между двух революций”), *Мертвая ночь за окном; изредка потрескивает мороз, люди сидят у стола и молчат, как мороженные рыбы* (М. Горький “В людях”), *Игуменья Досифея была худая, как сушеная рыба, старуха, с пожелтевшими от старости волосами* (Д. Мамин-Сибиряк “Охонины брови”).

Для русской языковой картины мира значимо противопоставление “рыба в воде / рыба без воды”. Эта оппозиция отражается как в общеязыковых метафорах, так и в художественной речи, ср. *В царстве влаги* свободной, как *рыбе*, *привольно Фалое* (С. Соловьев “Три девы”) – *Ты не поверишь, раз в жизни я была лишена возможности говорить целый час и я чувствовала себя так же скверно, как рыба без воды* (А. Будищев “Без оружия”).

Как уже отмечалось, наряду с родовым наименованием *рыба* в русской художественной речи широко используются разнообразные видовые обозначения рыб. Их состав постепенно расширяется. Так, в текстах конца XX – начала XXI вв. появляются компаративные тропы с компонентами *пиранья, гуппи*: *Лысого Мэра, мечтающего въехать в Кремль, множества зубастых, как пираньи, журналистов, купленных Мэром, и главное – Прокурора, который открыл уголовное дело о “коррупции в кремлевских верхах”* (А. Проханов “Господин Гексоген”), *То, что прежде было горячим содержанием жизни, – прозрачные, как аквариумные рыбки гуппи, роженицы с их патологиями и осложнениями, преподавание, в котором Павел Алексеевич умел передавать своим ученикам, помимо технических приёмов, ту маленькую неназываемую словами штучку, которая составляет сердцевину любой профессии, – становилось всё более автоматическим и теряло ценность если не для окружающих, то для самого Павла Алексеевича* (Л. Улицкая “Казус Кукоцкого”).

Видовые ихтионимы, с одной стороны, имеют те же особенности употребления, что и родовое слово, с другой стороны, проявляют индивидуальные особенности и детализируют разнообразные характеристики человека. Каждое из видовых наименований актуализируют определенный признак или совокупность признаков. Так, при описании внешнего облика человека за каждым из этих ихтионимов закреплены определенные образные характеристики: *каarp – громоздкий, пухлый; карась – маленький, укладистый; судак – крупный, белотелый; корюшка – костлявая; камбала – белотелая, криворотая, округлая; килька – худосочная; сом – мордастый, усатый; стерлядь – остроносая, тощая, налим – жирный, мягкий: Его принял сам Щеголев, оказавшийся громоздким, пухлым, очерком напоминавшим карпа* (В. Набоков “Дар”), *Маленький, укладистый и действительно чрезвычайно похожий на карася, Карась столкнулся с Шервинским у самого подъезда Турбиных* (М. Булгаков “Белая гвардия”), *<...> тут двигались в виде крупных белотелых судаков массивные толстопузые советники* (Н. Лесков “Смех и горе”), *Малиновская вкусом – сухая тарань, а костями – колючая корюшка* (А. Белый “Крещеный китаец”), *Здесь женщины белотелы и холодны, как камбала* (С. Марков “Боюсь, что для вас, дорогая...”), – *Погоди, Митька! Роешься в девках, как в сору, одна некрасива, друга нехороша, а*

криворота камбала и достанется (Б. Шергин “У Архангельского города”), Лишь один господин солидный **С худосочною килькой**-женой – Уж совсем, совсем очевидно – Выбрал нимфу с жирной спиной (С. Черный “Уличная выставка”), Подойдя к толстому стеклу, отделяющему дежурку от фойе, Олег взял телефонную трубку для связи с дежурным – **мордастым, усатым, сонным** мужиком, с майорскими погонами. За стеклом он смотрелся, как **сом** в аквариуме (З. Прилепин “Санька”), Горничная, **востроноса** этакая **стерлядь**, швейцарская француженка, пришла убирать комнату (А. Амфитеатров “Марья Лусьева за границей”), Не зря твоя Глафира **тоща**, как **стерлядь**, – это все от тебя! (В. Липатов “Деревенский детектив”), Баба попалась **жирная и мягкая**, как налим (Вс. Иванов “Бронепоезд № 14.69”).

Видовые ихтионимы, как и слово рыба, детализируют особенности движений человека. Так, образы сравнения угорь, вьюн, налим регулярно сочетаются с предикатами *виться, вертеться, извиваться*: Прекрасный мальый, а пречудац племянник мой. Порою бегают по целым часам нараспашку или, как **угорь, вьется** по утренней росе, но когда ему вообразится, что он болен, то чего не накутает на себя для прогулки в самый полдень! (А. Марлинский “Вечер на кавказских водах в 1824 году”), Надежде Осиповне и самой хотелось завуть, она кусала платок, и Сергей Львович, не терпевший женского плача, как **угорь вертелся** в повозке (Ю. Тынянов “Пушкин”), Маленький, тщедушный Комовский **угрем вился** в сильных руках, и вдруг, неожиданно силач Сильвер выпустил Комовского из рук, и все опомниться не успели, как тот уже сидел на нем верхом (Ю. Тынянов “Пушкин”), <...> уж всем сдается, что недоступная Сонетка, которая все **вьюном вилась**, а в руки не давалась, что-то вдруг будто ручнеть стала (Н. Лесков “Леди Макбет Мценского уезда”), И измучил я всех – **верчусь**, как **вьюн** (А. Ремизов “Взвихренная Русь”), В толпе, словно **налим, извивался** портной Минаков, негромко внушая <...> (М. Горький “Городок Окуров”), Через момент пан Врублевский был поднят на пиках, он **извивался** в воздухе, как на остроге **налим** (В. Шишков “Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1”).

С образом налима связана актуализация такого признака, как ‘скользящий’, что выражается как в глаголах *ускользать, выскользать*, так и в прилагательном *скользящий*: Были, конечно, среди нас архаровцы с опытом, уклонялись от оков, **выскользали** из цепких рук, что **налимы** (В. Астафьев “Веселый солдат”), **Скользящий** ты человечиска, Лысов, что твой **налим** (В. Шишков “Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2”), Но вот что интересно – как правило, все эти Тонковы бездарны... Правда, ухватить их трудно. **Скользящие**, как **налимы**. Но мы с ними еще поборемся (Д. Гранин “Искатели”).

Кроме образной характеристики движения, видовые ихтионимы в художественной речи передают и другие, достаточно оригинальные, признаки, ср. есть, как акула; проглатывать пищу, как щука; развалиться, как разварная белуга; лежать в ванне, как семга; лежать, как треска; блестеть (сверкать), как сазан, щука: Он [Федор Михеич] перекрестился, вздохнул и начал **есть**, как **акула** (И. Тургенев “Мой сосед Радилов”), Я удил рыбу, катался верхом и в челноке, играл вместе с моим учеником в крокет, купался и **ел** за обедами и за ужинами, как молодая **акула** после долгого поста (А. Будищев “Белая акация”), Когда Марья Петровна ела, то совсем **не жевала, а проглатывала пищу**, как **щука**; напротив того, Сенечка любил всякий кусок рассмотреть, разжевать, просмаковать, посыпать разговорцем, и к довершению всего, разрезывал кушанье на маленькие кусочки, а с огурца непременно срезывал кожу (М. Салтыков-Щедрин “Благонамеренные речи”), <...> даже стало ей чудиться, будто свекор ее кличет и говорит ей: “Что же это ты, Платонида, **развалилась**, словно **белуга разварная!** встань же, напой меня, пожалуйста, чаем” (Н. Лесков “Котин доилец и Платонида”), А моя, изволите ли видеть, **лежит в молочной ванне**, как

норвежская **семга**, и мечтает о сельскохозяйственной ферме в четыре гектара (А. Н. Толстой “Гиперболоид инженера Гарина”), Жили с год примерно... А чего она забеременела, я не понимаю... **Лежит**, бывало, как **треска** (С. Довлатов “Компромисс”), И, глядя на Якова глазами соучастника, голый, золотистый на солнце, **блестя кожей**, как **сазан** чешуей, офицер снова спросил <...> (М. Горький “Дело Артамоновых”), Так вот, я увижу другое: комната где-то, когда-то будет ярко освещена солнцем, будет синий таз стоять у окна, в тазу будет плясать окно, и Валя будет мыться над тазом, **сверкая**, как **сазан**, плескаться, перебирать клавиатуру воды... (Ю. Олеша “Зависть”), Разрешите, как говорится, на тур вальса? В смысле, танго... Она танцует, разоде́та, **блестит**, как **щука**... После везешь ее на хату... (С. Довлатов “Зона (Записки надзирателя)”). В компаративных конструкциях, включающих ихтионимы, таким образом, “заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира, соответствующего классифицирующим (таксономическим) предикатам, необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета” [1, с. 17].

Внешний облик разных видов рыб в художественной речи детализируется, при этом в зависимости от конкретного вида рыбы обозначение одной и той же части тела по-разному характеризует человека. Так, глаза леща – круглые, золотистые: Приходили ко мне советчики И советовали, как мне быть. <...> А **глаза у них были круглые**, Совершенно как у **лещей** (Б. Окуджава “Советчики”), и волосы у недоутопленника были всегда сырые, точно в них завелась водяная зараза, а **глаза на безбровый хрящеватой физиономии золотились**, будто у **леща** (О. Славникова “Бессмертный. Повесть о настоящем человеке”), глаза судака – белые, остекленелые: Белый весь лежит, белей снегу белого, и **глаза белые, остеклели**, как у **судака**... (В. Шишков “Угрюм-река. Ч. 1–4”), глаза окуня – красные: А Мишка Горячкин, позыркивая **красными**, будто у **окуня, глазами**, сидел на лавке нога на ногу, а руки крест-накрест на груди (С. Залыгин “Комиссия”), трески (свежемороженой) – слюдяные: Он научился так спать в тюрьме: **глаза открыты**, но какие-то **слюдяные**, как у **свежемороженой рыбы трески** (В. Токарева “Один из нас”). Если характеристика глаз связывается с образами разных рыб, то другие детали внешности в художественной речи закреплены только за отдельными видами, например, нос отмечается только у стерляди: вот Егоров (профессор впоследствии), это – **стерлядка: нос стерлядью**; чернобороденьким помню его; глаза острые, умные; и – любит музыку; видно, что умный, а как к нам придет, сядет перед отцом и уставится **носом стерляжьим** (А. Белый “На рубеже двух столетий”).

В художественной речи наблюдается оппозиция “крупная рыба / мелкая рыба”, в которой регулярно участвуют видовые наименования рыб, например **осетр / пескарь**, акулы / **щуки**, **головли**: Князь <...> тут же объяснил, что чиновник – понятие генерическое, точно так же, как, например, рыба: что есть чиновники-**осетры**, как его сиятельство, и есть чиновники-**пискари**. Бывает и еще особый вид чиновников – чиновник-**щука**, который во время жора заглатывает **пискарей**; но **осетры**, та *chere enfant, c'est si beau, si grand, si sublime*, что на такую мелкую рыбешку, как **пискарь**, не стоит обращать внимания (М. Салтыков-Щедрин “Губернские очерки”), В корпусе было сравнительно лучше, потому что у Буластихи бывал как свой человек и частенько загуливал с приятелями местный частный пристав: присутствие такой большой **акулы** не давало широкого хода в воды ее мелким **щукам и головлям** (А. Амфитеатров “Марья Лусьева”).

Другая значимая оппозиция, связанная с употреблением видовых ихтионимов, – “хищная рыба / жертва”, например: <...> в это время из другой волны почти по пояс поднялась над водою Катерина Львовна, бросилась на Сонетку, как сильная **щука** на мягкоперую **плотицу**, и обе более уже не показались (Н. Лесков “Леди Макбет Мценского уезда”).

Посредством видовых наименований рыб в художественных текстах характеризуется не только внешность персонажа, но и особенности его характера, интеллектуальные способности, мировоззрение: Удивляешь ты меня, – такую жизнь вела, у генеральши Рюлиной работала, плотичкою в аквариуме плавала, а все-таки, в самом деле, **наивна**, как молодой **карась**... (А. Амфитеатров “Марья Лусьева за границей”), И любой мудрец И **глуп** и **туп**, как **мерзлая навага** (С. Марков “Ломоносов”), и я подумал, что, наверное, мы все ходим по какому-то кольцу Мёбиуса, где в разных поворотах пространства исчезают для досужего глаза отдельные стороны нашего характера, и выйдим мы со стороны **однoboкими, плоскими** как **камбалы**, и за этим непреодолимым для равнодушного чужого глаза барьером бьется наша жизнь, вполне объемная и, к счастью, многосторонняя, и всегда находятся люди, которым все эти грани хорошо видны (А. Вайнер, Г. Вайнер “Лекарство против страха”).

Как и в повседневной речи, образы рыб служат в художественных текстах для передачи идеи множественности, высокой степени тесноты; при этом обычно используются такие названия рыб, как **селетки, кильки, сардины**, а также **плотва**: Не зная, зачем и куда, вылезали матросы из люка; их хватили, вязали и укладывали, как **селедок** (А. Марлинский “Лейтенант Белозор”), Люди жили как **кильки** в банке, забив каждую щель, каждую норку (Л. Улицкая “Казус Кукоцкого”), Мы спали прижавшись друг к другу, как **сардины**, и, когда одному из нас хотелось повернуться с боку на бок, должны были поворачиваться все двенадцать (Ю. Трифонов “Испанская Одиссея”), Сквозь тройные цепи шел петербуржец лихорадочной мелкой **плотвой** в мраморную прорубь вестибюля (О. Мандельштам “Шум времени”).

Сравнения и метафоры, включающие ихтионимы, могут выполнять в художественной речи функцию оценки, см., например: Во всякое другое время я, конечно бы, запретил вам называть меня “молодым человеком” <...> – Ах ты **пескарь!** – прошептал Вельчанинов (Ф. Достоевский “Вечный муж”), Глядя на Глафиру с робким замиранием сердца днем, он не освобождался от своего томления ночью и думал о том блаженном часе, когда он, ничтожная “ревельская **килька**”, как называл его Бодростин, считавший для него высокою даже любовь жениной горничной, завладеет самою его женой и ее состоянием (Н. Лесков “На ножах”). Компаративные конструкции с ихтионимами часто служат для выражения пренебрежительной или иронической оценки. В функции отрицательной оценки регулярно выступает образ акулы, при этом характеризуемое лицо наделяется разными признаками (алчность, ненасытность, цинизм, хищность и др.): – Цель очень ясна, – почтительнейше докладывал он, – эта женщина, – жена какого-то мещанина, что ли, – принадлежит, по всем вероятиям, к известной категории: **акула-с**, как есть **акула** алчная!.. (В. Крестовский “Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4”), Последний пугал молодого Алфимова перспективой скандала, и деньги давались ему для пересылки “ненасытной **акуле**”, как называл граф молодую девушку (Н. Гейнце “Самозванец”), Как там в финале фильма беспощадно отчеканила Миранда Пристли, гламурная **акула**, мудрая и циничная редакторша глянцевого журнала? (А. Иванов “Псоглавцы”), Но и обстоятельства первой, явной его жизни менялись на глазах: мелкие пескари новорожденного шоу-бизнеса, которых Юрьев и за людей-то не считал, на глазах выросли в молодых **акул**, зубастых и неуязвимых, какими и являются настоящие акулы животного мира (А. Слаповский “День денег”). Образ осетра используется в русской литературе для акцентирования признака ‘важность, значительность лица’: Этакого **осетра** в жильцы себе заполучила... Да ведь пожить рядом с ним, с миллионером... (Д. Мамин-Сибиряк “Приваловские миллионы”), Гости были важные, – поп, конечно, становой, двое волостных старшин и ещё разные **осетры**, а под окнами сельский народ

собрался, и в нём Мигун весёлый человек (М. Горький “Исповедь”). Примеры собственно положительной оценки, связанной с образом рыбы, немногочисленны.

Результаты

Проведенное корпусное исследование позволяет сделать ряд выводов. Выяснилось, что ихтионимы наряду с собственно зоонимами, которые уже достаточно полно описаны в научной литературе, представляют собой продуктивную группу единиц, участвующих в создании образных обозначений, в частности в реализации образной параллели “Человек – рыба”. Для русской художественной речи характерно разнообразие метафор и сравнений, включающих ихтионимы. Они служат для обозначения различных аспектов поведения человека, его внешности и внутреннего мира. Наряду с общеродовым обозначением – *рыба* – и его дериватами в художественных текстах регулярно используются видовые названия рыб, каждое из которых по-своему характеризует персонажа, повествователя или лирического героя. Компаративные тропы с рассматриваемыми компонентами представлены как в русской прозе, так и в поэзии. Они регулярно употребляются в составе различных синтаксических конструкций, в частности, сравнительных конструкций с союзом *как*, сравнений-приложений, метафорических конструкций разных типов. В рассматриваемых компаративных тропах у ихтионимов выявляется в художественном тексте “культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации” [14, с. 15].

Обсуждение результатов

Анализируемый материал показал, что ихтионимы в русской художественной речи чаще используются в составе сравнений. Метафоры представлены меньшим числом примеров, при этом они последовательно носят оценочный характер. Компаративные конструкции, включающие ихтионимы, активно используются в русской литературе XIX – XXI вв., при этом употребляются неравномерно. Можно отметить идиостилевые особенности в употреблении метафор и сравнений с рассматриваемыми компонентами. Так, в произведениях Лескова отмечаются разнообразные компаративные тропы, содержащие образы рыб и выделяющие различные основания для сравнения с человеком, например: *У другого окна целая группа: шилистая, востроносая щука в кавалерийском полковничьем мундире полусидела на подоконнике, а перед нею, сложа на груди руки, вертелся красноглазый окунь в армейском пехотном мундире* (“Смех и горе”), *Сам ревизор был живое подобие уснувшего ерша: маленький, вихрястенький, широкоперый, с глазами, совсем затянутыми какою-то сонною влагой* (“Соборяне”), *Рот у него тогда становился черный и круглый, как у сжатого за жабры окуня* (“Умершее сословие”). Та же тенденция наблюдается в прозе Салтыкова-Щедрина, в которой образы рыб часто используются для социальной характеристики изображаемых персонажей: *Чиновничий ход начался только через полчаса. Сперва повалили гольцы, пискари и плотва <...> Гольцы и пискари шли резво, играючи; плотва брела сонно, словно уверенная, что крючка ей не миновать. Потом движение перемежилось, и уже в одиночку потянулись головли, караси, лини и прочая чиновничья бель* (“В среде умеренности и аккуратности”). Компаративные тропы с ихтионимами продолжают достаточно активно использоваться в современной русской прозе и поэзии, при этом в их составе появляются новые элементы.

Заключение

Для русской художественной речи характерно богатство метафор и сравнений, включающих образы рыб. Эти компаративные тропы варьируют и актуализируют различные признаки изображаемых лиц и ситуаций. Метафоры и сравнения с ихтионимами отражают особенности русской языковой картины мира. Характерно, что в их составе преобладают названия рыб, издавна известных носителям языка. “Жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и культурной (материальной и духовной) реальности. На этом основании в образы фразеологизмов

“попадают” те вещи, явления, исторические события, названия природных реалий, животных, растений, имена людей и т.п., которые <...> значимы в жизни данного народа” [4, с. 14]. Метафоры и сравнения в художественной речи, так же, как и фразеологизмы, характеризуются избирательностью и национально-культурной детерминированностью в отборе образов. Названия рыб в составе компаративных конструкций наделяются устойчивыми признаками, которые используются для образной характеристики человека (например, холодность, вертлявость, скользкость и др.). Обозначения рыб в компаративных конструкциях вступают в оппозиции, значимые как для общеязыковой картины мира, так и для метафорической картины мира в художественном тексте. Метафоры и сравнения, включающие образы рыб, в художественной речи служат для образной характеристики не только человека, но и других реалий и явлений. Эти группы компаративных тропов требуют дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. *Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.*
2. Василенко А. П. *Общее и частное в типологии компонентов-ихтионимов (на материале русской и французской фразеологии) // Научно-методический электронный журнал “Концепт”. 2014. Т. 20. С. 1921–1925.*
3. Гудков Д. Б. *Люди и звери: русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе : лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.*
4. Ковшова М. Л. *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: URSS, 2019. 395 с.*
5. Кожевникова Н. А. *Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 254 с.*
6. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. М.: Языки слав. культур, 2010. 512 с.*
7. *Национальный корпус русского языка (НКРЯ) : сайт. М., 2003–2020. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.10.2020).*
8. Огдонова Ц. Ц. *Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Огдонова Цырена Цыцыковна. Иркутск, 2000. 162 с.*
9. Петрова З. Ю. *Зооморфные метафоры и сравнения в современной русской прозе // Slavica. 2020. Vol. 49. P. 50–66.*
10. *Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков [и др.]; под ред.: И. В. Захаренко [и др.]. М.: Гнозис, 2004. 318 с.*
11. Рыжкина О. А. *Системное исследование зооморфизмов в русском языке: в сопоставлении с английским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рыжкина Ольга Александровна. Новосибирск, 1979. 329 с.*
12. Смирнова Л. Г. *Люди и звери. Наименования животных как оценочная характеристика человека в русском языке // Русский язык за рубежом. 2009. № 5. С. 48–55.*
13. Телия В. Н. *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1981. С. 109–172.*

14. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Минск: Універсітэцкае, 1994. С. 13–15.
15. Туранина Н. А. Анимистическая метафора в авторском художественном дискурсе // Вестник Тверского гос. пед. ун-та. 2008. Вып. 2 (76). С. 50–52.

References

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metafory*. Moscow: Progress Publ., 1990. Pp. 5–32. [In Russian].
2. Vasilenko A. P. Obshcheye i chastnoye v tipologii komponentov-ikhtionimov (na materiale russkoy i frantsuzskoy frazeologii) [The common and particular items in the typology of ichthyonym (based on Russian and French phraseologies)]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*, 2014. Vol. 20. Pp. 1921–1925. [In Russian].
3. Gudkov D. B. *Lyudi i zveri: russkiye pretsedentnyye imena i zoonimy v natsional'nom mife: lingvokul'turologicheskiy slovar'* [People and Animals. Russian Precedent. Names and Zoonyms in the National Myth. *Linguoculturological dictionary*]. Moscow: LENAND Publ., 2020. 200 p. [In Russian].
4. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskiy kod kul'tury* [Linguocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: Anthroponymic Code of Culture]. Moscow: URSS Publ., 2019. 395 p. [In Russian].
5. Kozhevnikova N. A. *Slovoupotrebleniye v russkoy poezii nachala XX veka* [Word. Usage in the Russian Poetry of the Early 20th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 254 p. [In Russian].
6. Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury XIX – XX vv. Vyp. 2: Zveri, nasekomyye, ryby, zmei.* [[Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th –20th centuries. Issue 2: Animals, insects, fish, snakes]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 512 p. [In Russian].
7. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYA)* [Russian National Corpus]. Moscow: 2003–2020. URL: www.ruscorpora.ru (accessed: 30 October 2020). [In Russian].
8. Ogdonova Ts. Ts. *Zoomorfnyaya leksika kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira : diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01* [Zoomorphic vocabulary as a fragment of the Russian linguistic picture of the world: Thes. ... Cand. Philol. Sciences]. Ogdonova Tsyrena Tsytsykovna. Irkutsk: 2000. 162 p. [In Russian].
9. Petrova Z. Yu. *Zoomorfnyye metafory i sravneniya v sovremennoy russkoy proze* [Zoomorphic metaphors and similes in the modern Russian prose]. *Slavica. Issue 49*. Debrecen University Press: 2020. Pp. 50–66. [In Russian].
10. *Russkoye kul'turnoye prostranstvo: lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian cultural space. *Linguoculturological dictionary*]. Moscow: Gnozis Publ., 2004. 318 p. [In Russian].
11. Ryzhkina O. A. *Sistemnoye issledovaniye zoomorfizmov v russkom yazyke: v sopostavlenii s angliyskim : diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01* [Systemic study of zoomorphisms in the Russian language (in comparison with English): Thes. ... Cand. Philol. Sciences]. Moscow, 1979. 329 p. [In Russian].
12. Smirnova L. G. *Lyudi i zveri. Naimenovaniya zivotnykh kak otsenochnaya kharakteristika cheloveka v russkom yazyke* [People and Animals. Names of Animals as Attitudinal Characterizing of a Person in Russian]. *Russkiy yazyk za rubezhom. Issue 5*, 2009. Pp. 48–55. [In Russian].

13. Telia V. N. *Metaforizatsiya i yeye rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira* [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language. Language and picture of the world] Moscow: Nauka Publ., 1981. Pp. 109–172. [In Russian].
14. Telia V. N. *Nominativnyy sostav yazyka kak ob"yekt lingvokul'turologii* [The nominative composition of the language as an object of linguoculturology]. *Natsional'no-kul'turnyy komponent v tekste i v yazyke*. Minsk: Universitetskae Publ., 1994. Pp. 13–15. [In Russian].
15. Turanina N. A. *Animisticheskaya metafora v avtorskom khudozhestvennom diskurse* [Animistic metaphor in an author's art discourse]. *Vestnik Tverskogo gos. ped. Universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin] Issue 2 (76). 2008. Pp. 50–52. [In Russian].

Сведения об авторах

Николина Наталия Анатольевна –
кандидат филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Московского педагогического
государственного университета
(e-mail: ruskafedra314@gmail.com).

Петрова Зоя Юрьевна –
кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник Отдела корпусной
лингвистики и лингвистической поэтики,
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
(e-mail: zoyap@mail.ru).

Information about the Authors

Nikolina Nataliya Anatolyevna,
PhD in Philology, Professor of the
Chair of Russian Language of the
Moscow State University of Education
(e-mail: ruskafedra314@gmail.com).

Petrova Zoya Yur'evna,
PhD in Philology, Leading Researcher,
Department of Corpus Linguistics and
Linguistic Poetics of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute of RAS
(e-mail: zoyap@mail.ru).

ШЁЛК, БАРХАТ И АТЛАС (ОБРАЗЫ ТКАНЕЙ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ)

Е. В. Огольцева

Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые сравнения и другие компаративные единицы русского языка, в которых в качестве образной основы выступают наименования тканей: «шёлк», «бархат» и «атлас». Автор анализирует все возможные признаки-основания компаративных структур с этими компонентами, выявляет типические речевые ситуации, в которых устойчивые сравнения как шёлк, как бархат и как атлас могут быть квалифицированы как синонимы. С другой стороны, исследуются семантические особенности каждой из сопоставляемых конструкций. Анализ многочисленных контекстов, извлечённых из Национального корпуса русского языка, показал, что «шёлк» – это прежде всего образ нежных, тонких волос, а также нравственных качеств человека: покорности, смирения, послушания; посредством образа «атлас» чаще всего характеризуется гладкая, нежная, эластичная кожа человека или лоснящаяся, гладкая шерсть животного; образ «бархат» выражает свойства любой ровной поверхности («мягкая», «нежная», «приятная на ощупь», как правило, «ворсистая»), а также характеризует приятный, мягкий тембр человеческого голоса либо музыкального инструмента. Параллельно рассматриваются структурные и семантические особенности компаративных структур других моделей, в частности, «как (словно, точно, будто) + относительное прилагательное». В результате проведённого анализа доказана непосредственная зависимость прагматических свойств образных компаративных единиц от двух главных факторов: 1) тонкие семантические нюансы слова, выступающего в качестве образа сравнения; 2) способ выражения образа сравнения, а, следовательно, та структурно-семантическая модель, в рамках которой реализуется акт сравнения. Варьирование воспроизводимых компаративных моделей, в которых реализуется коммуникативно-прагматический потенциал одного и того же образа-субстанции, – закономерность языковой образной системы, обеспечивающая её динамику.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративная структура, образ сравнения, основание сравнения, синонимия, контекст, коммуникативно-прагматический потенциал, структурно-семантическая модель сравнения, образное гнездо.

SILK, VELVET AND SATIN (IMAGES OF FABRICS IN THE SYSTEM OF STABLE COMPARISONS)

E. V. Ogoltseva

Moscow State University of Education
(Moscow, Russia)

Abstract. The article considers stable comparisons and other comparative units of the Russian language, in which the names of fabrics "silk", "velvet" and "satin" serve as a figurative basis. The author analyzes all possible features-bases of comparative structures with these components, identifies typical speech situations in which stable comparisons "like silk", "like velvet", and "like satin" can be qualified as

synonyms. On the other hand, the article investigates semantic features of each of the compared constructions. Analysis of numerous contexts extracted from the National corpus of the Russian language has shown that "silk" is primarily an image of soft, thin hair, as well as of moral qualities of a person: submission, humility, obedience. The image of "satin" often characterizes smooth, soft, elastic human skin or glossy, smooth, animal hair. The image "velvet" expresses the properties of any flat surface ("soft", "gentle", "pleasant to the touch", as a rule, "fleecy") and characterizes a pleasant, soft timbre of a human voice or musical instrument. At the same time the authors consider the structural and semantic features of the comparative structures of other models, in particular, "as (as if, exactly) + relative adjective". As a result of the analysis, the direct dependence of the pragmatic properties of figurative comparative units on two main factors is proved: 1) the subtle semantic nuances of the word that acts as a comparison image; 2) the way to express the comparison image, and therefore, the structural and semantic model within which the comparison act is implemented. Variation of reproducible comparative models in which the communicative and pragmatic potential of the same image-substance is realized is a regularity of the language image system that ensures its dynamics.

Keywords: *stable comparison, comparative structure, image of comparison, basis of comparison, synonymy, context, communicative and pragmatic potential, structural and semantic model of comparison, nest of images.*

Семантика и функционирование устойчивых компаративных единиц, в структуре которых в качестве компонента **В** (образа сравнения) выступают наименования тканей, ещё не становились объектом специального анализа. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим устойчивые сравнения (далее УС) как *шёлк*, как *бархат* и как *атлас*. Все три сравнения употребляются также с другими показателями компаративных отношений – с союзами *словно*, *точно* и *будто*. Нетрудно заметить глубокое семантическое родство рассматриваемых нами образов. Собственно, существительное *шёлк* может быть квалифицировано как своего рода гипероним по отношению к словам *атлас* и *бархат*, поскольку последние, по существу, разновидности шёлка: ШЁЛК '1. Вещество, выделяемое гусеницами тутового шелкопряда и загустевающее на воздухе в виде тонких нитей; 2. Пряжа, нитки из такого вещества или из искусственного, синтетического волокна; 3. Ткань из такой пряжи, таких ниток или из искусственного, синтетического волокна' [13, т. 4, с. 708]; АТЛАС 'Сорт плотной шёлковой ткани с гладкой, блестящей лицевой стороной (от араб. atlas – гладкий).' [13, т. 4, с. 50]; БАРХАТ 'Ткань (обычно шёлковая) с мягким, низко стриженный густым ворсом на лицевой стороне' [13, т. 4, с. 63]. Образно-метафорическое значение МАС выделяет только у «родового» наименования – существительного *шёлк*: 'то, что мягкостью, блеском напоминает такие нитки или ткань' (шёлк травы, шёлк кудрей) и 'О человеке с мягким, покладистым характером' [13, т. 4, с. 708]. Интересно проследить, как влияет это явное семантическое родство (и *атлас*, и *бархат* – ткани на основе шёлка) на функционирование устойчивых сравнений. Возможны ли речевые ситуации, в которых эти компаративные единицы выступают как синонимичные? Каковы нюансы употребления, различающие данные компаративные конструкции?

Анализируя устойчивые представления, связанные в коллективном языковом сознании с шёлком, атласом и бархатом, мы коснёмся также специфики компаративных единиц других структурных моделей. Это прежде всего конструкции с именами прилагательными в качестве образной основы: как (*словно*, *точно*) *шелковый*, *словно (точно, будто) бархатный*. Отсубстантивные прилагательные, выступающие в качестве компонентов устойчивых сравнений анализируемых моделей, образованы с помощью суффиксов *-н* и *-ов* и характеризуются словообразовательным значением «сделанный из материала, названного производящей основой» [12, с. 272, 278–280]. Принадлежность этих прилагательных к одной словообразовательной категории во многом предопределяет сходство их функционирования в составе устойчивых сравнений (далее УС). В отличие от УС основной (прототипической) модели «как (*словно*, *точно*, *будто*) + существительное в

им.п.», сравнения с субстантивированным прилагательным характеризуются принципиально иным способом образного уподобления: предмет **А** сравнивается не с неким понятием **В**, причём с понятием иного рода, иного семантического класса, а с тем же предметом, но представленным в «преобразованном» виде: *как шёлковые* (волосы, кожа человека и т.д.) – значит «как если бы это были волосы или кожа, сделанные из шёлка». Интересно проследить связь этой внутренней формы с актуальными значениями УС: 'Мягкий, нежный. О волосах, коже человека, шерсти животного, о волокне, материале, предмете; 2. Перен. Покорный, послушный, покладистый; вести себя – покорно, послушно. О человеке, реже о животном' [8, с. 774].

При первом, поверхностном взгляде может показаться, что пары типы *как шёлк* – *как шёлковый* – абсолютные синонимы. Однако семантика УС с компонентами-прилагательными имеет свои особенности, выявить которые можно только посредством анализа большого количества контекстов употребления этих единиц. Подобное варьирование языковых компаративных моделей, реализующих коммуникативно-прагматический потенциал одного и того же образа, – закономерность образной системы языка, обеспечивающая её развитие. По справедливому замечанию Н. В. Черемисиной, «неподвижная система симметрична, эволюционирующая – всегда включает нечто новое, некие ВАРИАНТЫ <...> Варьирование, всегда связанное с выражением новых смыслов (жанровых, образно-характеристических, словесных, фразеологических и т.п.) есть победа семантики над формой <...>». [16, с. 62] Проследим специфику употребления УС *как шёлк* и *как шёлковый*, опираясь на материалы Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ).

Согласно Словарю устойчивых сравнений русского языка, УС *как шёлк* употребляется в двух созначениях¹: '1.1. Мягкий, нежный. О волосах человека. <...> 1.2. Мягкий, нежный. О коже, шерсти, волокне, материале' [8, с. 773]. Анализ материалов НКРЯ подтвердил, что первое созначение УС *как шёлк* занимает лидирующую позицию в художественных, рекламных, публицистических текстах: это сравнение употребляется главным образом по отношению к нежным и мягким волосам (чаще это не черные, а светлые волосы – светло-русые, белые, желтоватые, золотистые, серебристые): *От щёлка золотые волосы Арсения становились мягкими, как шёлк* (Е. Водолазкин. «Лавр»); *В этой избе только и было двое обитателей: Паусий Логинич – согбённый старец, с маленьким, сухощавым лицом, словно бы оно было вылито из желтовато-белого воску, и с большой лысиной, которую обрамляли длинные серебряные и мягкие как шёлк волосы, неволнисто падавшие ему на узкие, иссохшие плечи.* (В. В. Крестовский. «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных»); *Представьте себе томные голубые глаза, длинные ресницы, розовые щёчки, пунцовый ротик и мягкие, как шёлк, с золотистым отливом локоны, которыми, однако ж, мой приятель любовался уж впоследствии, потому что на этот раз Шарлотта была в кисейном...* (Н. Загоскин. «Москва и москвичи»); *У Степана кудри были мягкие как шёлк.* (Б. В. Шергин. «Изящные мастера»); *Это была девочка со светлой косицей, тонкой и мягкой, как шёлк, с серыми глазами, худенькая и замороженная на вид.* (В. Ф. Панова. «Спутники»); *Митрополит плакал, склонив на руки седую голову с мягкими, как шёлк, волосами.* (А. Алтаев. «Гроза на Москве»)

Помимо отражённых в словаре признаков «мягкие» и «нежные», сравнение человеческих волос с шёлком часто имеет своими основаниями такие качества, как «гладкость» и «блеск» (в этом случае речь нередко идёт, напротив, о тёмных, чёрных волосах): *Тогда-то и удалось обнаружить нам, что под косыночкой прячутся волосы редкой красоты – блестящие, как шёлк, иссиня-чёрного цвета* (А. Берцинская. «Тоська Пепеляева»); *Говорков – среднего роста, стройный, смуглолицый, черноглазый, с толстыми усами и квадратной бородкой <...>*,

курчавые волосы его лежат на голове гладко, поблёскивают, как шёлк, и в них немало седых (М. Горький. «Жизнь Климса Самгина»); Отвечая, она глубже уселась на стуле, положила голые локти на скатерть, – блестяли её тёмные глаза, **как шёлк блестяли** её тёмные кудри, падающие двумя прядями на легко дышащую грудь (А. К. Толстой. «Пётр Первый»).

Анализируемое нами сравнение часто употребляется и как характеристика «растительности» на лице человека: усов, бороды, ресниц, бровей; при этом актуализируется тот же набор признаков: «мягкий», «нежный», «блестящий», «вьющийся» или «гладкий»: *Смеялся он заразительно, по-детски, обнаруживая белые, частые, мелкие зубы сквозь седые усы, соединившиеся с серебристо-белой, волнистой, мягкой, как шёлк, бородой.* (Е. И. Апрелева. «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе»); *Каштановые волосы и борода густы и мягки, как шёлк.* (А. П. Чехов. «Драма на охоте»). *Его чёрные усы и такая же борода вились, как шёлк.* (А. С. Грин. «Легенда о Фергюссоне»); *Вот какая она – посмотрите же на неё: стоит себе, опустив изогнутые иссиня-тёмные и как шёлк мягкие свои ресницы; из-под ресниц светят светлы её далёких глаз, не то серых, не то зелёных, подчас бархатных, подчас синих <...>* (А. Белый. «Серебряный голубь»).

Итак, УС как шёлк – это прежде всего характеристика растительности на голове, лице человека по целому комплексу взаимосвязанных признаков, нередко проявляющихся одновременно: «нежные и мягкие», «блестящие, лоснящиеся»: «русская коса, как шёлк, вычесана» (Г. П. Данилевский); «её мягкие как шелк спускавшиеся до плеч локоны» (А. О. Корнилович); «русые волосы, мягкие, как шёлк, развевались ветерком» (Н. М. Карамзин); «короткие волосы его были светлы и мягки, как шёлк» (В. М. Дорошевич) и т.п. Интересно, что образ шёлка употребляется и по отношению к «гладким» волосам (гладко, очень аккуратно расчёсанным, тщательно уложенным, буквально волосок к волоску) и, напротив, по отношению к волосам волнистым, вьющимся. Это связано с актуализацией «разных участков» семантической структуры базового образа: гладкая и блестящая поверхность шёлка как ткани, материала; способность этой ткани красиво драпироваться, переливаясь в складках (ср. третье значение в МАС); блеск и нежность шёлка как волокна (второе значение).

Несколько реже сравнение как шёлк употребляется по отношению к шерсти животного: *Но вот государь видит нечто совершенно иное: красота, порядок, уют: «Шерсть на овцах как шёлк. / И тяжестью их клонит...»* (А. Архангельский. «Александр I»); *Он приехал совершенно один, не на коне, а на огромном белом верблюде с короткой, мягкой, как шёлк, шерстью.* (И. А. Ефремов. «Белый рог»); *Прекрасный тип верховых ослов, высоких, на тонких ногах, с тонкой, нежной, как шёлк, светлой шерстью.* (Н. Г. Гарин-Михайловский. «По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову»).

В полном соответствии со словарными данными УС **как шёлк** часто употребляется как характеристика какой-либо поверхности, которая по зрительному и тактильному впечатлению напоминает шёлк. В качестве такой поверхности выступает в первую очередь **кожа человека**: *Нежная пена с тонким ароматом прекрасно очищает кожу, и после душа она становится нежной и гладкой как шёлк* («Красота» // 100% здоровья. 2003.02.14); *Аппетитное? И кожа, как шёлк?! Значит, не вы собой любовались, а вами любовались?!* (Т. Окуневская. «Татьянин день»).

Кроме того, рассматриваемое сравнение может выступать в текстах как характеристика поверхности материала (например, замши, кожи), из которых сделана одежда или детали интерьера: *Ты что, не видишь бриллиантовый ручеек и чёрную жемчужину, и очёчки, и ботиночки, и простецкую кожаную курточку, на ощупь как шёлк?* (Т. Устинова. «Большое зло и мелкие пакости»); *Вот нежные, как шёлк и атлас, блузки и юбки из перфорированной замши, вот повседневные*

меховые боа – да-да, даже летом. (А. Карабаш. «Чей туфля?» // «Домовой», 2002.05.04); *И никто не обращал внимания на сукно и бисер, которыми она была обшита, на её выпушку из барсучьего меха, блестящего под ногами, как шёлк.* (Р. И. Фраерман. «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви»); *Он указал на сильно потёртый бархатный воротник своего лоснившегося, как шёлк, вицмундира.* (В. П. Авенариус. «Школа жизни великого юмориста»).

Сходство с шёлком могут иметь материалы, состоящие из волокон (нити, пенька и т.п.): *Левой рукой Олеся быстро сучила белую, мягкую, как шёлк, кудель, а в правой у неё с легким жужжанием крутилось веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и коротким движением пальцев опять заставляла вертеться.* (А. И. Куприн. «Олеся»); *Нынче, слава богу, пенька добрая: зелёная, волнистая, как шёлк...* (И. Е. Вольнов. «Повесть о днях моей жизни»). «Волнистость» в последнем случае неразрывно сопряжена со способностью блестеть, переливаться, лосниться.

Чрезвычайно редко УС *как шёлк* употребляется как средство образного выражения характера человека – мягкого, уживчивого, сговорчивого или смиренно-покорного, кроткого: *Ирина стала вдруг повадлива как овечка, мягка как шёлк и бесконечно добра; принялась давать уроки своим младшим сёстрам – не на фортепиано, – она не была музыкантшей – но во французском языке, в английском; читала с ними их учебники, входила в хозяйство <...>.* (И. С. Тургенев. «Дым»); *Что ж делать, если он титулярный советник; зато такой тихий, как шёлк.* (Н. В. Гоголь. «Женитьба»).

Несколько иные закономерности наблюдаются при употреблении УС **как (словно, точно) шёлковый** (ср.: '1. Мягкий, нежный. О волосах, коже человека, шерсти животного, волокне, материале, предмете. <...> 2. Перен. Покорный, послушный, покладистый; вести себя – покорно, послушно. О человеке, реже о животном. <...>' [8, с. 774]. Значение, которое дано в словаре в качестве первого, несомненно, очень близко к семантике УС **как (словно, точно) шёлк**. Ср., например, УС-синонимы, которые образно характеризуют мягкие, нежные волосы, брови или ресницы: *И вились у Иванушки кудри как шёлковые.* (К. И. Чуковский. «Высокое искусство»); *Никите показалось, что это не настоящая девочка, до того хорошенькая, в особенности глаза – синие и ярче ленты, а длинные ресницы – как шёлковые.* (А. Н. Толстой. «Детство Никиты»).

УС **как шелковый**, подобно сравнению **как шелк**, употребляется также по отношению к материалу, из которого производятся те или иные предметы одежды: *Потом перешёл на любовь, и вышло, что его любили многие за лихость, за обходительность, за то, что у него были новые сапоги с набором или вышитая рубаша из сатинету, но совсем **как шёлковая,** любили за то, что он играл на двухрядной тальянке <...> (С. Н. Сергеев-Ценский. «Лесная топь»); *Самого модного, последнего вкуса! Сукно блистало, **как шёлковое.** Купец чутьём пронюхал, что пред ним стоит знаток сукон, и не захотел начинать с десятирублёвого* (Н. В. Гоголь. «Мёртвые души»).*

Однако УС **как шелковый** (-ая, -ое), по данным Национального корпуса русского языка, относительно редко выражает «физические», то есть воспринимаемые органами чувств, признаки (волос, кожи, шерсти животного, материала, волокна, какой-л. поверхности). В НКРЯ мы выявили лишь семь случаев подобного употребления. Интересно, что в такой функции чаще выступает сравнение другой модели, в структуре которой прилагательное «шёлковый» выступает как зависимый компонент по отношению к грамматически главенствующему имени существительному (модель mBb, где m – показатель сравнительных отношений, союз как (словно, точно, будто); B – образ сравнительной конструкции; b – согласованное определение, выраженное прилагательным). Подобные сравнения, представляющие собой авторские трансформы общезыковых компаративных единиц, могут

характеризовать волосы (нежные, тонкие, мягкие): *По нежной, как бы прозрачной белизне лица его то и дело вспыхивал лёгкий румянец, при малейшем движении чувства; самые волосы его, светло-русые, очень редкие и как бы рассыпчатые, до того были мягки и нежны, как **шёлковые пряди**, что при всяком движении головы меняли своё место и болтались, как бахрома, спускаясь на виски и на большой и широкий лоб* (Ф. И. Буслаев. «Мои воспоминания»); *Высокая гибкая блондинка с огромными синими глазами, любовно озиравшими весь Божий мир, с пышной короной белокурых, нежных, как шёлковая паутина, волос, вся белая, ароматная, будто пахнувшая яблочным цветом, с высокой грудью и круглыми плечами, упругая, здоровая и свежая, как только что вылупившееся яичко* (А. Т. Ав ерченко. «Шутка мецената»); *кожу человека, в частности, кожу рук: Ты стройна, как кипарис, что вырос под сенью огромной скалы, защищающей его от бурь! Твои руки нежны, как **шёлковые шарфы**! Я унесу тебя в горы на недоступные ледники любви, как снежный барс уносит искры солнца на изогнутой луком спине!...* (А. Иванов. «Охота на «Большую Медведицу»). В приведённых случаях индивидуально-авторские сравнения как *шёлковые пряди*, как *шёлковая паутина*, как *шёлковые шарфы* выступают как синонимы по отношению к УС как *шёлковый*. Компонент «*шёлковый*», сочетаясь с разными именами существительными, даёт разные по значению компаративные структуры, в значительной степени детерминируемые именно семантикой прилагательного; при этом актуализируются разные признаки **шёлка**, например, его ровная, гладкая поверхность: *Живая горная вода сочилась из-под каждой горы, катилась по логам в бойкие речки, проходила через озёра и, повернув тысячи тяжёлых заводских и мельничных колёс, вырывалась, наконец, на степной простор, где, как шёлковые ленты, ровно и свободно где, как **шёлковые ленты**, ровно и свободно плыли красивые степные реки* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Три конца» (1890)); способность скользить, выскользывать из рук благодаря гладкости: – *Княжна выскользнула из его рук – легко, как **шёлковый платок**, оставив лёгкий холодок* (С. Осипов. «Страсти по Фоме». Книга вторая. Примус интер парэс); свойство светиться и переливаться: *Коллеи дорог, полные воды, светясь, лежали, как шёлковые ленты, и указывали путь в Окуров <...>*. (М. Горький. «Жизнь Матвея Кожемякина»); лёгкость: *Над ними, ещё выше, поднимаясь кверху доски, в благоухающих чертогах восседала мать Божия – Богородица, на шитых речным жемчугом подушках, под лёгкими, как шёлковый балдахин, небесно-голубыми сводами* (П. Алешковский. «Жизнеописание хорька»); мягкость и блеск: *Второй портрет – княгини Щербатовой – Кипренский написал в мягких и блестящих красках, таких же мягких, как шёлковая шаль, накинутая на плечи княгини* (К. Г. Паустовский. «Орест Кипренский»).

Вернёмся к особенностям семантики устойчивого сравнения **как шёлковый**. Анализ многочисленных случаев его употребления показывает, что чаще всего оно выступает как образное выражение таких качеств человеческого характера и поведения, как склонность к послушанию, покорности, смирению: *Приехавший Хвёдор вёл себя **как шёлковый**: никаких расспросов, сплошное послушание* (С. Шикера. «Египетское метро»). Это же сравнение выражает постоянную и неизменную готовность к тому или иному действию: *Она голосует, ты подъезжаешь, как шёлковый, садишь её, молодую, и – дуешь!* (Нина Садур. «Сад»).

Поведение, характеризующееся этим устойчивым сравнением, в целом воспринимается русским языковым сознанием как неискреннее, лицемерное или унижающее человеческое достоинство: *Сегодня среда, в пятницу выборы, он перед выборами стал **как шелковый** – заискивает перед молодёжью, мне подарил булочку к чаю* (К. И. Чуковский. «Дневник»); – *Ага, – ответил Дивинский. – Он стал **как шёлковый**. Прямо как собака смотрит в глаза князю Василию Лукичу*

(Ф. Е. Зарин-Несвицкий. «Борьба у престола»). Речь идёт о поведении человека, который ради выгоды притворяется не тем, кем является на самом деле: общественному порицанию подвергается не смирение как таковое (это качество, скорее, воспринимается русским языковым сознанием сочувственно), а деланное, напускное смирение, не имеющее ничего общего с христианской добродетелью.

Нередко подобное поведение – не естественное свойство природы того или иного человека, а результат внешнего влияния (убеждения, угроз, запугивания, строгого окрика, взгляда и проч.): *Воспитатели, само собой, объявили: кто будет плохо себя вести, лишится посещения зверинца. Мы стали как шёлковые!* (А. Слаповский. «Синдром Феникса»); *Курсанта, главное, запугать качественно, и он у тебя, как шёлковый* (М. Зосимкина. «Ты проснёшься»); *Занялся бизнесом и «жил» на работе, пока я не расставила все точки над И. Тяжеловато мне, конечно, было, но сейчас как шёлковый, а главное, теперь ясно, КТО в доме хозяин* (Женщина + мужчина: психология любви: форум); *Когда я на него вот так смотрю, – она вскинула бровь, – он как шёлковый становится.* (Р. Ибрагимбеков. «Забытый август»); *Впрочем, как бы пьян и как бы силён он ни был, Люся живо находит на него управу, и он делается как шёлковый.* (В. А. Солоухин. «Капля росы»); – *Я знаю, как со стервами нужно обращаться, – подумал он, – теперь неделю будет, как шёлковая* (К.К. Вагинов. «Гарпагониада»). Состояние и поведение человека по отношению к окружающим может измениться и под воздействием «успокоительного» действия времени либо иных факторов: *Сейчас-то не подступись, дай утихнуть грозе; а после-то отмякнет – и как шёлковый* (В. Личутин. «Любостай»).

Очень часто, особенно в конструкциях с прямой речью, характеристика «как шёлковый» (синонимически сближающаяся в таких случаях с УС как *миленький*) граничит с бесцеремонностью, неуважением, пренебрежением к характеризуемому лицу: – *Будет шагать как шёлковый, – пообещал Уханов и, подойдя, грубовато и бесцеремонно похлопал по карманам немца <...>* (Ю. Бондарев. «Горячий снег»). – *Спи давай! И чтоб завтра был как шёлковый! Потирая голову, Филька отошёл к своей кровати* (А. И. Мусатов. «Большая весна»).

Относительно редко характеристика «как шёлковый» встречается в повествовании персонажа от первого лица (оценка дается самому себе). В этом случае признаки, выражающиеся устойчивым сравнением *как шелковый(-ая)*, противопоставляются таким качествам характера и поведения, как «злой», «раздражительный», «несговорчивый», «вредный»: *Но я заметила, что в США я злюсь на очереди и никогда в них не стою, а в России – как шёлковая* (Е. Яковлева. «Люблю гулять по Красной площади, когда идёт снег. Откровения Ирины Стивенсон, российской американки»).

Любопытно, что прилагательное «шёлковый», употребляясь в образно-метафорическом значении, демонстрирует те же «антропоцентрические» векторы развития семантики, что фиксируют и толковые словари. Одно из таких семантических направлений – характеристика человеческих волос по признаку мягкости; Так, в МАС *шёлковый* – «Напоминающий шёлк по виду или на ощупь: Он долго и ласково гладил шёлковые волосы Настеньки. Мамин-Сибиряк. Мать-и-мачеха» [13, т. 4, с. 708]. Однако гораздо более «коммуникативно востребованным», является другое направление развития вторичной номинации: «О человеке с мягким, покладистым характером» [Там же]. Это полностью подтверждают и данные НКРЯ, и материалы картотеки устойчивых компаративных единиц: – *Я попритушил этот шёлк [фон на портрете – Е. О.], – сказал Репин, – потому что к вашему характеру он не подходит. Характер у вас не шёлковый* (К. И. Чуковский. «Современники. Илья Репин»); *Если у других ребята жуют на уроках или плюются из трубочки рябиной, то, когда дежурит Петька, все шёлковые* (Ю. А. Козлов. «Коростели в сыром лугу»); [Никандр:] *Ребята как ребята – режут, капризничают, спать не*

дают по ночам. Поступает она на место; ребёнок **шёлковый** делается – ни капризов, ни криков. (А. С. Серафимович. «Девушка за стеной»); [Кудряш:] Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы **шелковый** сделался (А. Островский. «Гроза») и др. Подобные случаи составляют около 70 % от общего числа примеров переносного употребления этого прилагательного.

Интересно проследить, в каких контекстуальных условиях употребляются устойчивые сравнения с образами других видов материалов (тканей): как *атлас* и как *бархат*.

УС **как атлас**, согласно сведениям Словаря устойчивых сравнений русского языка (2001), употребляется в одном значении, но со многими взаимно дополняющими друг друга словами-сопроводителями: 'Гладкий, нежный, эластичный; лосниться, блестеть. Преим. о теле, коже человека, коже, шерсти животных' [8, с. 37–38]. По данным НКРЯ, первое место по частотности употребления занимают сравнения, характеризующие кожу лица или других частей тела человека: *Резко выступающие мышцы из-под сетки жил, растянутой в тонкой, подвижной и гладкой, как атлас, коже, казались столь же крепкими, как кость* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»); *Что за губы, что за глаза! Тело лоснится, как атлас. Глаза не без выражения ума и доброты, но более, кажется, страсти, так что и обыкновенный взгляд их нескромен* (И. А. Гончаров. «Фрегат «Паллада»). В подобных случаях сравнение кожи с атласом осуществляется про целый комплекс качеств, которые в совокупности создают образ молодого, сильного, физически здорового, свежего тела: гладкость, упругость, блеск, мягкость, чистота и белизна.

Иногда сравнение кожи человека, напротив, характеризуется отрицательной (как правило, насмешливо-иронической) коннотацией, создавая вместе с другими деталями портретной характеристики малопривлекательный образ взмокшего (потного) лица или тела, подчеркивая в человеке животное начало: *«Рыцарское бесстрашие» готово было опять покинуть Гоголя: несмотря на свой домашний костюм – халат, Свинын был в галстуке и накрахмаленном жабо; холол над высоким лбом, а также узенькие полоски бакенбард около ушей и виски были тщательно причёсаны, а свежесвыбритое лицо лоснилось как атлас: слышался от них даже как будто запах розового масла; а этот острый, пронизывающий до глубины души взгляд из-под нависших бровей, – ну, сам великий инквизитор, или, по меньшей мере, кварталный надзиратель* (В.П. Авенариус. «Школа жизни великого юмориста»); *Она [дама] лоснилась, как атлас, и пытела, как паровик* (А. В. Амфитеатров. «Марья Лусьева»)

Сравнение с атласом поверхности тела, шерсти животного, ухоженного, холеного, физически сильного и, как правило, молодого, естественно, никак не связано с духовными, нравственными качествами: это подчеркнута объективная характеристика, насыщенная эмоцией восхищения, любования красотой животного (чаще всего лошади), его телесным совершенством: *Разве признаки высокой породы подкупили бы такого неопытного человека в Кролике: огромные, широко посаженные глаза, тонкая кожа, лоснящаяся, как атлас, выпуклые связки, сухая голова с резко очерченными ноздрями, точно из меди вылитые мускулы* (А. И. Эртель. «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»); *Тысячу левов арабский конь, белый, как снег, шерсть, как атлас, смотрит орлом, крутится вихрем, мчится стрелой!* (А. Ф. Вельтман. «Радой»); *Помню одну, гнедую, как атлас, с белой гривой и белым хвостом и на одну ногу белоножка, что так ценится арабами...* (С. М. Волконский. «Мои воспоминания»); *Было дивно хорошо увидеть своего Мирабо, сытого, холеного гунтера, блестящего, как атлас, гладкого и косившего за сахаром свой чудный чёрный глаз, ещё отраднее было солидно подъехать к своему эскадрону, неподвижно замершему на улице, услышать команду Ротбека «смирно» и, курцгалопом подъехав к флангу, поздороваться с*

людьми и выслушать бодрое и радостное «здравия желаем, ваше благородие» (П. Н. Краснов. «От Двуглавого орла к красному знамени»); Не только генералы в полной парадной форме, с перетянутыми донельзя толстыми и тонкими талиями и красневыми, подпёртыми воротниками, шеями, в шарфах и всех орденах; не только припомаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдат, – с свежим, вымытым и выбритым лицом и до последней возможности блеска вычищенной амуницией, каждая лошадь, выхоленная так, что, как атлас, светилась на ней шерсть и волосок к волоску лежала примоченная гривка, – все чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

Объектами образной характеристики (нежной, лоснящейся кожи или шерсти) могут выступать и другие животные (как млекопитающие, так и птицы, рыбы, земноводные): С привычкою к умеренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ела очень мало, но и это малое изменило её до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшею грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас (Л. Н. Андреев. «Кусака»); На вид они [морские ежи] кажутся нежными, как атлас (Е. Парнов. «Гимн морским ежам» // Юность, 1969). Мясо рыбы или млекопитающего, употребляемые человеком в качестве пищи, также могут быть объектом образной характеристики, выражаемой этим УС: Мешочная осетровая икра точно из чёрных перлов была сделана, так и блестит жиром, а зернистая троечная, как сливки – сама во рту тает, балык величины непомерной, жирный, сочный, такой, что самому донскому архиерею не часто на стол подают, а белорыбца, присланная из Елабуги, бела и глянцевита, как атлас. (П. А. Мельников-Печерский. «В лесах»).

Довольно редки случаи, когда УС как атлас употребляется по отношению к другим объектам. Так, элементом А (объектом образной характеристики) могут выступать:

1) та или иная блестящая и гладкая поверхность – бумага либо ткань (материал), из которого сделаны предметы одежды: Затем сходил в контору, пробрался на цыпочках мимо спины углублённого в своё дело Агей Данилыча к шкафу, похитил оттуда лист так называемой «министерской» бумаги – гладкой, как атлас, – и, благополучно возвратясь, рачительно переписал стихи. (А. И. Эртель. «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»); Ряска на нём местами блестела, как атлас, и на локтях была порвана. (А. И. Эртель. «Записки Степняка»); Согласись, что приятнее носить сукно, как атлас, бельё гладкое и тонкое, как китайская бумага, обувь чёрную и мягкую, как бархат! (И. А. Гончаров. «Письма столичного друга к провинциальному жениху»).

2) небо (нежное, и, по-видимому, безоблачное, чистое, голубое, сияющее в лучах солнца): В тишине стонал и метался Багир, бредя о зажжённых солнцем виноградниках, о небе, золотистом, как парча, и голубом, как атлас. (К. Большаков. «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова»); В раскрытых окнах виднелось нежное, как атлас, небо, тополя, тёмные от прошедшего дождя, стояли блистающими рядами; свежий воздух смешивался с запахами вина, табака, пота. (А. И. Алдан-Семёнов. «Красные и белые»).

Таким образом, атлас и шёлк, несмотря на кажущуюся семантическую близость (оба они являются образами гладкости, мягкости, нежности, способности переливаться, лосниться, блестеть), существенно различаются в аспекте предпочтительного объекта приложения образной характеристики. Если УС как шёлк в основном характеризует мягкие, тонкие и нежные волосы, то сравнение как атлас «специализируется» на характеристике кожи человека или шерсти животного. Вместе с тем немало случаев, когда эти сравнения оказываются практически

синонимичными: Ср., к примеру: *Повели; Философов отправился с нами; в гостиной сидел франтоватый брюнет, эластичный, красивый; лицо – с интересною бледностью; взор – опаляющий; с искрой усы – как атлас.* (Андрей Белый. «Между двух революций»). Совершенно очевидно, что компаративный фразеологизм **как атлас** / мягкие и блестящие (о волосах, бровях, бороде, усах) вполне может быть заменён сравнением **как шёлк**.

Параллелизма устойчивых компаративных конструкций с существительным и однокоренным прилагательным, наподобие того, что мы видели в паре **как шёлк – как шёлковый**, в данном случае не наблюдается: УС **как (словно, точно) атласный** фактически не встречается в текстах. Однако прилагательное *атласный*, выступая в переносно-метафорическом значении, является функциональным синонимом устойчивого сравнения **как атлас**, воплощая в своей семантической структуре ту же идею гладкости, нежности, блеска: *Пётр поворачивается, как волк, не сгибая шеи, приподнимает фату и сухими губами, носом тычется в щеку, чувствуя атласный холод её кожи, пугливую дрожь плеча; ему жалко Наталью и тоже стыдно, а тесное кольцо подвыпивших людей орёт* (М. Горький. «Дело Артамоновых»); *Сходство проглядывало даже в манерах маленького создания, в том, как она нетерпеливо морщила свой атласный лобик или лукаво подмигивала уголками глаз.* (О. А. Шапир. «Без любви» // «Вестник Европы, № 2–№5, СПб, 1886). Очевидно, что прилагательное *атласный* входит в одно образно-компаративное гнездо с устойчивым сравнением **как атлас**².

Споставляя «субституциональную» и «сравнительную» концепции метафоры (и явно делая выбор в пользу второй), В. Н. Телия отмечает: «Метафора – это всегда сравнение, по большей части эллиптированное, скрытое, и переосмысленное значение сопоставляется здесь с его буквальным значением на основе некоторого *tertium comparationis* – внутренней формы, лежащей в основе сравнения. Воспринять метафору – значит открыть аналогию или сходство <...>» [15, с. 200].

Ещё один образ ткани (также дорогой, внешне привлекательной, броской) – **бархат**. Устойчивое сравнение **(словно, точно) бархат**, согласно сведениям Словаря устойчивых сравнений русского языка (2001), имеет два значения: '1. Мягкий, нежный, лоснящийся, эластичный. О теле, коже, волосах человека, шерсти животного. <...> 2. Ровный, мягкий, рыхлый. О земной поверхности' [8, с. 49].

В первом значении УС **как бархат** употребляется прежде всего по отношению к рукам человека: *Она умеет быть ласковой и доброй, умеет погладить по голове мягкой как бархат рукою.* (С. С. Заяицкий. «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова»); *Рука у него теперь мягкая, словно бархат.* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Благонамеренные речи»); *Притом он так добр: как мягко он ходит, делает движения, дотронется до руки – как бархат, а тронет бывало рукой муж, как ударит!* (И. А. Гончаров. «Обломов»).

Достаточно частотны и сравнения с бархатом шерсти животного (как правило, густой или нежной, мягкой), реже птичьего оперения: <...> *Где-то артачилась и не хотела входить в запряжку длинная худая лошадь с задранной сверху шеи и с шоколадной, густой, как бархат, шерстью* (А. И. Куприн. «Жидовка»); <...> *Все утиные выводки поднялись; молодые несколько меньше старых, светлее пером и все – серые, все – утки; только при ближайшем рассмотрении вы отличите селезней: под серыми перьями на шее и голове уже идут глянцевитые зелёные, мягкие, как бархат, а на zobу – тёмно-багряные пёрышки* <...> (С. Т. Аксаков. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»)

Во втором значении это сравнение употребляется, в частности, по отношению к поверхности почвы, часто глинистой или песчаной, либо участка какого-л. ландшафта – берега реки, пашни или дороги: *Он плясал на горячем, мягком, как бархат, песке, швырял ракушками в белых чаек, которые с криком взлетали и кружились над морем* (С. С. Заяицкий. «Рука бога Му-га-ша»); *Они шли вдоль воды*

по светло-жёлтому, мягкому, как бархат, песку из плоских, обтёртых прибоем раковин (А. Н. Толстой. «Хождение по мукам»); Дороги у него были как бархат и содержались в безукоризненной исправности, но на всех съездах во владения Каравай-Батынского стояли рогатки и заставы, проехать через которые можно было только с особого разрешения самого князя (М. Н. Волконский. Вязниковский самодур); На рыболовство мы отправлялись прямо с бивуака в одних рубашках и босыми, дабы легче ходить по вязкому и мягкому, как бархат, глинисто-песчаному грунту речного плёса (Н. М. Пржевальский. «От Кяхты на истоки Жёлтой реки»).

Очень часто встречающийся в текстах 19 – 20 вв. объект сравнения с бархатом – плодородная почва, пригодная для земледелия, чернозём. Ср., например, это УС в произведениях уроженца Орловской губернии Н. С. Лескова: Именья хорошие... земля как бархат, угодья водяные, леса и мужики исправные, в зажитье. (Н. С. Лесков. «Захудалый род»); Эти скромные картины русской ранней весны превосходны, весело зеленеющие озими играют на солнце; поднятый к яровому посеву тучный чернозём лежит как бархат и греется <...> (Там же).

По признакам мягкости и гладкости, или, напротив, мягкости и ворсистости, сравнивают не только поверхность земного покрова, но и другие поверхности (созданные природой либо человеком), ср.: «мягкий, как бархат, лист земляники» (Д. В. Григорович. «Пахарь»); «масса дерева <...> мягка и гладка как бархат» (А. Рафалович. «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты»); «обувь чёрная и мягкая, как бархат» (И. А. Гончаров. «Письма столичного друга к провинциальному жениху»); «толстый, словно бархат, слой копоти» (Н. Н. Шпанов. «Связная Цзынь Фын»); «нежная, как бархат, плесень» (А. О. Осипович (Новодворский). «Карьера»).

При этом нельзя не заметить, что сравнение *как бархат* создаёт благодатное поле для индивидуально-авторских фантазий: такого разнообразия признаков-оснований мы не наблюдаем в случаях с рассмотренными выше компаративными структурами *как шёлк* и *как атлас*.

Эти признаки могут быть сгруппированы по каналам восприятия (органам чувств):

1. **Тактильные ощущения.**

Б) «Пушистый», ворсистый: После всех попробовал Хижняков. Пальцы его на миг ощутили прикосновение чего-то живого, пушистого, как бархат, и такого нежного и слабого, что пальцы сделались как будто чужими и тоже нежными. И так, вытянув шею, бессознательно озаряясь улыбкой странного счастья, стояли они, вор, проститутка и одинокий погибший человек, и эта маленькая жизнь, слабая, как огонёк в степи, смутно звала их куда-то и что-то обещала, красивое, светлое и бессмертное. (Л. Н. Андреев. «В подвале»); Я даже вспомнила каковы они на вкус, плоды этого дерева, вернее ягоды – сухие, словно из папье-маше, ворсистые, как бархат. (Д. Рубина. «На солнечной стороне улицы»); Трава на ней, как бархат зелёный, и близ ручеек бормочет, а лес посерел, нахохлился, только над ельником высокие сосны ещё тешатся закатом: их могучие ветви и вершины будто кто посыпал тлеющими угольками. (А. П. Чаплыгин. «Гулящие люди»).

Сравнение с бархатом часто применяется для характеристики поверхности ворсистой (пушистой) и в то же время чрезвычайно мягкой, нежной, ласкающей руку при прикосновении: Мирон тревожно запустил руку в ящик, где огромным, тёплым, живым клубком кишели мыши, лаская пальцы нежной, как бархат, шёрсткой; все они были белы, как снег (А. С. Серафимович. «Мышиное царство»). Эти же признаки оказываются актуальными и в описаниях ровной низкорослой растительности, покрывающей пространство, например, травянистого покрова; в качестве непосредственного слова-сопроводителя при этом нередко выступает цветовой эпитет «зелёный» («зеленеть»): Небо уже совсем чистое, ясное,

и наверху луга, зеленые **как бархат** (Е. Л. Марков. «Очерки Крыма»); Несмотря на осеннюю пору, клевер стоял молодым, зелёным и ровным, **как бархат** (Б. А. Можаяев. «День без конца и края»); Ясно утро. / Тихо веет / Тёплый ветерок; / Луг, как бархат, зеленеет, / В зареве восток (И. С. Никитин. «Утро на берегу озера»).

Б) «Тёплый». С бархатом нередко сравнивается тёплый воздух; при этом в качестве слов-сопроводителей употребляются, как правило, прилагательные «мягкий», «прозрачный», «нежный», «чистый»: Воздух чист, нежен, прозрачен, мягок, как бархат. (В. Э. Краевский. В Японии. «Nothing but truth» (Ничего, кроме правды); Напрасно жена уверяла, что ночь тепла и воздух мягок, как бархат; он объявил, что чувствует озноб, боится лихорадки и находит благоразумнее провести ночь в каюте; он приподнялся с места, церемонно раскланялся и направился к трюму, дав вперёд пройти жене (Д. В. Григорович. «Не по хорошу мил, – по милу хорош»).

2. **Зрительные (цветовые) ощущения.** а) «Красноватый», «красный»: Наконец, в стороне мелькнул меж ветвей кусок червой, как бархат, пашни (В. Г. Короленко. «Без языка»); Когда Клавер вытянул из меня обильное количество мокрот частыми нарывами, тогда спознакомил он меня и с *lapis infernalis*, которым прижигал он дикие наросты, и под конец года только я стал выздоравливать, но рана широкая на руке и красная, как бархат, оставалась у меня очень долго и после нового года под пластырем (И. М. Долгоруков. «Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни»); б) «Чёрный»: К настоящему. К чёрному, как бархат. С ледяными брызгами звёзд. Боги в ужасе (С. Ястребов. «Лунная соната»); Сначала кажется, что зелёная, а совсем глубоко – чёрная. Как бархат. И ещё в воде солнечные зайчики бегают (А. Ф. Членов. «Как Алёшка жил на Севере»); Земля тут, как простая глина, а по ней кусты чёрные, как бархат. (П. П. Бажов. «Каменный цветок»); Начиная от шеи, на правой стороне, на пространстве ладони, грудь Кузьмы была черна, как бархат, слегка покрытый сизым налётом (В. М. Гаршин. «Трус»); в) «синий»: В синей, как бархат, мягкой и тёплой тьме огней на палубе не зажигали (А. П. Чапыгин. «Разин Степан»). С бархатом по признакам цвета (темно-синий или чёрный) нередко сравнивается **ночь**; при этом сравнение с бархатом по признаку цвета сопряжено с иными признаками: отсутствие ветра, мягкое ровное освещение, мерцающие на небе звезды, мягкость и нежность, разлитые в природе: Чудная, мягкая и нежная, как бархат, ночь вошла в мою комнату запахом роз и магнолий (Л. Чарская. «Вторая Нина»).

3. **Слуховые ощущения.** Образ «бархат» очень часто употребляется при описании звуков, прежде всего музыкальных, издаваемых человеческим голосом, тем или иным музыкальным инструментом, колоколами и проч. При этом бывает непросто установить, какое именно качество звучания выражает сравнение как бархат. Это может быть, в частности, звучание «напевное», не отрывистое, «плотное» и в то же время яркое, не глухое: Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят, – древний звон, степенный, с глухотцой. А то – тугое серебро, как бархат звонный. И всё запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... – гул и гул. Ко всенощной (И. С. Шмелёв. «Лето Господне»). Весьма часто этим сравнением изображаются звуки человеческого голоса, при этом передается прежде всего эстетическое эмоциональное впечатление слушающего – «мягкие, очень приятные на слух»: Вижу Ваше смуглое лицо над стаканом кофе – в кофейном и табачном дыму – вы были как бархат, я говорю о голосе – и как сталь – говорю о словах – я любовалась Вами, с Вас очень любила (М. И. Цветаева. «Дневниковые записи»); Безукоризненно завязанный галстук. Обворожительный голос, совсем как бархат. Говорит негромко, но всё и везде слышно (Ф. И. Шаляпин. «Моим

детям»). В этих случаях мы не имеем сколько-нибудь точного описания качества самого звучания – авторы этих текстов передают субъективное восприятие голоса как «приятного», «обворожительного», «любимого» либо выражающего любовь, «нежного»: *И разве он не видел, <...> как ходила мамина грудь и как рдели её щёки под пудрой, разве он не улавливал в эти моменты много нового и странного, разве он не слышал её голос, совсем чужой голос, как бы актёрский, нервно прерывающийся, беспощадно злой к семейным и прислуге и вдруг нежный, как **бархат**, как зелёный луг под солнцем, когда приходил Павел Эдуардович* (А. И. Куприн. «Яма»). Чаще всего характеризующее голос человека сравнение как *бархат* употребляется со словом-сопроводителем «мягкий»: *Голос у Раисы монотонный и мягкий, как **бархат*** (Л. Чарская. «Кошка»); *И Варя почувствовала, как его голос, звучный и мягкий как **бархат**, с тихой отрадой льётся ей в душу* (А. И. Эртель. «Волхонская барышня»);

5. **Вкусовые ощущения.** Определение признаков, по которым вкус пищи сравнивается с бархатом, как правило, требует достаточно широкого контекста: – *Эта рыба, я вам говорю, как **бархат** мягкий, щекотит приятно во рту* (А. Ф. Писемский. «Мещане»)

Примечательно, что в сравнении иной структурной модели – с именем прилагательным **бархатный** в качестве образной основы – чаще употребляются союзы *словно* или *будто* (в отличие от союза *как*, предпочтительного в компаративной конструкции с существительным *бархат*), и это не случайно. В поисках различий между словом «как» и другими показателями (или, по терминологии Н. Д. Арутюновой, «операторами») исследователи указывают, что «как» имеет значение реального, «контролируемого разумом» сравнения, не осложнённого оттенками предположительности, условности», а слова *словно*, *точно*, *будто*, как *будто* «оставляют вопрос об истинностном значении открытым» [3, с. 414–415]. Иными словами, союзы *словно*, *точно*, *будто* более органичны для выражения гипотетической ситуации «будто сделанный из бархата»; данный семантический признак способен передать именно прилагательное.

При употреблении УС как (*словно*, *точно*) **бархатный** сохраняют актуальность лишь некоторые из отмеченных выше признаков-оснований. Так, оно употребляется прежде всего как характеристика **звука** (мягкого и одновременно насыщенного, густого, звучного, «яркого»): *Раздался густой, **точно бархатный**, звон <...>* (Под великий день // Огонек. 1991. № 15); *Уж Вы меня не обессудьте, сударь, что обеспокоила вас, сказала она, обращаясь к Веригину (голос у неё был звучный и мягкий, **словно бархатный**), – я вот дослышала, что вы брата Нила Петровича знаете?* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Тихое пристанище»); *Почему-то отметился вдруг один искристый рой, из центра которого раздавался неугомонный, но сдержанный говор; забасил оттуда, из центра, **будто бархатный**, огромных размеров имель; он был ниже всех ростом, и когда обстали его златогрудые старички, то его и вовсе не было видно. А когда богатырского роста граф Дубльве с синей лентой через плечо, проводя рукою по сединам, с мягкой какой-то развязностью, подошел к старческой кучечке и прищурил глаза, он увидел, что этим гудящим центром оказался Аполлон Аполлонович* (А. Белый. «Петербург»).

Реже сравнение как (*словно*) **бархатный** выражает зрительное впечатление, производимое частью тела человека (животного) либо поверхностью какого-либо предмета, прежде всего гладкостью, а также глубиной и насыщенностью цвета: <...> *В пять часов дня у Маруси родилась здоровая девочка. – Прехорошенькая! Прямо как **бархатная**!* – *ликующим голосом сообщила Марусе Елена Денисовна, с помощью санитарки обмывая ребёнка на особом столике* (А. Котелова. «Иван Иванович»); *Насыщенные тона, которые днём на солнце кажутся блеклыми, в сумерках становятся глубокими, сам цветок становится **словно бархатный**.*

(Ю. Галактионова. «Идеальный вариант» // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15). Довольно часто встречаются и случаи употребления данного сравнения и по отношению к земной поверхности, ровностью, гладкой и мягкой: *Есть у нас и пруды, и сады, а вот что-то там показалось мне другим. Может, потому, что клуб у них голубым покрашен, да ещё поле, как бархатное, на нем ребята ночами мяч гоняют* (А. Т. Губин. «Молоко волчицы»); *Перед нами, как на ладони, был монастырь. Солнце, низко стоявшее на западе, освещало его белую стену, сосновый лес рядом, речку, зелёный, точно бархатный, луг перед ней* (С. П. Подъячев. «Среди рабочих»).

Наконец, производное слово **бархатный** – это прежде всего характеристика человеческого голоса (глубокого и звучного), чаще баритона или баса, либо тембровой окраски музыкального инструмента: *Подошел высокий, стройный юноша <...>, заговоривший красивым, бархатным, струнным баритоном – Качалов!* (С. Г. Скиталец. «Воспоминания. Максим Горький»); *Звоню по телефону прямо к директору завода. Голос у меня подходящий – бархатный баритон: «С Вами говорит Батогов».* (Л. С. Ленч. «В двухместном купе»); *Тяжёлые тромбоны ласково ворчали густыми, спокойными, бархатными голосами* (А. Куприн. «Поединок»). Ср. также: «бархатный, грудной голос» (М. В. Колосов. «Люди и подвиги»); «чрезвычайно красивый, мягкий, бархатный, неповторимый тембр» (А. А. Яблочкин. «75 лет в театре»); «сильный бархатный баритон» (Там же); «тихий, бархатный, шепелявящий баритон» (А. П. Чехов. «На мельнице») и мн. др.

Кроме того, прилагательное часто выступает для образного описания 1) земной поверхности, ландшафта: – *Ведь какое раздолье кругом: лес, луга, речка. И грибы тебе, и ягоды, скоро малина поспеет. А река! Вода как слеза, песок по берегу бархатный!* (Ю. М. Нагибин. «На покое»); *Губернатору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные...* (Н.В. Гоголь. «Мёртвые души»); *На земле лежали повалившиеся, отжившие свой век деревья, покрытые бархатным мохом* (И. С. Соколов-Микитов. «Берестяной кошель»); 2) человеческого тела или его части, идеально гладкой кожи: *Бархатная, тёплая ручка Медынской снова скользнула по руке Фомы.* (А.М.Горький. «Фома Гордеев»); 3) человеческих глаз, а точнее, их выражения – мягкого, тёплого, как бы ласкающего: – *Эта княжна Мери прехорошенькая, – сказал я ему. – У неё такие бархатные глаза, – именно бархатные, я тебе советую присвоить это выражение, говоря об её глазах <...>.* (М. Ю. Лермонтов. «Княжна Мери»); *Маленький, точно резцом выточенный носик <...>, большие синие бархатные глаза <...>* (А. М. Горький. «Нищенка»); *тёплой и тёмной ночи: Ночь была полна глубокой тишиной и темнота её казалась бархатной и тёплой* (А. И. Куприн. «Поединок»); 4) густых и, как правило, тёмных бровей, усов или ресниц: *Несмотря на свои тонкие бархатные усики и красивую, несколько даже шулерскую наружность, он был степенен, рассудителен и набожен, как старик* (А. П. Чехов. «Бабье царство»); – *Выгоним фашистов со своей земли, уже задумчиво заговорил Володя, приподнимая бархатно-чёрные брови. – Пройдут везде революции, и тогда конец войнам* (А. Коптяева. «Дружба»).

Переносные значения таких прилагательных, как «шелковый» или «бархатный», несомненно, характеризуются яркой мотивированной образностью, то есть образностью, являющейся результатом их словообразовательной мотивированности [5, с. 32]. Поскольку их внутренняя форма представляет собой, по существу, классическую формулу сравнения (*шелковый* – «такой, как шёлк, как будто сделанный из шёлка»), мы с полным правом можем поставить их в один ряд с другими компаративными единицами языка. Между разноуровневыми единицами образно-компаративного гнезда возникают отношения, к которым вполне применимо удачное выражение Н. Ф. Алефиренко «фразеомобразующее

взаимодействие» – процесс, под которым автор понимает диалектику взаимосвязей между образными сравнениями, метафорами и фразеологизмами [15, с. 111].

Интересно, что сочетания «окачествлённых» относительных прилагательных, образованных от существительных «*шёлк*», «*атлас*» и «*бархат*», с некоторыми существительными вполне могут быть квалифицированы как фразеологические сочетания. К такому статусу весьма близки, на наш взгляд, *шёлковый характер*, *бархатные (бархатистые) глаза* и *бархатный (бархатистый) голос*, *атласная кожа*.

Таким образом, с одной стороны, налицо семантическое родство трёх видов тканей, проанализированных нами на предмет их функционирования в составе устойчивых компаративных единиц русского языка. Устойчивые сравнения и прилагательные-метафоры с компонентами «шёлк» («шёлковый»), «бархат» («бархатный»), атлас («атласный»), несомненно, объединяет способность выражать такие признаки, как «мягкость», «нежность» и «блеск». Это предопределяет способность анализируемых единиц вступать друг с другом в отношения своеобразной функциональной синонимии, проявляя свойство взаимозаменяемости. Близость трёх рассмотренных образов убедительно показывает В. М. Мокиенко в «Словаре сравнений русского языка» (2003); в толкованиях которого можно обнаружить отсылки к единицам «родственного» образного гнезда: **‘как атлас**. О чём-либо (коже, бумаге, материи) гладком, глянцеви́том, бархатистом. Ср. Мягкий как шёлк <...>’ [6, с. 20] (Подчёркнуто нами. – Е. О.).

Вместе с тем каждый из трёх образов уникален, и проявляется это в их прихотливом распределении между возможными объектами образной характеристики (к примеру, выступать как характеристика характера или поведения человека может лишь «шёлк», но не «бархат» и не «атлас», восприятие тембра человеческого голоса может передавать только образ «бархат» и т.д.).

Воспроизводимые всем языковым коллективом сравнения *как шелк*, *как шёлковый* (так же как и метафоры *шёлк*, *шёлковый*, *шёлково*, *шелковистый*, *шелковисто*, *шелковистость*) – единицы одного образного гнезда³. Языковая образная система причудливо «распределяет» реальные признаки шёлка как материала между разными компаративными структурами. Сгруппированные в пределах одного образно-компаративного гнезда знаки вторичной номинации (слова разных частей речи, разной словообразовательной структуры, фразеологические сочетания и устойчивые сравнения) объединяет мощный семантический стержень – **языковой образ**, т.е. «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета» [11, с. 338]).

Рассмотренные нами сложные комбинации признаков оснований, характерных для УС с компонентами «шёлк», «бархат» «атлас» и их производными, разнообразие слов-сопроводителей, с которыми они употребляются и, как следствие, некоторая размытость, «стереоскопичность» этих образов не даёт возможности отнести рассматриваемые единицы к «эталонным сравнениям». С последними их роднит только «традиционный», воспроизводимый характер и статус одного их источников национально-культурной коннотации. Неправомерность рассмотрения образов *шелк*, *бархат* и *атлас* как «эталонных» определяется отсутствием у них важного признака слова-эталона, отмеченного, в частности, в известной монографии В. Н. Телии: «Эталон – это характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [14, с. 241]. В случае же с шёлком и родственными ему образами тканей (материалов) определить то единственное свойство, которое они «подменяют» в сознании носителей русского языка, оказывается невозможным. Несомненно, однако, что и для рассмотренных нами устойчивых сравнений весьма перспективной

задачей является системный анализ их взаимодействия с устойчивыми метафорами-существительными, «процессы их «изъятия» из сравнительных конструкций и вовлечение через процессы вторичной номинации в лексико-семантическую систему языка» [там же].

Пары типа как шёлк – как шёлковый, как бархат – словно бархатный, с одной стороны, употребляются в похожих речевых ситуациях, в сходных контекстуальных условиях и характеризуются такой же возможностью взаимозамены, как и все прочие синонимы; с другой стороны, способ выражения образного ядра компаративной конструкции не может не накладывать отпечатка на семантику УС и особенности их употребления.

Примечания

1. Созначения, согласно концепции автора словаря В. М. Огольцева, представляют собой варианты значений, «при которых слова-сопроводители или синонимические ряды слов-сопроводителей, несмотря на различия в их значении, лексико-грамматическом оформлении или составе, сохраняют между собой семантическую связь, т.е. приводят не к замене основания сравнения, а лишь к его видоизменению» [8, с. 16]
2. Идея логико-семантической и функциональной общности словообразовательных и фразеологических компаративных структур, их системной организованности была впервые высказана в докторской диссертации В. М. Огольцева: [9] Попытка системного описания русского отсубстантивного словообразования с этих позиций позднее была предпринята в работе: [10].
3. Наша концепция образного (или образно-компаративного) гнезда продолжает высказывавшиеся ещё в 70-х годах прошлого века идеи об общности метафорических связей слов в словообразовательном гнезде (ср., в частности: [2]); однако наше образно-компаративное гнездо включает компаративные воспроизводимые единицы разных уровней – лексико-словообразовательного и фразеологического, и в этом смысле нам близки, например, рассуждения Г. Е. Крейдлина об общности механизмов согласования смысла и коннотации в «кодифицированных сравнениях» и языковых метафорах [4, с. 125–139]).

Список источников и литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.
2. Бродская Б. А. Метафорические связи слов в словарном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы республиканской науч. конф. (12-15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972. С. 276–288.
3. Валеева Л. В. О семантической аномалии в сравнении // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М.: Элпис, 2006. С. 414–415.
4. Крейдлин Г. Е. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 125–139.
5. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. Новосибирск, 1976. С. 12–41.
6. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. –СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) : сайт. М., 2003–2020. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.10.2020).
8. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: Рус. словари : Астрель : АСТ, 2001. 800 с.
9. Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Огольцев Василий Михайлович. Сыктывкар, 1974. 368 с.

10. Огольцева Е. В. Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка (отсубстантивное словообразование) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Огольцева Екатерина Васильевна. М., 2007. 491 с.
11. Ольховиков Д. Б. «Образность» как категория филологического описания текста // *RES LINGUISTIKA*: сб. статей к 60-летию проф. В. П. Нерознака. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 338–357.
12. *Русская грамматика [РГ]. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонации. Словообразование. Морфология.* М.: Наука, 1980. 783 с.
13. *Словарь русского языка [МАС]. В 4 т. М.: Рус. язык, 1981-1984.*
14. Телия В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с.
15. Телия В. Н. *Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация (виды наименований).* М.: Наука, 1977. С. 129–221.
16. Черемисина Н. В. *Симметрия/асимметрия как глубинный универсальный закон языка и в различных отраслях знания // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н. В. Черемисиной) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 4-6 ноября 2002 г. М.: МПГУ, 2002. С. 59–65.*

References

1. Alefirenko N. F. *Frazeologiya v sisteme sovremennogo russkogo yazyka. [Phraseology in the System of Modern Russian Language].* Volgograd: Peremena Publ., 1993. 149 p. [In Russian].
2. Brodskaya B. A. *Metaforicheskiye svyazi slov v slovarnom gnezde. [Metaphorical connections of words in a dictionary nest]. Aktual'nyye problemy russkogo slovoobrazovaniya : materialy respublikanskoy nauch. konf. (12-15 sentyabrya 1972 g.) [Topical issues of the Russian word formation: Materials of the Republican research conference. (September 12–15, 1972)].* Samarkand, 1972. Pp. 276–288. [In Russian].
3. Valeeva L. V. *O semanticheskoy anomalii v sravnenii. [About semantic anomaly in comparison]. Slovo v slovare i diskurse: sbornik nauchnykh statey k 50-letiyu Kharri Val'tera.* Moscow: Elpis Publ., 2006. 836 p. [In Russian].
4. Kreidlin G. E. *Nekotoryye puti i tipy metaforizatsii slov v yazyke. [Some ways and types of metaphORIZATION of words in the language]. Tozhdestvo i podobiye. Sravneniye i identifikatsiya.* Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, 1990. 226 p. [In Russian].
5. Lukyanova N. A. *O sootnoshenii ponyatiy ekspressivnost', emotsional'nost', otsenochnost' [On the relationship between the concepts of expressiveness, emotionality, evaluativeness]. Aktual'nyye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya.* Issue 5. Novosibirsk, 1976. Pp.12–41. [In Russian].
6. Mokienko V. M. *Slovar' sravneniy russkogo yazyka. [Dictionary of comparisons of the Russian language].* St Petersburg: Norint Publ., 2003. 603 p. [In Russian].
7. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYA) [Russian National Corpus].* Moscow: 2003–2020. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 30 October 2020) [In Russian].
8. Ogoltsev V. M. *Slovar' ustoychivyyh sravnenij russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskij). [Dictionary of Fixed Comparisons of the Russian Language: (synonym-antonymic)].* Moscow: Russkiye slovari Publ.,: Astrel Publ.: AST Publ., 2001. 800 p. [In Russian].
9. Ogoltsev V. M. *Ustoychivyye komparativnyye struktury v sisteme sovremennogo russkogo yazyka: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 [Stable comparative structures in the system of the modern Russian language: Thes. ... Cand. Philol. Sciences].* Ogoltsev Vasily Mikhailovich. Syktyvkar, 1974. 368 p. [In Russian].

10. Ogoltseva E. V. *Obraznyy potentsial slovoobrazovatel'noy sistemy sovremennogo russkogo yazyka (otsubstantivnoye slovoobrazovaniye): diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. [The figurative potential of the word-formation system of the modern Russian language (non-substantive word formation) Thes. ... Cand. Philol. Sciences]*. Moscow, 2007. 491 p. [In Russian].
11. Olkhovikov D. B. "Obraznost" kak kategoriya filologicheskogo opisaniya teksta ["Imagery" as a category of the philological description of the text]. *RES LINGUISTICA: sbornik statey k 60-letiyu professora V. P. Neroznaka [The collection of articles dedicated to the 60th anniversary of professor V. P. Neroznak]*. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN Publ., 2000. Pp. 338–357. [In Russian].
12. *Russkaya grammatika (RG). Tom 1: Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsii. Slovoobrazovaniye. Morfologiya. [Russian grammar (RG). Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 783 p. [In Russian].
13. *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]*. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981-1984. [In Russian]
14. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p. [In Russian].
15. Telia V. N. *Vtorichnaya nominatsiya i yeyo vidy. [Secondary nomination and its type]. Yazykovaya nominatsiya (vidy naimenovaniy) [Types of Language Nomination]*. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 129–221. [In Russian].
16. Cheremisina N. V. *Simmetriya/asimmetriya kak glubinnyy universal'nyy zakon yazyka i v razlichnykh otraslyakh znaniya [Symmetry / asymmetry as a deep universal law of language and in various branches of knowledge]. Chelovek. Yazyk. Iskusstvo (pamyati professora N. V. Cheremisinoy) : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 4-6 noyabrya 2002 g. [Person. Language. Art (in memory of Professor N. V. Cheremisina): materials of the International scientific-practical Conference, November 4-6, 2002]*. Moscow: MPGU Publ., 2002. Pp. 59–65. [In Russian].

Сведения об авторе

Огольцева Екатерина Васильевна –
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
(e-mail: tertiumcomp@mail.ru).

Information about the Author

Ogoltseva Ekaterina Vasilevna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Professor of the Chair of Russian Language of
the Moscow State University of Education
(e-mail: tertiumcomp@mail.ru).

ЧЕЛОВЕК КАК МИКРОТЕОС В ПРАВОСЛАВНОМ МИРОСОЗЕРЦАНИИ И ПУТИ ЕГО ВОСХОЖДЕНИЯ К ОБОЖЕНИЮ (ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ)

В. И. Постовалова

*Институт языкознания Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Магистральный путь современного познания определяют три эпистемологические «повороты» в развитии европейской мысли. Это, во-первых, «антропологический поворот», заключающийся в переключении исследовательского внимания с изучения мира на постижение феномена человека. Во-вторых, «лингвистический поворот», состоящий в перемещении внимания культуры на познание языка в тесной связи с сознанием, миропониманием и духовной жизнью человека. И, в-третьих, «теологический поворот», проявляющийся в тенденции к интегрированию теологического знания в мировоззрение и культуру. В науке о языке эти «повороты» приводят к разработке многообразных антропологических и теoантропологических исследовательских парадигм, что выдвигает в качестве важнейшей задачи внутринаучной рефлексии в данной дисциплине рассмотрение вопроса о том, что есть человек, на понимание которого опираются соответствующие парадигмы.

В современном гуманитарном познании встречаются три позиции в толковании природы человека. Это, во-первых, внерелигиозная (а-теистическая) позиция. Во-вторых, позиция методологического секуляризма. И, наконец, в-третьих, трансцендентно-религиозная позиция, при которой человек рассматривается не автономно, в его самостоятельном бытии, а в аспекте его принадлежности антропокосмической и, в пределе, теoантропокосмической реальности.

Предметом аналитического рассмотрения в данной статье является концепция человека в православном мирозерцании, лежащая в основе синергийно-персоналистической парадигмы изучения языка в новой интегративной дисциплине – теoлингвистике, направленной на изучение взаимосвязи языка и религии. Человек понимается здесь как «бог по благодати», или «микротеос», целью которого является достижение «обожения» (θεώσις), составляющего, по православному вероучению, цель сотворения человека и конечную цель его христианского подвига. Отмечается, что, хотя обожение как мистическое воссоединение человека с Богом и является реальным духовным состоянием, явно ощущаемым теми, кто его испытывает, для рациональной мысли оно в своих глубинах остается непостижимой тайной («криптограммой»), превосходящей всякий человеческий разум.

Ключевые слова: гуманитарное познание, эпистемологический поворот, парадигма, православная теoлингвистика, человек и его лики, обожение (теосис), наука как творчество и современность, ученый и его духовные уроки.

HUMAN BEING AS A MICROTHEOS IN ORTHODOX CHRISTIAN WORLDVIEW AND THE WAYS OF HUMAN MOVEMENT TOWARDS THEOSIS

V. I. Postovalova

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. The main track of modern cognition determines three epistemological “turns” of European knowledge. Firstly, there is an “anthropological turn” which includes switching researchers’ attention from studying the world around us to understanding the phenomenon of a human being. Secondly, there is a “linguistic turn” which results in a focus of culture on language acquisition in close connection with consciousness, understanding of the world and people’s spiritual life. Thirdly, there is a “theological turn” which tends to integrate theological knowledge into world outlook and culture. These “turns” lead to the development of anthropological and theoanthropological paradigms in linguistics and set an important objective of intrascientific reflection – to understand what a human being is. The issue of understanding what a human being is, is considered to be the most significant because the paradigms under review are based on this understanding.

Modern humanitarian knowledge provides three approaches to defining the human nature. Firstly, there is a not-religious approach (a-theistic). Secondly, there is methodological secularism. Thirdly, there is a transcendently religious approach which considers a human being not independently, on a self-sufficiency basis, but in terms of human’s connection with anthropocosmic and theoanthropocosmic reality.

The article given deals with the concept of human being in Orthodox Christian worldview forming a basis of synergy-personalistic paradigm of studying language in a new integrative branch of science – theolinguistics, which studies the connection of language and religion. In this framework a human being is understood as a “god through divine grace” or a “microtheos”, whose main goal is to achieve “theosis” (θέωσις), which is, according to Orthodox Christian viewpoint, the aim of human creation and the ultimate objective of Christians. It is emphasized that although theosis, as a mysterious reunion of a human and God, is a real spiritual order experienced by those who face it, for the rational knowledge it is still an inconceivable mystery (“cryptography”), something beyond human intelligence.

Keywords: humanitarian knowledge, epistemological turn, paradigm, Orthodox Christian Theolinguistics, human being and human faces, theosis, science as creative work and modern world, scientists and their spiritual lessons.

Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы.
Псалтирь 81. 6

1. Тема человека в контексте современной культуры и гуманитарного познания. С темой человека и его осмыслением в духовной культуре, избранной в качестве предмета рассмотрения в данной статье, у меня было связано одно очень давнее воспоминание. В 1962 г., накануне начала своей московской жизни, Вероника Николаевна Телия подарила мне книгу литовского поэта Эдуарда Межелайтиса «Человек» с дарственной надписью: «... чувствовать, любить, свершать открытья... Москва, 15 сентября 1962. В. Телия». В этой надписи Вероника Николаевна приводила слова своего любимого поэта Бориса Пастернака из его стихотворения 1956 г., лаконично запечатлевающего умонастроение культуры того времени и жизненный девиз самой Вероники Николаевны. Вот эти хорошо известные сейчас строки: «Во всем мне хочется дойти / До самой сути. / В работе, в поисках пути, / В сердечной смуте. / До сущности протекших дней, / До их причины, / До оснований, до корней, / До сердцевины. / Всё время схватывая нить / Судеб, событий, / Жить, думать, чувствовать, любить, / Свершать открытья».

В 1959 г. Борис Пастернак, отвечая на вопрос журнала «Магnum» о том, что есть человек, замечал: «Ваш вопрос, что такое человек, я, в меру своих понятий и возможностей вынужден буду переделывать на более скромный и односторонний вопрос, а именно, что такое для меня человек, что он для меня значит» [35].

Для Вероники Николаевны как исследователя, стоящего у истоков лингвокультурологии, развиваемой на основе антропологической парадигмы, человек представал, прежде всего, как *homo symbolicus* – человек символический, обитатель символической Вселенной культуры, в глубинах языкового сознания которого сохраняются древнейшие формы «окультуренного» освоения мира [39, с. 678]. Для Вероники Николаевны как человека, пришедшего к вере и православной Церкви, человек представал как *homo religiosus* и *homo fidens* – человек религиозный

и человек верующий. А точнее – как *homo christianus* – человек христианский и *homo orthodoxus* (или по-гречески ἄνθρωπος ὀρθόδοξος) – человек православный.

Историки культуры, философы и лингвисты говорят о нескольких важнейших «поворотах» в развитии европейской мысли последнего времени. Во-первых, – о так называемом «антропологическом повороте», заключающемся в переключении исследовательского внимания с изучения мира на постижение феномена человека. Во-вторых, – об особом «лингвистическом повороте», заключающемся в перемещении внимания культуры на познание языка в тесной связи с его сознанием, духовной жизни человека. И, в-третьих, – о своеобразном «теологическом» повороте в современном гуманитарном познании, где «все отчетливее обозначается тенденция интегрирования теологического знания в мировоззрение и культуру» [32, с. 5]. В науке о языке эти «повороты» приводят к разработке различных антропологических и теoантропологических исследовательских парадигм, что выдвигает в качестве важнейших задач нутринаучной рефлексии в данной дисциплине рассмотрение вопроса о том, что есть человек, на понимание которого опираются соответствующие парадигмы.

В современном гуманитарном познании встречаются три позиции в толковании природы человека. Это, во-первых, – *внерелигиозная* (а-теистическая) позиция, при которой эксплицитно провозглашается принципиальный отказ от религиозного воззрения на человека и его язык как неадекватного для раскрытия их природы. Во-вторых, существует позиция *методологического секуляризма*, согласно которой исследователи, даже принимающие в целом религиозное мировоззрение, признают невозможным или просто излишним вводить религиозный аспект в собственно научное теоретическое представление лингвистической реальности по причине непроницаемости или недоступности такого ее плана для научно-философского познания. И, наконец, существует третья, *трансцендентно-религиозная* позиция, при которой человек начинает рассматриваться не автономно, в его самодостаточном бытии, а в аспекте его принадлежности антропокосмической и, в пределе, – теoантропокосмической реальности.

Антропология, понимаемая в широком смысле как общая наука о человеке, его сущности и бытии в мире при религиозном понимании природы человека начинает обретать черты религиозной антропологии, а применительно к христианству – теoантропологии. Если для христианства, «человеческое в человеке есть богочеловеческое», утверждает С. Л. Франк, то «антропология по своей сущности есть теoантропология» [41, с. 340]. По мысли П. Нелласа, развивающего такое понимание, православная антропология должна строиться как христологическая, поскольку «подлинная природа человека – в его бытии по подобию Бога, а точнее в его бытии по Христу и во Христе» [33, с. 153]. В видении современной религиозно-философской мысли с ее акцентированием антропологического начала в Богопознании, само богословие в подлинном смысле слова «изначально и, по сути, является <...> мета-антропологией: учением о человеке, познающим Бога и в этом познании узнающим самого себя» [1, с. 124].

В данной статье, посвященной памяти Вероники Николаевны Телия, предпринимается попытка осмыслить образ человека как *homo orthodoxus* с имманентной позиции православного самосознания на основе концептуального подхода *теолингвистики* – новой интегративной научной дисциплины, направленной на изучение взаимосвязи языка и религии. Известно, что осмысление религиозных миропредставлений в духовной культуре заключается в адаптации и переводе их смыслового содержания на язык осмысления – категорий, понятий, концептов, художественных образов и новых символов, практических регулятивов и др. – в той мере, в которой это оказывается возможным. Основу концептуализации в православной теoлингвистике, переводящей религиозные миропредставления Православия на язык концептов, составляет смысловая интерпретация базисных

идей-мифологем Божественного Откровения о Боге, мире и человеке, лежащих в основе православного мирозерцания, и их развития в апостольских учениях и святоотеческих истолкованиях.

В восточной святоотеческой традиции, развивающей толкование библейских идей-мифологем на основе духовного опыта святых Отцов и с опорой на Священное Писание и Предание, существует множество толкований, пытающихся через их посредство проникнуть в творческий замысел Бога о человеке и воссоздать в свете такого понимания адекватный концепт человека в православном миропредставлении. Для православно-христианского мирозерцания наиболее характерными являются следующие три тесно взаимосвязанные понимания, конкретизирующие специфику осмысления в данном типе мирозерцания представления о человеке как *homo religiosus* в его ликах. Это – *человек как образ и подобие Божие*. Это *человек как микротеос (малый бог)*. И это *человек евхаристический (или литургический)*.

Предметом теолингвистической концептуализации в данной статье будет человек как микротеос и лежащая в основании такого понимания антропология обожения.

2. Учение о человеке как микротеосе в Православии и его истоки. По своей внутренней форме термин «микротеос» (от. греч. *μικρός* – ‘малый’ и *Θεός* – ‘Бог’) противостоит известным религиозно-богословским терминам «микрокосм», или «микрокосмос» (от. греч. *μικρός*, – ‘малый’ и *κόσμος* – ‘порядок’, ‘мир’, ‘вселенная’), или малый мир, и «макрокосм», или «макрокосмос» (от. греч. *μακρός* – ‘большой’ и *κόσμος* – ‘порядок’, ‘мир’, ‘вселенная’), или «большой мир», с помощью которых именуют человека, желая подчеркнуть его центральный статус в мироздании. В богословской мысли эти определения человека не исключают друг друга. Так, О. Клеман со ссылкой на святителя Григория Нисского утверждает: «Человек одновременно – “микрокосм и микротеос”» [20, с. 77]. Определение человека как макрокосма встречается у преп. Максима Исповедника [Там же].

Святоотеческая мысль считает видение человека как микрокосма недостаточным, полагая, что величие и совершенство человека состоит не в том, что уподобляет его космосу, а в том, что отличает его от космоса и уподобляет Самому Творцу. «Что великого в этом – почитать человека <...> подобием мира? <...> Но в чем же <...> величие человека? Не в подобии тварному миру, но в том, чтобы быть по образу природы Сотворшего», – писал святитель Григорий Нисский [6, с. 50]. А это значит, что человек есть более, чем микрокосм. Он есть микротеос, или малый бог. Как резюмирует такое понимание П. Н. Евдокимов: «... человек создан по образу Божию, и как таковой он есть микротеос (малый бог)» [9, с. 97].

Коррелятивным термином для «микротеоса» в святоотеческой традиции выступает термин «теосис» (*θεώσις*), или *обожение*, с помощью которого содержательно раскрывается смысл и термина «микротеос». По одной из интерпретаций, теосис, или обожение человеческого естества, есть восстановление образа Божия, утраченного человеком в грехопадении. И человек, «созданный по образу Святой Троицы <...> через приобщение Божеству вновь обретает этот образ во всем своем духовно-телесном составе» [14, с. 643].

Обожение, как отмечают богословы и историки культуры, – древнейшая тема христианской духовности, уходящая своими корнями в глубины библейской и античной философской традиции. Тема обожения проходит и через всю историю Православной Церкви, и через всю историю православной догматики. В видении В. Н. Лосского, вся история догматики, если на нее смотреть с чисто духовной точки зрения, может быть представлена как неустанная забота Церкви «в каждой исторической эпохе обеспечивать христианам возможность достижения полноты мистического соединения с Богом» [24, с. 10].

По замечанию митрополита Илариона (Алфеева), в основе святоотеческого

учения об обожении лежат четыре идеи. Во-первых, библейское представление о людях как богах. Во-вторых, учение об образе и подобии Божию в человеке. В-третьих, тема усыновления человека Богом. И, наконец, тема о причастности человека Божественному естеству и Божественному бессмертию [12, с. 382–383]. Эти четыре момента составляют истоки и православного учения о человеке как микротеосе.

Говоря о том, что человек есть микротеос, или малый бог, богословы привносят в эту формулу одно существенное уточнение. Они утверждают, что человек есть микротеос не как наличная реальность, а как потенциальность. Основания для такого утверждения усматриваются в библейском учении о человеке. Как возвещается в книге Бытия: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт 1. 26). И далее: «И сотворил Бог человека по образу Своему; по образу Божию сотворил его» (Быт 1. 27). В своем обосновании идеи о потенциальности человека богословы обращают внимание на тот момент, что, если в первом фрагменте (Быт 1. 26), где речь идет о выражении Божественного волеизъявления о сотворении человека, говорится и об образе, и о подобии, то во втором фрагменте повествования (1 Быт. 27), где речь идет о самом сотворении человека, говорится только об образе Божию.

Такое отсутствие упоминания о подобии свидетельствует, по мнению некоторых интерпретаторов, о некоей незавершенности в сотворении человека, которую связывают с идеей потенциальности, привносимой идеей подобия. Как замечает архимандрит Софроний (Сахаров): «Великий Бог, сотворивший видимый космос, сотворил и нас – подобными Ему потенциально» [38, с. 238]. «Наша природа сотворена логически необъяснимым образом: мы приведены в бытие как потенция, а не как реализованные существа», – утверждает он и задается вопросом: «Как, будучи сотворенными как потенция, мы можем стать персонами, подобными Самому Богу?» [38, с. 159–160].

Некоторые интерпретаторы связывают мысль о незавершенности в создании человека со святоотеческой максимой о призвании человека стать богом по благодати. Как резюмирует такое понимание прот. С. Булгаков: «Человек не мог быть сразу создан как завершенное существо, в котором бы образ и подобие <...> соответствовали друг другу, потому что тогда он был бы Богом, и не по благодати и уподоблению, а по естеству» [3, с. 268–269]. Такое «несоответствие образа и подобия в человеке, или, точнее, его потенциальности и актуальности <...> и составляет своеобразие человека, который ипостасно своею свободой осуществляет в себе свой собственный идеальный образ» [3, с. 269]. К такому уподоблению Христу приближаются святые. В Церкви выделяется особый чин преподобных, которые своим житием являют этот путь Богоуподобления.

В Православии существуют два понятия, характеризующие единый духовный процесс уподобления человека Богу. Это – собственно «обожение» и «богосыновство». Различие этих понятий состоит в том, что обожение характеризует «уподоблению Богу в природном аспекте», богосыновство же – «в личностном» [23, с. 160].

Такое различие может быть адекватно понято лишь в контексте православной догматики, в основе которой лежат два фундаментальных догмата.

Это, во-первых, *триадологический* догмат о едином Божестве в Трех Лицах – Троице, Единосущной и Нераздельной. В изложении архимандрита Софрония (Сахарова), в догматическом учении о Святой Троице «указывается на три “момента”, различаемых в Бытии Божественном: Ипостась (Лицо, Персона), Сущность (Природа) и Действие (Акт, Энергия)» [37, с. 64]. По данному учению, «Божественное Бытие, взятое в “моменте” Энергии (Акта, Жизни), вступает в реальное общение с разумной тварью во всей своей полноте, и в спасаемых становится “имманентным” твари» [37, с. 68].

В святоотеческом представлении, обо́жение человека совершается через

сообщение ему Божественных Энергий, именуемых в православном вероучении «благим даром», или «благодатью» [37, с. 30]. Эти энергии теснейшим образом соединяются с человеческой тварной природой. По словам архимандрита Софрония, мы – «подобие Богу в плане энергии, а не в плане сущности, и в этом порядке мы можем быть подобны Богу даже до тождества» [38, с. 218].

В понимании св. Григория Паламы, озарение и обожающая благодать есть энергия Божия – «общая и божественная сила и действие Триипостасного Бога» (цит. по: [25, с. 258–259]). По мысли Паламы, тех, кто причастен энергиям и кто причастием действует по ним, Бог «соделывает богами по благодати, безначальными и бесконечными» (цит. по: [30, с. 242]. Согласно истолкованию обожения у архим. Софрония (Сахарова): «Благодать изначальная так соединяется с нашей тварной природой, что сии два – становятся едино: и это есть *обожение*» [36, с. 91].

И это, во-вторых, *христологический* догмат о «двух естествах и двух волениях, Божественного и человеческого, в единой Ипостаси воплощенного Слова» [37, с. 64]. По православному вероучению, Богоуподобление *христологично*. В самосознании Православия, обожиться означает буквально «охреститься». Как поясняет такое понимание епископ Каллист (Уэр): «Божественное подобие, которого мы призваны достичь, есть подобие Христу. Именно через Иисуса мы, люди, возводимся до Бога, обожествляемся, соделываемся “причастниками Божеского естества” (2 Пет 1. 4). Приняв человеческое обличие, Христос, по природе Сын Божий, сделал нас милостью своей сыновьями Божьими. В Нем мы “усыновлены” Богом Отцом, став сыновьями-в-Сыне» [18, с. 101]. В итоге, замечает архимандрит Софроний (Сахаров): «... человек-ипостась, по образу и подобию человеку-Христу (1 Тим 2. 5), в своей конечной завершенности явится носителем всей полноты Божественного и тварного Бытия – богочеловеком» [37, с. 97].

По православному вероучению, обожение осуществляется благодатью Духа Святого. И в этом смысле оно *пневматологично*. Комментируя позицию румынского богослова прот. Думитру Станилоаэ, развиваемую им в статье «Исхождение Св. Духа от Отца и Его отношение к Сыну как основа обожения и усыновления (adoption)», В. М. Лурье замечает, что «ипостасное дарование Св[ятого] Духа служит именно для приобщения нас ко внутритроичной жизни» и воспринимается в значении «нашего обожения внутри Св [ятой] Троицы» [26, с. 454].

В святоотеческом представлении обожение, рассматриваемое как результат и процесс «единения человека со Христом, действующим совместно со Отцом и Святым Духом», *триадологично* [4, с. 333]. Триадологический аспект учения об обожении как восстановлении образа Божия, утраченного человеком в грехопадении, подчеркивается преп. Иустином Поповичем, который так говорит об «отроичивании» человека в обожении: «Быть истинным христианином означает: непрестанно жить Святой Троицей – от Отца через Сына в Духе Святом; и душа, и совесть, и ум христианина постоянно двигаются и действуют от Отца через Сына в Духе Святом, чтобы таким образом восстанавливалась троичная боголикость и от христианина была вечно зрима троичная светлость, которую никакая тьма объять не может» (цит. по: [26, с. 484]).

Как выражает такое мироощущение преподобный Симеон Новый Богослов: «О чудо! Человек соединяется с Богом духовно и телесно <...> благодаря сущностному соединению [человек] становится триипостасным по благодати, а по усыновлению – единым богом из тела и души и Божественного духа, Которому он приобщился. И исполняется тогда сказанное пророком Давидом: *Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы* (Пс 81. 6)» (цит. по: [14, с. 643]).

3. Концепт обожения в православном мирозерцании. По православному вероучению, обожение, или теосис (θεωσις) составляет цель сотворения человека и конечную цель его христианского подвига. Концептуализация обожения в православном мирозерцании имеет два плана – *теологический*

(богословский) и *теоантропологический*. Теологический план касается осмысления участия Бога в мистических событиях обожения человека. Теоантропологический план акцентирует момент участия в обожении самого человека.

3.1. Обожение в теологической перспективе. По утверждению протоиерея Г. Флоровского, понятие теосиса невозможно «адекватно выразить ни на одном из новых языков и даже на латыни» [40, с. 387]. И «даже по-гречески оно звучит странно и претенциозно» [Там же]. Это – «смелое слово» [Там же]. Но «смысл его прост и ясен», – утверждает Флоровский, ссылаясь на классическое определение обожения у св. Афанасия Александрийского, из его «Слова о воплощении Бога-Слова» (гл. 54): «Он вочеловечился, дабы мы обожились» («Αὐτός ἐνανθρώπησεν ἵνα ἡμεῖς θεολοιθώμεν») [Там же]. В другом переводе: «Оно (само Божие Слово – *В. П.*) вочеловечилось, чтобы мы обожились» [2, с. 260]. Что же касается самого глагола θεολοιέω («сделать богом», «обожить»), то он впервые встречается у Климента Александрийского [14, с. 632].

Идея обожения получила в православном богословии свое терминологическое закрепление. Вочеловечивание Бога, или тот исторический момент, когда Бог стал человеком, получило наименование «Воплощение». Тот же момент, когда человек становится богом по благодати, стало обозначаться словом «обожение». Согласно такому пониманию, Воплощение и обожение предстают в православном сознании как две стороны Божественного Домостроительства (икономии), не отделимые одна от другой.

Первый вариант классической формулы обожения человека был сформулирован во втором веке священиком Иринеем Лионским: «Слово Божие [сделалось] человеком, и Сын Божий – Сыном Человеческим, чтобы [человек] <...> сделался сыном Божиим» (цит. по: [13, с. 414]). Затем это учение в виде формулы «Бог воплотился, чтобы человек стал богом по благодати» в различных своих вариантах получило широкое распространение в православной духовной традиции. Как провозглашает Симеон Новый Богослов в одном из своих гимнов: «Я – человек по природе, бог же по благодати» (цит. по: [4, с. 335]).

Свое уточнение в классическую богословскую формулу св. Афанасия Великого «Он (Бог – *В. П.*) вочеловечился, дабы мы обожились», вносит св. Григорий Богослов, который, по утверждению митрополита Илариона (Алфеева), устанавливает прямую связь «не только между Воплощением Бога и обожением человека, но и той *мерой*, в какую Бог стал человеком и человек становится богом» [14, с. 635]. Такое свое понимание св. Григорий Богослов выразил в следующих двух максимах: 1) «Бог настолько (стал) человеком, насколько меня делает из человека Богом», и 2) «Дольний человек стал богом после того, как соединился с Богом и стал с Ним едино, потому что победило лучшее, дабы и мне быть богом настолько, насколько Он стал человеком» [14, с. 635, 634]. В русском переводе соответствующих текстов Григория Богослова, где выдвигаются данные максимы, богословская тема «меры» затемнена.

В основе богословия обожения, по православному вероучению, лежит представление об *обоживающем соединении Бога и человека*. Как поясняет смысл такого представления св. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» со ссылкой на св. Григория Богослова: «Одно из естеств <...> обожило, другое обожено и <...> стало едино с Богом; и помазавшее сделалось человеком, и помазанное Богом. И сие не по изменению естества, но по соединению промыслительному о спасении, то есть Ипостасному, по которому плоть неразлучно соединилась с Богом-Словом, и по взаимному проникновению естеств» (цит. по: [11, с. 409]).

По святоотеческому учению Восточной Церкви, при обожении происходит воссоединение человека с Богом, когда человек, не теряя своего тварного состояния, становится «причастником Божеского естества» (2 Пет 1. 4). Происходит восстановление в человеке его изначального подобия Богу. И человек становится

«богом по усыновлению» [4, с. 332]. При том, что абсолютное различие между Творцом и творением остается неуничтожимым. Поясняя эту святоотеческую идею, прот. Г. Флоровский замечает: «Человек остается тем, чем он есть – тварью. Но Иисус Христос, Слово, ставшее Человеком, обещал и даровал ему участие в Божественном: в Жизни вечной и нетленной. Бессмертие и нетление – вот, согласно святым отцам, главные признаки обожения. Ибо Бог есть “единый имеющий бессмертие” (1 Тим 6. 16). Но ныне через Христа и силой Духа Святого человеку позволено соединиться с Богом» [40, с. 387]. И – «это не просто “моральное” единство, не просто человеческое совершенство – нет гораздо больше» [Там же]. И «только слово “обо́жение” адекватно передает уникальность этого обетования» [Там же].

По утверждению Флоровского, святые Отцы, размышляя об обожении, говорили о «тайне *личного единения*» в терминах персонализма. Обожение для них, в истолковании Флоровского, означало личную встречу как «общение человека с Богом, при котором Божественное присутствие как бы пронизывает всю полноту человеческого существования» [4, с. 387–388]. Не покидая неприступного света, в котором Бог обитает вечно, Он «устремляется к человеку и объемлет его Своей Благодатью и действием» [4, с. 390].

В православной духовной традиции обожение человека рассматривается в неразрывной связи с его спасением. По интерпретации В. Н. Лосского, обожение и спасение предстают как тождественные процессы, как две грани Божественного Домостроительства, различающиеся в зависимости от точки зрения на его цель. Согласно такому пониманию, цель Божественного Домостроительства, воспринимаемая с точки зрения конечного призвания твари, получила именование обожения. Цель же Божественного Домостроительства, воспринимаемая с точки зрения нашего падшего состояния, называется «спасением» [25, с. 288].

В учениях святых Отцов Восточной Церкви обожение рассматривается в одном богословском контексте с учениями об Искуплении (или, в широком смысле, Воплощении Слова) и Пятидесятницы (сошествия на апостолов Святого Духа на пятидесятый день после Воскресения Христова), раскрывающими различные грани Домостроительства Пресвятой Троицы, направленного на соединение твари со своим Творцом. Как развивает эту тему Лосский: «Искупление имело непосредственной целью наше спасение, это спасение явится – в своем конечном осуществлении, в будущем веке – как наше соединение с Богом, как обожение твари, искупленной Христом» [25, с. 280]. Но такое конечное свершение предполагает наличие в Домостроительстве другого Божественного Лица – Духа Святого, посланного в мир после Сына свидетельствовать о Божестве Христа. Резюмируя такое понимание, Лосский пишет: «Сын стал подобен нам через Воплощение; мы становимся подобными Ему через обожение, приобщаясь к Божеству во Святом Духе, Который Его сообщает каждой человеческой личности в отдельности» [25, с. 287].

По мысли П. Нелласа, обожение во Христе не есть явление субъективное, существующее лишь в воображении верующих, и это «не просто способ речи, но реальность» [33, с. 163]. По православному вероучению, Воплощение предстает как основа обожения и свидетельство («ручательство») его реального, а не иллюзорного характера. Развивая эту мысль, архиепископ Василий Кривошеин пишет: «Действительность воплощения и то, что мы облеклись во Христа при крещении, есть ручательство реальности обожения человека <...> Обожение стало возможным, когда Слово стало плотью, восприняло наше человечество и дало нам Свое Божество» [4, с. 335, 337]. При этом признается, что тварь призвана «свободно осуществить обожение, соединение с Богом, дабы Бог стал “всем во всём”» [25, с. 280].

По мысли преп. Иустина (Поповича), православное учение об обожении неразрывно связано с экклезиологией – учением о Церкви. Развивая такое понимание, преп. Иустин пишет: «Все совершенства и блага истинного Бога <...> могут стать и становятся человеческими, потому что и Сам истинный Бог стал

человеком и Себя, Богочеловека, преобразил в самое изумительное <...> Божие чудо – в Церковь», чтобы люди могли бы достигать «Божественной цели своего человеческого бытия: спасения = обожения = усвоения Христу = обогочеловечивания = оцерковления = отроичения» [15, с. 431–432].

3.2. Обожение в теoантропологической перспективе. По мысли П. Нелласа, настало время вывести понятие обожения «за рамки общих богословских категорий и наделить специфически антропологическим содержанием, вводя его в ту сферу, в которой для Отцов Церкви антропология и христология смыкаются в единое целое» [33, с. 45]. Другими словами, «обожение вновь должно быть осмыслено как жизнь во Христе» [Там же]. Важный вклад в такую православную христологическую антропологию, по мысли Нелласа, внесло мистическое богословие Николая Кавасилы, развивающего идею о духовной жизни во Христе, моментом которой является представление об обожении через «полнейшее единение со Христом» [33, с. 135–136]. П. Неллас опирается в своих рассуждениях на сочинение Николая Кавасилы «О жизни во Христе» [17, с. 7–159].

По православному вероучению, обожение есть «высшее духовное состояние, которого человек может достичь и к которому призваны все христиане» [4, с. 332]. Однако в реальности такого состояния достигают лишь немногие. Между тем по свидетельству Православного Предания, обожение – реальный факт духовной жизни многих святых Отцов, для которых учение об обожении было темой «постоянного молитвенного размышления» [13, с. 420]. И не только размышления, но и непосредственного духовного опыта.

Как замечает П. М. Минин в своем очерке о древнецерковной мистике: «Для отцов церкви “обожение” – не идея, не теория, не догма, а, прежде всего и более всего, – факт их внутренней жизни», из которого они и исходили при развертывании своих сотериологических, этических и эсхатологических учений [31, с. 339]. Так, для св. Афанасия Великого вопрос о божестве Христа не был вопросом спекулятивного умозрения, а вопросом самой жизни, имевшим глубокое этико-сотериологическое значение»: «Принять или отвергнуть “иоту” для него значило решить вопрос о жизни и смерти человека, ибо жизнь последнего есть процесс “обожения”, а это “обожение” немислимо без признания божеского достоинства Христа» [31, с. 339–340]. По комментарию С. С. Хоружего, «иота», о которой упоминает Минин (буква греческого алфавита *i*), составляет «различие между терминами *ὁμοιοῦσιος* (подобосущный) и *ὁμοούσιος* (единосущный), выбор между которыми решался на I Вселенском Соборе» [42, с. 102]. Собор утвердил постулат о единосущии Сына Отцу и Его предвечном рождении.

Стать богом по благодати было высшим желанием подвижников. «Чего тебе хочется? – обращается Григорий Богослов к своей душе. – Что для тебя важно и что маловажно из высоко ценимого смертными?» [5, с. 223]. И продолжает: «Если не этого желаешь (различных мирских благ – *В. П.*), то чего тебе хочется? Не хочешь ли стать богом – богом, т.е. светоносно предстоять всевышнему Богу и ликовать с Ангелами? Расширь же свои крыла, взвивайся в быстролетном парении, несись в высоту» [5, с. 224]. Вершиной этого пути является единение с Богом, которое и есть обожение: «Я – Христово достояние; я стал храмом и жертвой, потом буду богом, когда душа вступит в единение с Божеством» [5, с. 119].

Для мистико-богословского Предания одним из аспектов обожения является Боговидение как «некое энергийное откровение Божества в Личности Христа-Богочеловека» [25, с. 237]. Духовное состояние, испытываемое подвижниками при энергийном откровении Божества, передается ими обычно как озарение светом и причастие ему. Для них свет, созерцаемый апостолами на горе Фавор, был «свет, присущий Богу по Его природе: вечный, безначальный <...> существующий вне тварного бытия» [25, с. 263]. Именно «этот свет Божества, эту славу, присущую Христу по Его Божественной природе, и могли узреть апостолы в момент Преображения» [25,

с. 264].

Согласно св. Григорию Паламе, Божественный свет есть энергия Божия, изменяющая и преображающая человека. Созерцая божественный свет, человек, утверждает Палама, видит Самого Бога, при том, что Сам Бог продолжает оставаться невидимым. Как поясняет св. Григорий: «Это божественный свет, и святые справедливо называют его божественностью: ведь он обоживает; а если так, то он еще и не просто божественность, а обожение само по себе, то есть начало божественности» [8, с. 84–85].

Известно, что обожение через озарение Божественным светом было опытно пережито преп. Симеоном Новым Богословом. Как говорится в его житии: «Под воздействием божественного огня становясь изо дня в день весь огнем и светом, он стал богом по усыновлению и отныне как сын Божий, с непокровенным лицом, таинственно беседовал с Богом и Отцом, подобно Моисею, и при помощи указующего перста Божия (Исх 31. 18), как на скрижалях, запечатлевал действия божественного огня» [34, с. 180].

Специфику обожения человека составляет тот момент, что оно осуществляется во всей целостности его человеческой природы. Симеон Новый Богослов так передает это мистическое состояние в одном из своих гимнов: «Тогда Создатель <...> пошлет Божественного Духа <...> и Он вдохновит, и будет обитать, и существенно вселится, и просветит, и осияет. И переплавит всего, и тленного сделает нетленным, и обновит обветшавший дом, я говорю о доме твоей души <...> Вместе с нею Он соделает нетленным и все тело всецело, и соделает тебя богом по благодати, подобным Первообразу» (цит. по: [4, с. 335]).

Святоотеческую позицию по вопросу о всецелом обожении человека так обобщает митрополит Иларион (Алфеев): «Вера в полноту человеческой природы во Христе, таким образом, предполагает веру в обожение всецелого человека, состоящего из ума, души и тела; и наоборот, идея обожения предполагает веру во Христа как полноценного человека с умом, душой и телом <...> Таким же образом и тело каждого человека, достигшего обожения во Христе, становится преображенным и обоженным» [12, с. 385–386].

При обожении вышеестественным образом происходит превосхождение тварного бытия – совершаются онтологические изменения в человеке, когда человек, не теряя тварной природы, действительно становится богом по усыновлению. Резюмируя такое понимание, архим. Василий (Кривошеин) замечает: «... обожение является состоянием полного преобразования человека, совершаемого Духом Святым <...> Дух Святой дарует тогда человеку божественный ум и нетленность. Человек не получает новой души, но Святой Дух существенно соединяется со всем человеком, душой и телом, делает его сыном Божиим, богом по положению, однако человек при этом не перестает быть человеком и созданием <...> Он может одновременно именоваться богом и человеком» [4, с. 336].

Для описания того, как обожение изменяет человеческое естество, преп. Симеон Новый Богослов в одном из своих гимнов использует традиционный образ железа в огне. По его словам, «как огонь сообщает железу свои свойства, не воспринимая темноту железа, так и Святой Дух дарует людям Свое нетление и бессмертие, преображает их в свет и дарует полное уподобление Христу» [13, с. 426–427]. Этим образом железа в огне пользовался еще ранее св. Григорий Богослов, а также преп. Иоанн Дамаскин, писавший: «Ибо как железо, соединившись со светом, становится светом не по природе, но по соединению [с огнем] и сопричастности (μεθεξεί), так то, что обоживается (τὸ θεοῦμενον), становится богом не по природе, но по причастию» (цит. по: [13, с. 418]).

Помимо действия Божественной благодати, обожение как синергия предполагает для своего осуществления и человеческие усилия. По мысли Григория Паламы, «Бог в полноте своей обожает тех, кто того достойны, соединяя Себя с ними,

не ипостасно – это принадлежит одному Христу – и не сущностно, но малою частью нетварных энергий <...> однако всецело присутствуя в каждой из них» (цит. по: [42, с. 105]).

Возникает вопрос, каким образом происходит достижение обожения в христианской жизни. По учению святых Отцов, существуют два магистральных пути обожения и спасения в Церкви.

Первый путь – это участие в церковных таинствах. И в особенности, в таинстве Евхаристии (от греч. *ευχαριστία* – ‘благодарение’), совершаемого во время Литургии (от греч. *leitourgia* – ‘служение’, ‘общее дело’) – главного соборного богослужения в православной Церкви. В святом таинстве Евхаристии, по словам преп. Иустина (Поповича), происходит «полное охристовление, обогочеловечение» [16, с. 331]. Человек в этом таинстве таинств «через вкушение нетленно и животворящей (обоженной в воскресении) плоти Господа причащается нетления, соединяется с Самим Богом и обожается» [10, с. 95].

Второй путь – это мистико-аскетический молитвенный подвиг сваященнобезмолвия, о котором так свидетельствуют иноки Каллист и Игнатий в своих «Наставлениях для безмолвствующих»: «Хотя и иные пути и жительства <...> и делания были и суть в обычае, яко добрые, ко спасению ведущие <...> но этот есть предпочтительно царский, все другие делания как душа тело превосходящий, яко вполне обновляющий до усыновления Богу и дивно в Духе обожающий человека <...> Сего ради святые отцы житительство сие величают многими славными наименованиями <...> умным деланием <...> жизнь во Христе сокровенною <...> боговидением, обожением преестествонейшим и другими близкими к сим» [19, с. 421–422].

Говоря о различных путях и источниках обожения человека, в православном Предании обращают особое внимание на христоподражательную жизнь, аскетические подвиги, направленные на соблюдение евангельских заповедей, активное доброделание, борьбу со страстями и покаяние. Как утверждает Григорий Палама: «Уму, пока он страстен, невозможно соединиться с Богом» [7, с. 300]. По мысли Григория Богослова, обожение происходит благодаря любви человека к Богу. По его словам, «любовь к Богу – вместе и путь к обожению» [5, с. 312].

Все пути восхождения к обожению тесно связаны. По наблюдению П. Н. Евдокимова, имеется «близкое соответствие между ступенчатым путем таинств и жизнью души во Христе» [9, с. 137]. Посвящение через Крещение и Миропомазание находит свое завершение в Евхаристии и «совпадает с вершиной мистического восхождения, *теосисом*» [Там же]. И то, и другое, полагает Евдокимов, взаимно раскрывают друг друга и являют собой «одно и то же мистически тождественное событие [Там же].

Обожение в своем реальном осуществлении выступает в двух проявлениях. Оно может быть, во-первых, *внезапным*. Так, преп. Симеон Новый Богослов говорит о «внезапном и радикальном преобразовании человека, внутреннем и духовном по характеру, но захватывающем всего человека в целом» [4, с. 337]. Такое преобразование человека он именуется «духовным рождением», «воскресением», «крещением Духом» и, наконец, «обожением», не поясняя, однако, чем эти состояния отличаются друг от друга [Там же]. В этом ряду обожение, в истолковании Симеона Нового Богослова, «представляется наиболее сильным <...> понятием, относящимся скорее к онтологическому изменению в человеке, а не только к чисто духовному, хотя при этом оно не заключает в себе утверждения, что человек теряет природу тварного существа, становясь богом по усыновлению» [Там же].

И, во-вторых, обожение может быть *постепенным*. Как описывает этот второй вариант митрополит Иларион (Алфеев): «... обожение – постепенный процесс <...> Чем усерднее человек соблюдает заповеди Божии, тем более очищается, озаряется и просвещается. Он получает от Духа новые очи и новые уши, посредством которых

видит и слышит духовно <...> Человек тогда уже постоянно видит Бога и созерцает славу своей души, ибо он окончательно озарен и просвещен Богом» [13, с. 427].

В Православном Предании различаются три стадии обожения. Первая стадия может осуществляться во время земной жизни человека. Вторая стадия может происходить после смерти человека, в потусторонней жизни. Наконец, третья стадия может осуществиться во Всеобщем Воскресении, когда произойдет «окончательное воссоединение человека с Богом, приобщение Божественному свету, восстановление и обожение всецелого человеческого естества» [12, с. 395]. По утверждению преп. Максима Исповедника, тот, «кто удостоивается восьмого дня (т.е. будущего века, уже предошущаемого в нынешнем веке – *В. П.*) <...> и вкушает блаженную жизнь Божию <...> сам становится богом благодаря обожению» [28, с. 224].

Особую тему в Православном Предании составляет вопрос о достижимости полноты состояния обожения, т.е. пределов Богопричастия. Здесь в Православном Предании существуют два полярных мнения («теологумена»). Во-первых, утверждается, что обожение представляет собой «бесконечное восхождение к полноте», которая никогда не может быть достигнута [4, с. 337]. И даже в будущем веке. Во-вторых, речь идет об эсхатологическом, конечном, обожении человека в Царствии Небесном. Так, говоря о реальности обожения еще в этой жизни, преп. Симеон Новый Богослов утверждает, что «полнота его принадлежит эсхатологической бесконечности» [4, с. 334]. По его словам, в настоящей жизни мы к этому лишь приутоговляемся. В мире же ином через стремление к Богу мы сможем достичь обожения. Окончательное эсхатологическое обожение человека представляется ему причастием Божественному свету в Царствии Небесном, где обоженные святые «станут подобны Христу», а их слава станет подобна «предвечной славе Сына» [4, с. 333]. В обожении «человек становится Христом» [4, с. 334]. Или, точнее сказать, – «христом» [13, с. 428].

Упоминание о том, что тела святых преобразятся, когда святые предстанут во славе неизреченного света, встречается у преп. Макария Египетского. По его словам, в грядущее воскресение тела христиан «за добрые дела облекутся божественною славою и сами они будут исполнены той духовной славы, какую еще ныне имели в душах» [27, с. 58]. В воскресение, утверждает преп. Макарий: «... все члены будут воскрешены и, по написанному, *влас не погибнет* (Лк 21. 18), и все соделается световидным, все погрузится и преложится в свет и в огонь, но <...> и не сделается огнем, так чтобы не стало прежнего естества» [Там же: 114-115]. По выражению преп. Максима Исповедника, когда душа «становится богом по сопричастию с Божией благодатью <...> в ней прекращаются естественные действия тела, собоженного с душой по соответствующему ему причастию в обожении» [28, с. 253]. Становясь богоподобным, человек, в представлении святых Отцов, не только благодетельствует самому себе. Он тем самым «может способствовать достижению конечной цели существования всего – спасения человечества, обновления и преображения мира, вхождения всех спасенных в “Церковь торжествующую”, соединения людей с Богом, эсхатологического обожения всего тварного бытия» [12, с. 391].

Хотя мистическое событие обожения, при котором человек существенно соединяется с Богом и становится богом по благодати, и является сознательным духовным состоянием и явно ощущается теми, кто его испытывает, для богословской мысли оно «навсегда остается страшной непостижимой тайной, превосходящей всякий человеческий разум» [4, с. 337]. Такова вообще специфика базисных идей-мифологем, относящихся к Божественному Откровению и мистическому духовному опыту Богоуподобления, заключающаяся в том, что библейские идеи-мифологемы, выступая в качестве выражения духовного смысла, не до конца поддаются концептуализации. Всегда остается момент тайны и кажущейся недосказанности, что побуждает продолжать пути концептуализации. Таково и эсхатологическое обожение человечества, являющее собой одну из многочисленных тайн христианской веры,

«находящихся за пределами рационального познания» [12, с. 395].

4. Наука как творчество и современность. Вероника Николаевна Телия и ее духовные уроки. Как писал Борис Пастернак в упоминаемой уже статье для журнала «Магнум»: «Человек – правда и реальность, когда он знаток своего дела, если он ремесленник, крестьянин или великий, незабываемый, настоящий художник, или, может быть, *ученый созидательного склада*, открыватель истин» [35]. И далее: «Человек достигает своей вершины, когда его физическое “я”, его жизнь, его деятельность становятся “образцом”, *символом*. Если бы не было других оснований безусловной ценности отдельной личности, сказанного было бы достаточно <...> чтобы обосновать эту высшую ценность. Каждый человек, каждый в отдельности – исключение и особый случай. Ибо его совесть представляет собой целый мир. Ибо этот мир находит свое завершение в единстве идеи, в символе. Это знали греки, это выражено в Ветхом Завете. А Новый Завет углубил это, открыв чудо самопожертвования» [Там же].

Вероника Николаевна стала для своих учеников и последователей таким символом высокого отношения к науке и научному творчеству, избегающего двух типов искушений, возникающих на пути научной жизни, – страсти самопревозношения, с одной стороны, и сугубо-прагматичного отношения к науке как коммодификативной (от англ. commodity – ‘товар’) реальности, с другой.

О первом моменте во времена научной молодости Вероники Николаевны писал Борис Пастернак в еще одном своем стихотворении из далекого 1956 г., ставшим программным для целого поколения людей двадцатого века, но сохраняющим свою ценность и для нашего времени. Это стихотворение «Быть знаменитым некрасиво», где говорится о творчестве как самоотдаче, а не «шумихе» и «успехе». Творчестве, которое «подымает ввысь».

Второе искушение – заниженное отношение к науке как продаваемому товару – характерно для нашей эпохи с ее повсеместным, всепроникающим финансовым реализмом. Замечательную зарисовку этой ситуации сделал А. Г. Кнышев в своей афористической миниатюре «Рынок», где писал: «Фигурально выражаясь, я вынужден сейчас находиться и в роли поэта, и в роли книготорговца. И не только я, а любой творец. В нашей действительности творческим людям приходится быть одновременно Пастернаком, ранимой художественной натурой, и, не знаю, Генри Фордом или Дональдом Трампом, жестким продюсером. Надо себя продвигать, продавать, напоминать о себе <...> Многие из моего поколения <...> не могут вписаться в новые правила игры, в рыночные отношения <...> У меня эпитафия к недавней книге: “Я хотел дарить людям радость, но приходится им ее продавать”» [21].

Конечно, образ купли-продажи широко распространен в культуре с древнейших времен. К метафоре купли-продажи прибегал в русской мистико-аскетической традиции преп. Серафим Саровский для символического обозначения реалий из духовной жизни. Но только в наше время «купля-продажа» из метафоры превращается в мифологему, отождествляющую духовную реальность с товаром. И только в наше время появляются мысли о новой лингвистике будущего как дисциплине коммодификативной.

Против такого отношения к науке и научному творчеству свидетельствует весь творческий путь В. Н. Телия. В научном самосознании, всякий ученый – «открыватель истин» – оставляет в дар следующим поколениям свой интеллектуально-духовный мир как путь, по которому в поисках научной истины могут продвигаться другие. Отдельные вехи на этом пути так передает Борис Пастернак в своем упоминаемом стихотворении «Быть знаменитым некрасиво»: «Но надо жить без самозванства, / Так жить, чтобы в конце концов / Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов. <...> Другие по живому следу / Пройдут твой путь за пядью пядь, / Но пораженья от победы / Ты сам не должен отличать. / И должен ни единой долькой /

Не отступаться от лица, / Но быть живым, живым и только, / Живым и только до конца».

Именно так проходила свой жизненный путь Вероника Николаевна Телия с ее удивительным ощущением единства витальности и духовности, с ее живым интересом к языку и культуре, избравшая предметом своей неустанной рефлексии «живодействующую связь языка и культуры» и передавшая свой вдохновляющий интерес к этой теме своим ученикам и последователям, с которыми всегда находилась и духовно находится в диалогических отношениях – реальных или виртуальных – и в памяти которых продолжает жить как «Ученый, Учитель, Друг» [22, с. 6].

Список источников и литературы

1. Аванесов С. С. Теология как антропология // *Метапарадигма: богословие, философия, естествознание: альманах*. СПб.: Изд-во НП-Принт, 2014. Вып. 02/03 2014. С. 122-126.
2. Афанасий Великий, свт. Творения. В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 480 с.
3. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 416 с.
4. Василий (Кривошеин), архиеп. Преподобный Симеон Новый Богослов (949 – 1022). М.: NBI, 1995. 344 с.
5. Григорий Богослов, св. Собрание творений в 2 т. Т. 2. Свято-Троицкая Лавра, 1994. 596 с.
6. Григорий Нисский, свт. Об устройении человека. СПб.: Аксиома, МИФРЛ, 1995. 176 с.
7. Григорий Палама, св. О молитве и чистоте сердца. Добротолюбие. Т. 5. Свято-Троицкая Лавра, 1992. С. 252–302.
Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М.: Канон, 1995. 384 с.
8. Евдокимов П.[Н.]. Православие. М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2002. 500 с.
10. Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М.: Мартис, 1996. 220 с.
11. Игнатий (Брянчанинов), еп. Сочинения. В 5 т. Т. 4. Аскетическая проповедь. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. 541 с.
12. Иларион (Алфеев), иером. Жизнь и учение св. Григория Богослова. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1998. 505 с.
13. Иларион (Алфеев), иером. Преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1998. 674 с.
14. Иларион (Алфеев), еп. Спасение как обожение // Иларион (Алфеев), еп. Православие. Т. 1. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 631–643.
15. Иустин (Попович), преп. Собрание творений. Т. III. Догматика Православной Церкви. Сотериология. Эклесиология. М.: Паломник, 2006. 607 с.
16. Иустин (Попович), преп. Догматика Православной Церкви: Пневматология. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007. 533 с.
17. Кавасила Николай, св. и правед. О жизни во Христе. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 221 с.
18. Каллист (Уэр), еп. Православный путь. СПб. : Алетейя, 2005. 191 с. – (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).
19. Каллист и Игнатий Ксанфопулы, иноки. Наставление безмолвствующим //

- Добротолубие. Т. 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 303–424.
20. Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. М.: Путь, 1994. 383 с.
  21. Кнышев А. [Г.]. Толковый словарь Андрея Кнышева. Рынок // Story. Авг.2019 № 8 (126). С. 16–19.
  22. Ковшова М. Л. Вероника Николаевна Телия. 1930-2011 // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. М.: МАКС Пресс. Вып. 46. 2013. С. 4–6.
  23. Леонов В., прот. Основы православной антропологии: Учебное пособие. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. 456 с.
  24. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭН», 1991. 288 с.
  25. Лосский В. Н. Богословие и Боговидение. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 2000. 632 с.
  26. Лурье В. М., Медведев И. П. [Примечания, комментарии] // Мейендорф И., протопр. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византороссика, 1997. С. 373–460.
  27. Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 467 с.
  28. Максим Исповедник, преп. Творения. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты. М.: Мартис, 1993. 354 с.
  29. Межелайтис Э. Человек. Вильнюс: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962.
  30. Мейендорф И., протопр. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византороссика, 1997. 480 с.
  31. Минин П. [М.]. Главные направления древне-церковной мистики // Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991. С. 337–391.
  32. Назаров В. Н. Введение в теологию: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 320 с.
  33. Неллас П. Обожение: Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никея, 2011. 304 с.
  34. Никита Стифат, преп. Аскетические произведения. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. 222 с.
  35. Пастернак Б. [Н]. Что такое человек // Век XX век и мир. 1989. № 5. URL: www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=323 (дата обращения 5.09.2020).
  36. Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. Essex: Stavropegic Monastery of St. John the Baptist, 1985. 255 с.
  37. Софроний [(Сахаров)], архим. Рождение в Царство Непокоебимое. М.: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Паломник, 2000. 224 с.
  38. Софроний (Сахаров), архим. Духовные беседы. Т. 2. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2007. 336 с.
  39. Телия В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
  40. Флоровский Г., прот. Догмат и история. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. 488 с.
  41. Франк С. Л. Непрочитанное... / Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 592 с.
  42. Хоружий С. С. Исследования по исихастской традиции. В 2 т. Т. 1. К феноменологии аскезы. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 240 с.

References

1. Avanesov S. S. Teologiya kak antropologiya. [Theology as Anthropology]. *Metaparadigma: bogoslovie, filosofiya, estestvoznaniye: al`manax*. [Metaparadigm: Theological Studies, Philosophy, Natural Science]. SPb: Izd-vo NP-Print. 2014. P. 122-126. [in Russian].
2. Afanasiy Velikiy, St. Tvoreniya V 4 t. [Works: in 4 volumes] Vol. 1. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monasty`rya publ, 1994. 480 p. [in Russian].
3. Bulgakov S. N. Svet nevechernij. Sozerczaniya i umozreniya [Not Evening Light. Beholding and Contemplation]. Moscow: Respublika publ, 1994. 416 p. [in Russian].
4. Vasiliy (Krivoshein), archbish. Prepodobnyy Simeon Novyy Bogoslov [Reverend Simeon. New Theologist] (949-1022). Moscow: NBI publ, 1995. 344 p. [in Russian].
5. Grigoriy Bogoslov, pr. *Sobraniye tvoreniy v 2 t. [Collection of Works in 2 volumes]*. Vol. 2. Svyato-Troitskaya Lavra publ, 1994. 596 p. [in Russian].
6. Grigoriy Nisskiy, St. Ob ustroyenii cheloveka [On the Making of Man]. SPb.: Aksioma publ, MIFRL publ, 1995. 176 p. [in Russian].
7. Grigoriy Palama, pr. O molitve i chistote serdtsa [On the prayer and purity of heart]. *Dobrotolyubie. [Philokalia]*. Vol. 5. Svyato-Troitskaya Lavra, 1992. Pp. 252–302. [in Russian].
8. Grigoriy Palama. *Triady v zashchitu svyashchennobezmolstvuyushchikh [Triads in Support of Those in Sacred Silence]*. Moscow: Kanon publ, 1995. 384 p. [in Russian].
9. Evdokimov P. [N.]. *Pravoslaviye [Orthodox Christianity]*. Moscow: Bibleysko-Bogoslovskiy institut sv. Apostola Andreyana publ, 2002. 500 p. [in Russian].
10. Epifanovich S. L. *Prepodobnyy Maksim Ispovednik i vizantiyskoye bogosloviye [Maximus The Confessor and Byzantine Theological Studies]*. Moscow: Martis publ, 1996. 220 p. [in Russian].
11. Ignatiy (Bryanchaninov), bishop. Sochineniya. V 5 t. [Essays. In 5 volumes]. Vol. 4. *Asketicheskaya propoved` [Ascetic Sermon]*. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra publ, 1993. 541 p. [in Russian].
12. Ilarion (Alfeev), hierom. *Zhizn` i uchenie sv. Grigoriya Bogoslova [Life and Religious Teaching of Saint Gregory of Nazianzus]*. Moscow: Krutitskoye Patriarshee Podvor`ye. Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii publ, 1998. 505 p. [in Russian].
13. Ilarion (Alfeev), hierom. *Prepodobnyy Simeon Novyy Bogoslov i Pravoslavnoye Predaniye [Reverend Simeon New Theologist and Orthodox Tradition]*. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor`ye. Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii publ, 1998. 674 p. [in Russian].
14. Ilarion (Alfeev), bishop. (2008). Spaseniye kak obozheniye [Salvation as Theosis]. Ilarion (Alfeev), bishop. *Pravoslaviye [Orthodox Christianity]*. Vol. 1. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrya publ. 2008. Pp. 631–643. [in Russian].
15. Iustin (Popovich), rev. *Sobraniye tvoreniy [Collection of Creations]*. Vol. III. *Dogmatika Pravoslavnoy Tserkvi. Soteriologiya. Ekklesiologiya [Dogmatics of the Orthodox Church. Soteriology. Ecclesiology]*. Moscow: Palomnik publ, 2006. 607 p. [in Russian].
16. Iustin (Popovich), rev. *Dogmatika Pravoslavnoy Tserkvi: Pnevmatologiya [Dogmatics of the Orthodox Church: Pneumatology]*. Moscow: Izdatel`skit Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi publ, 2007. 533 p. [in Russian].
17. Kavasila Nikolai., st. and right. *O zhizni vo Khriste [On the Life in Christ]*. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya publ, 2006. 221 p. [in Russian].
18. Callistus (Ue`r), bish. *Pravoslavnyy put` [The Orthodox Way]*. SPb.: Aleteyya publ, 2005. 191 p. – (Seriya «Vizantijskaya biblioteka. Issledovaniya» [Series ‘Byzantine Library. Research’]). [in Russian].

19. Callistus and Ignatius Ksanfopuly`, friars. *Nastavlenie bezmolstvuyushchim* [Guidance to Those in Silence]. *Dobrotolyubie* [*Philokalia*]. Vol. 5. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra publ, 1992. Pp. 303–424. [in Russian].
20. Kleman O. *Istoki* [The Sources]. *Bogoslovie ottsov Drevney Tserkvi. Teksty` i kommentarii* [Theological Studies of the Fathers of Ancient Church. Texts and Comments]. Moscow: Put` publ, 1994. 383 p. [in Russian].
21. Knyshev A. [G.]. *Tolkovyy slovar` Andrey Knysheva. Rynok* [The Explanatory Dictionary of Andrey Knyshev. Market]. *Story* [*Story*]. 2019. Aug, No. 8 (126), 16–19. [in Russian].
22. Kovshova M. L. Veronika Nikolaevna Teliya. 1930-2011. *Yazy`k, soznanie, kommunikaciya: Sb. nauchny`x statej, posvyashhenny`x pamyati V. N. Teliya* [Language – Mind – Communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of V. N. Teliya]. Moscow: MAKS Press publ. 2013. Issue 46, Pp. 4–6. [in Russian].
23. Leonov V., archpr. *Osnovy Pravoslavnoy antropologii: Uchebnoye posobiye* [Fundamentals of Orthodox Anthropology: Teaching Guide]. Moscow: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi publ, 2013. 456 p. [in Russian].
24. Lossky V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya vostochnoy tserkvi Dogmaticeskoye bogosloviye* [The Essay on Mystical Theological Studies of the Eastern Church. Dogmatics]. Moscow: Tsentr ‘SEN’ publ, 1991. 288 p. [in Russian].
25. Lossky V. N. *Bogosloviye i Bogovideniye* [Theological Studies and Knowledge of God]. Moscow: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo Bratstva publ, 2000. 632 p. [in Russian].
26. Lur`ye V. M., Medvedev I. P. (1997). *Primechaniya, kommentarii* [Notes, Comments]. *Mejendorf I., protopr. Zhizn` i trudy` svyatitelya Grigoriya Palamy` : Vvedenie v izuchenie*. [Life and Works of Saint Gregory Palamas: Introduction into Studying]. SPb.: Vizantorossika publ, 1997. P. 373–460. [in Russian].
27. Makarius of Egypt, rev. *Dukhovnyye besedy* [Spiritual Conversation]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra publ. 1994. 467 p. [in Russian].
28. Maximus the Confessor, rev. *Tvoreniya* [Creations]. *Book 1: Bogoslovskiye i asketicheskiye traktaty* [Theological and Ascetic Treatise]. Moscow: Martis publ, 1993. 354 p. [in Russian].
29. Mezhelaitis E. *Chelovek* [Human Being]. Vilnius: Gos. izd-vo khud. lit-ry publ, 1962. [in Russian].
30. Meyendorf I., Archiprb. *Zhizn` i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy` : Vvedenie v izuchenie* [Life and Works of Saint Gregory Palamas: Introduction into Studying]. SPb.: Vizantorossika publ, 1997. 480 p. [in Russian].
31. Minin P. [M.]. *Glavnyye napravleniya drevne-tserkovnoy mistiki* [The Main Branches of Ancient-Church Mysticism]. *Misticheskoe bogoslovie* [Mystical Theological Studies]. Kiev: Put` k Istine publ, 1991. p. 337–391. [in Russian].
32. Nazarov V. N. *Vvedenie v teologiyu: Uchebnoe posobie* [Introduction into Theological Studies: Teaching Guide]. Moscow: Gardariki publ, 2004. 320 p. [in Russian].
33. Nellas P. *Obozheniye: Osnovy i perspektivy pravoslavnoy antropologii* [Theosis: Fundamentals and Perspectives of Orthodox Anthropology]. Moscow: Nikeya publ, 2011. 304 p. [in Russian].
34. Nikita Stifat, rev. *Asketicheskiye proizvedeniya* [Ascetic Works]. Klin: Fond «Khristianskaya zhizn`» publ, 2001. 222 p. [in Russian].
35. Pasternak B. [N.]. *Chto takoye chelovek* [What is a Human Being?]. *Vek XX. Vek i mir* [The Twentieth Century. The Epoch and the World]. 1989. No 5. URL: www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=323 (accessed:05.09.2020). [in Russian].
36. Sofronius (Sakharov), archm. *Videt` Boga kak On est`* [To See The God The Way He Is]. Essex: Stavropegic Monastery of St. John the Baptist, 1985. 255 p. [in Russian].

37. Sofronius (Sakharov), archm. *Rozhdeniye v Tsarstvo Nepokolebimoye [Birth to the Unshakable Kingdom]*. Moscow: Svyato-Ioanno-Predtechenskiy monastyr`, Palomnik publ. 2000. 224 p. [in Russian].
38. Sofronius (Sakharov), archm. *Dukhovnyye besedy [Spiritual Conversation]*. Vol. 2. Svyato-Ioanno-Predtechenskiy monastyr` publ, 2007. 336 p. [in Russian].
39. Teliya V. N. Faktor kul`tury i vosproizvodimost` frazeologizmov – znakov-mikrotekstov [Factor of Culture and Reproducibility of Idioms—Signs—Microtexts]. *Sokrovennyye smysly: Slovo. Tekst. Kul`tura: Sb. staty v chest` N.D. Arutyunovoy [Sacred Senses: Word. Text. Culture: Collection of articles dedicated to N. D. Arutyunova]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul`tury, 2004. Pp. 674–684. [in Russian].
40. Florovsky G., Archiprb. *Dogmat i istoriya [Dogmatics and History]*. Moscow: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo Bratstva, 1998. 488 p. [in Russian].
41. Frank S. L. *Neprochitanoe... [The Unread...]*. *Stat`i, pis`ma, vospominaniya [Articles, Letters, Memories]*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy publ, 2001. 592 p. [in Russian].
42. Khoruzhiy S. S. *Issledovaniya po isikhastskoy traditsii [Research According To Hesychasm Tradition. In 2 volumes]*. 2012. Vol. 1. *K fenomenologii askezy` [On Phenomenology of Asceticism]*. SPb.: Izd-vo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 240 p. [in Russian].

Сведения об авторе

Постовалова Валентина Ильинична –
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
теоретического языкознания
Института языкознания
Российской академии наук
(e-mail: postovalova@iling-ran.ru).

Information about the Author

Postovalova Valentina Ilinichna,
Doctor of Philology, Professor,
chief researcher of the sector of theoretical
linguistics of the Department of Linguistics of
the Russian Academy of Sciences
(e-mail: postovalova@iling-ran.ru).

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩНОСТИ СОЗНАНИЙ КОММУНИКАНТОВ

Е. Ф. Тарасов

*Институт языкознания Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Цель статьи показать, что общность сознаний коммуникантов – это необходимая предпосылка для любого знакового общения. Тела знаков, продуцируемые говорящим и воспринимаемые реципиентом, находятся в межсубъектном пространстве и могут служить средством общения, только если каждый знак имеет идентичную ассоциацию в сознании обоих коммуникантов. Общность сознаний коммуникантов начинает создаваться уже в процессе взаимодействия ребенка со взрослым, в котором предметная деятельность, осуществляемая ими, становится субстанцией сознания ребенка. Этническая культура в предметной, деятельностной и идеальной формах, присвоенная в раннем онтогенезе ребенком, является основанием общности сознаний членов социума, которая в теории деятельности А. Н. Леонтьева описывается понятием образа мира. Эта общность сознаний позволяет адресанту продуцировать речевые сообщения, понимание которых реципиентом ведет к формированию образов их совместной деятельности, становящейся формой их существования.

Кроме раннего онтогенеза, общность сознаний членов социума создается, поддерживается и трансформируется в процессе их совместной деятельности в виде ее «коллективного субъекта». Знания, постоянно порождаемые членами социума в их предметных деятельности, становятся не только общими: будучи вербализованными, они приобретают благодаря этому качества всеобщности для конкретного этноса.

Ключевые слова: общность сознаний, совместная деятельность, образ мира, субстанция сознания, коллективный субъект, формы культуры, вербализация сознаний.

ON THE ISSUE OF COMMUNICANTS' COMMON CONSCIOUSNESS

E. F. Tarasov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. The article dwells upon the communicants' common consciousness as a prerequisite essential for any symbol-based communication. The symbols' bodies produced by the speaker and perceived by the recipient are in intersubjective space. They can serve as a means of communication only if each symbol has an identical association in the consciousness of both communicators. The commonality of communicants' consciousness starts its development in the interaction between a child and an adult, in which the objects activity carried out by them becomes the substance of the child's consciousness. The ethnic culture in its objective, activity and ideal forms, acquired by a child in the early ontogenesis, is the basis of the common consciousness of society members. In his activity theory, A. N. Leontiev describes this phenomenon using the term the world image. This common consciousness enables production of speech messages by the speaker, the understanding of which by the recipient leads to the development of their joint activity images, which in turn become a form of their existence.

The common consciousness of the society members is also developed, maintained and transformed in their joint activity in the form of its "collective subject". The knowledge constantly generated by society

members in their object activities becomes not only common; when verbalized this knowledge becomes universal for a specific ethnos.

Keywords: *common consciousness, joint activity, world image, substance of consciousness, collective subject, forms of culture, verbalization of consciousness.*

Введение

Проблема общности сознаний коммуникантов, использующих для общения знаки (языковые и неязыковые) – это центральная проблема анализа ролевого сообщения, которую лингвисты обычно не включают в свою предметную область. Между тем невнимание к проблеме общности сознаний ставит под сомнение многие суждения о процессе взаимопонимания членов социума. Это происходит из-за неоправданного игнорирования того факта, что тела языковых знаков кроме субстанциональных характеристик предметов, изготовленных из воздуха, ничего «на себе» не несут, исключая, естественно, способность указывать на носителей определенного этнического языка и культуры, исключая способность указывать на носителей определенного этнического языка и культуры, если, естественно, реципиент обладает сведениями о связи конкретного языка с определенной культурой.

Связь тела языкового знака с некоторыми знаниями, сформированными в конкретной этнической культуре ассоциативна и самое существенное то, что тело языкового знака и ассоциированное с ним знание (значение) локально разобщены: тела знаков в виде колебаний воздуха находятся в межсубъектном пространстве, а их значения в телах коммуникантов.

Анализ и дискуссия

Как известно, значения языковых знаков в некотором кодифицированном виде фиксируются в толковых словарях. Адекватность этой фиксации определяется уровнем развития лингвистики на момент создания словаря. Словарное определение значения схватывает только общие, по мнению составителей толковых словарей, знания, известные большинству носителей языка. При конкретном употреблении лексической единицы она используется для предъявления реципиенту только в своем контекстуальном значении, которое уточнено вербальным и невербальным контекстом. В отечественной лингвистике даже существует направление лингвистического анализа, именуемое «логический анализ языка», в котором исследователи основным познавательным методом считают описание контекстуального значения слов в речевой цепи, которые (значения) они вскрывают в интроспективном анализе собственного языкового сознания [7; 8; 9].

С точки зрения современной методологии науки этот анализ можно полагать этапом пилотажного исследования, результаты которого верифицируются уже в эксперименте. Кроме того, мотивы совместной деятельности, в структуре которой общаются коммуниканты, придают определенный смысл содержанию, которое говорящий вербализовал в своем речевом сообщении, а реципиент сконструировал в ходе смыслового восприятия этого же сообщения. Для понимания смысла слова (предмета, действия, явления) в общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьев сформировал понятие личностного смысла [6, с. 111–118], при помощи которого анализируется витальное отношение коммуникантов к содержанию своих речевых действий, обычно остающееся за пределами лингвистического исследования, т.к. объектом внимания обычно являются языковые единицы, разъятые на элементы и лишённые языкового и неречевого контекста вследствие того, что анализу подвергается в большинстве случаев «остановленная» речь, зафиксированная в письменной форме.

В этом нет ничего удивительного, т.к. лингвистика до середины XX века занималась инвентаризацией и изучением языковых единиц меньше речевого высказывания. Обычно то, что с середины XX века стали называть сверхфразовым

единством и текстом, (в качестве единиц языка) вошло в объектную и предметную области лингвистики только во второй половине XX века. Именно в это время стилистика художественной речи утратила свою монополию на изучение больших массивов речевых высказываний: к их анализу подключается лингвистика текста, поддержанная усилиями специалистов, зарождавшейся корпусной лингвистики.

Введение в объектную и предметную области лингвистики крупных языковых единиц типа текста неизбежно проблематизировало исследование факторов смыслового восприятия речевых сообщений в виде необходимости анализа невербального контекста речевых высказываний, ибо крупные речевые сообщения, особенно в устной форме, вплетены в неречевые действия общающихся коммуникантов и обусловлены ими.

Проблема влияния неречевого контекста речевых высказываний на понимание их содержания – это проблема понимания речевых сообщений, при помощи которых коммуниканты управляют поведением друг друга в совместной деятельности (СД).

Речевое управление поведением партнера состоит в том, что субъект речевого высказывания (РВ) пытается сформировать у объекта РВ образы, требуемых от него действий. Естественно, что субъект РВ должен предварительно сформировать эти образы в своем сознании, затем вербализировать их в форме, умопостижимой для реципиента, и предъявить ему свою вербализацию для смыслового восприятия, надеясь, что он в результате этого восприятия сконструирует в своем сознании образы требуемых от него действий.

Очевидно, что речевое управление поведением объекта РВ произойдет только в том случае, если образы требуемых от объекта РВ действий, и, соответственно, образы, желательных для субъекта РВ действий объекта РВ обладают некоторой оптимальной идентичностью.

Проблема меры этой оптимальной идентичности обычно решается методом проб и ошибок, но основа для решения этой проблемы состоит в создании некоторой общности сознаний коммуникантов.

Как создаются предпосылки для достижения такой общности?

В самом предварительном виде такие предпосылки создаются в ходе обучения в семье, школе, в профессиональном образовании. Теория вопроса в социологии схвачена понятиями инкультурации и социализации [16] (а также понятием аккультурации, если речь идет об овладении чужой культурой).

В теории деятельности А. Н. Леонтьев создал представление об «образе мира» в котором было дано теоретическое объяснение психологического механизма формирования содержания сознания члена любого социума, которое (сознание) формируется в результате проживания личности в конкретном социуме [5, с. 11–18].

Понятие образа мира раскрывало прижизненное образование в психике человека как функционального органа, который возникает в результате воздействия на реальность и служит знаниевым каркасом для всей познавательной активности человека, позволяющим делать прогнозы еще до начала познавательной деятельности.

С. Д. Смирнов, успешно разрабатывавший гипотезу А. Н. Леонтьева об «образе мира», показал, что «образ мира» как знания, общие для всех носителей конкретной этнической культуры и языка, позволяет образовывать систему гипотез, используемых субъектами познания в каждой конкретной познавательной ситуации [13].

С. В. Маланов о роли «образа мира» в процессе познания пишет следующее: «“Образ мира” в функциональном плане предшествует актуальной сенсорной стимуляции. На основе “образа мира” осуществляется постоянное прогнозирование предметного содержания значения ситуаций, событий, а также их личностного смысла. <...> В знакомых предметных обстоятельствах главный вклад в построение конкретного образа предмета или ситуации в большей мере вносит целостный “образ

мира” субъекта и в меньшей мере – сенсорные данные, извлекаемые из ситуации» [11, с. 174].

Таким образом, научная психологическая рефлексия над процессом вхождения личности в культуру общества позволяет сделать вывод, что каждое общество обладает механизмом инкультурации и социализации, создающими общность сознаний своих членов («образ мира»), позволяющую им сотрудничать друг с другом, обеспечивая свое существование в социуме.

После того, как мы показали психологический механизм общности сознаний и функцию этой общности в познавательной активности, которая всегда интегрирована в СД в виде афферентных действий, целесообразно обратиться к собственно знаниям, образующим общность сознаний субъектов СД.

Онтологическая характеристика знаний о каком-либо объекте может быть представлена как результат множественной категоризации этого объекта 1) в процессе воздействия на него некоторого орудия и поведение его под класс предметов, обрабатываемых (изготавливаемых) конкретным орудием, 2) в ходе вербализации (обозначения) и, следовательно, помещения его в категорию объектов, маркируемых конкретным словом (слово всегда обобщает!), 3) в процессе функционирования объекта в социальных ситуациях этически квалифицируемых как «возвышенная», «нейтральная», «вульгарная», «грубая» и т.д. Онтологическая характеристика каждого предмета культуры имеет, по крайней мере, аспекты орудийной, вербальной и этнической категоризации.

В науке пользуется популярностью парадигмальная концепция знания Т. Куна, исходящая из того, что научное знание должно соответствовать определенным правилам [4].

Тезис о общности сознаний коммуникантов как обязательной предпосылке знакового общения нуждается в уточнении относительно того, о каких знаниях может идти речь. Очевидно, что общность сознаний не ограничивается так называемым точным, достоверным (доказанным) научным знанием, эта общность выходит далеко за пределы науки.

Наибольшим эвристическим потенциалом при решении проблемы объема и характера знаний, образующих общность сознаний коммуникантов, обладают понятия «образ мира» и живое знание. Понятие «образа мира» указывает на происхождение знаний – это результат воздействия членов моего этноса на мир при обитании этноса в определенном природном ландшафте и на предельные границы этого знания – это знания, добытые членами моего этноса для обеспечения его существования в границах определенного природного ландшафта. (Это утверждение не противоречит тому факту, что некоторые знания заимствованы у других этносов – это только вопрос происхождения знаний моего этноса.)

В. П. Зинченко, опираясь на работы Г. Г. Шпета и С. Л. Франка предложил интересное понимание так называемого «живого знания», которое охватывает все виды знания. В живое знание, по В. П. Зинченко, входят: 1) знание до знания (предзнаковые формы знания, мироощущение, неконцептуализируемые образы мира, бессознательные обобщения и т.п.); 2) знание как таковое (научное знание); 3) знание о знании (отрефлексированное знание); 4) незнание (отсутствие знаний о чем-то); 5) Незнание своего незнания (по А. Коменскому, источник безрассудства, дерзости, самонадеянности); 6) знание о незнании (влекущая, приглашающая сила, по А. Коменскому, начало мудрости) [3, с. 213].

Нельзя не заметить, что представления об образе мира и живом знании имеют дело только с общими характеристиками, объясняющими познавательные гипотезы, которые уточняются и верифицируются в ходе последующих афферентных действий коммуникантов. Поэтому возникает проблема определения необходимых знаний для осуществления СД и РО. Эти знания определяются общей структурой СД и РО, с одной стороны, а также спецификой осуществления конкретной СД и конкретного РО с

другой. В более широкой перспективе при сотрудничестве профессионалов они должны обладать общностью знаний о системе СД и их иерархии в конкретной профессиональной области.

Например, в вузах современной России главной СД профессора-лектора является чтение лекций и проведение семинаров, затем идут СД со студентами, называемые консультациями, далее следуют акты СД с заведующим кафедрой, коллегами по кафедре, с работниками деканата и с самим деканом, СД с ректором вуза является эпизодическим. Естественно, над всеми этими актами СД надстраивается научная деятельность ученого как члена «невидимого колледжа», ученых объединенных желанием поиска знаний, которое (желание) общество эксплуатирует во благо своих профанных членов.

Прежде чем мы обратимся к анализу общности знаний участников профессиональных СД и профессиональному образу мира, укажем истины ради, что проблема общности сознаний коммуникантов обсуждается в форме проблемы анализа отнесенности их к одной культуре [17, с. 16–29].

Если учесть, что «культура является продуктом *совместной* жизнедеятельности людей, системой *согласованных* процедур и способов их *коллективного* существования, деятельности и *взаимодействия*, обозначений и оценок, *консолидации* во имя достижения *общих* целей, *упорядоченных* правил и *социально* приемлемых технологий удовлетворения *групповых* и индивидуальных интересов и потребностей (как материальных, так и познавательных, символических, оценочных), реализуемых в формах человеческой деятельности» (курсив мой – Е. Т.) [15, с. 204], то следует признать, что рассмотрение этнической культуры как источника формирования общности сознаний представляется многообещающей эвристикой.

Усвоение культуры каждым членом социума начинается с самого раннего детства в процессе интериоризации ребенком его социальных взаимодействий со взрослым, в результате которой в сознании ребенка формируются образы культурных предметов и схем действий с этими предметами, выработанными в конкретной этнической культуре. Если вначале совместные действия в основном осуществляет взрослый, хотя главную выгоду из этого взаимодействия извлекает ребенок, то затем, став обладателем интериоризованных схем действий, он сам овладевает культурой в процессе распредмечивания культурных предметов и формирует образ мира, который создает общность сознаний с любым носителем своей этнической культуры и который позволяет строить познавательные гипотезы в любой ситуации восприятия культурных предметов своей культуры кроме ситуаций профессиональной СД, т.к. познавательная гипотеза в такой СД возможна только после приобретения соответствующей профессии и формирования профессионального образа мира.

Какими знаниями, помимо знаний, входящих в образ мира, должен обладать участник СД?

Прежде чем ответить на этот вопрос, целесообразно обратиться к работам отечественных социальных психологов, которые последние полвека интенсивно занимаются анализом психологических аспектов СД (коллективной деятельности).

В качестве исходного эпистемического шага можно опереться на мысль Б. Ф. Ломова о том, что «индивидуальная деятельность не существует сама по себе, а «вплетена» в деятельность общества» [10, с. 9]. Из этого следует прозрачный вывод, что участник профессиональной СД функционирует не просто как сотрудник в определенной СД, а как член конкретного общества, в котором разворачивается анализируемая СД. Для поддержки этого утверждения можно указать на теоретическую модель Н. Н. Обозова, отображающую факторы, обуславливающие СД в коллективе: «условия деятельности (характер задач, время СД, совместные работы, уровень взаимосвязанности членов группы; уровень проявления личностных характеристик (особенно мотивации и направленности); степень подобия или

различий участников СД по личностным характеристикам (ценности, ориентации, установки, мотивации и т.п.) [12, с. 125–139].

Модель Н. Н. Обозова эксплицирует собственно психологические факторы, которые «накладываются» на процесс конкретной профессиональной СД, что требует от участников этой СД специфических знаний о целях, действиях, операциях, орудиях, материалах, а также умения и навыки совершать действия с орудиями в рамках требуемых ограничений.

Необходимость совершать индивидуальную деятельность по заранее известным (профессиональным) правилам и координировать свои действия с партнером приводит к формированию так называемого субъекта коллективной деятельности, именуемого также совокупным субъектом.

Проблема субъекта СД при множественности конкретных исполнителей – это попытка указать на общность сознаний участников СД [1, с. 17–28; 2, с. 25–34; 14].

Если опрокинуть проблематику субъекта СД на речевую компетенцию участников СД, то легко прийти к выводу, что общность сознаний участников СД, метафорически описываемая как субъект СД, создается преимущественно вербальными средствами, обладающими способностью моделировать любые образы профессионального сознания.

Заключение

Предпосылки общности сознаний коммуникантов, необходимой для знакового общения, создаются обществом в форме предметной и деятельностной (операции = способы совершения действий) культуры, предлагаемой всем членам этноса для присвоения, что приводит к формированию образа мира, позволяющему создавать любые гипотезы при познании реальной действительности.

Каждый член этноса, вынужденный сотрудничать с членами этого этноса, чтобы выжить, формирует в СД новую общность знаний (субъект СД) уже как член производственных коллективов.

Общность сознаний членов конкретного этноса функционирует в пространстве и времени при помощи культурных предметов и этнического языка.

Список источников и литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Категория деятельности в советской психологии // *Психологический журнал*. 1980. Т. 1, № 4. С. 11–28.
2. Донцов А. И. К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // *Вопросы психологии*. 1979. № 3. С. 25–34.
3. Зинченко В. П. Знание живое // *Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. 4-е изд., расшир. М.: АСТ ; СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.*
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М.: АСТ, 2009. 310 с.
5. Леонтьев А. Н. Образ мира // *Мир психологии*. 2003. № 4. С. 11–18.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.
7. Логический анализ языка: языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 448 с.
8. Логический анализ языка: языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 448 с.
9. Логический анализ языка: числовой код в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: ЛЕНАНД, 2014. 528 с.
10. Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии // *Психологический журнал*. 1981. Т. 2, № 5. С. 4–22.

11. Маланов С. В. Системно-деятельностный культурно-исторический подход к анализу и объяснению психических явлений: объяснительные принципы и теоретические положения. М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 496 с.
12. Обозов Н. Н. Психология малых групп и коллективов // Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 121–174.
13. Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985. 231 с.
14. Совместная деятельность: методология, теория, практика / отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихурев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988. 228 с.
15. Флиер А. Я. Культура // Культурология. XX век : словарь / гл. ред., сост. А. Я. Левит ; отв. ред. Л. Т. Мильская. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 203–209.
16. Herskovitz M. J. *Man and His Works, The Science of Cultural Anthropology*. New York: Alfred A. Knopf, 1948. 678 p.
17. Tan A. *Mass Communication Theories and Research*. New York: Macmillan ; London: Collier Macmillan, 1986. 400 p.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Kategoriya deyatelnosti v sovetskoj psikhologii. [Category of activity in Soviet psychology.] *Psikhologicheskij zhurnal*. 1980. Vol. 1. Issue 4. Pp. 11–28. [In Russian].
2. Dontsov A. I. K probleme tselostnosti sub'yekta kollektivnoy deyatelnosti [To a problem of integrity of the subject of collective activity]. *Voprosy psikhologii*. 1979. Issue 3. Pp. 25–34. [In Russian].
3. Zinchenko V. P. Znaniye zhivoye [Living Knowledge]. *Bolshoy psikhologicheskij slovar* [Large Psychological Dictionary]. Comp. and total ed. B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. 4th ed. extended. Moscow: AST Publ.: AST MOSKVA Publ.; St Petersburg: Praym–YEVROZNAK Publ., 2009. 811 p. [In Russian].
4. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: 2009. 310 p. [In Russian].
5. Leontiev A. N. Obraz mira [Image of the World]. *Mir psikhologii*. Issue 4. 2003. Pp. 11–18. [In Russian].
6. Leontiev A. N. *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity, Consciousness and Personality]. Moscow: Kniga Publ., 2012. 176 p. [In Russian].
7. *Logicheskij analiz yazyka: yazyki prostranstv* [Logical Linguistic Analysis: Languages of Spaces]. Exec. Ed.: N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 448 p. [In Russian].
8. *Logicheskij analiz yazyka: yazyki etiki* [Language logical analysis: Ethics Languages]. Exec. Ed N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 448 p. [In Russian].
9. *Logicheskij analiz yazyka: chislovoyy kod v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical Linguistic Analysis: Numerical Code in Various Languages and Cultures]. Exec. Ed N. D. Arutyunova. Moscow: LENAND Publ., 2014. 528 p. [In Russian].
10. Lomov B. F. K probleme deyatelnosti v psikhologii [On the Activity Problem in Psychology]. *Psikhologicheskij zhurnal*. Vol. 2. Issue 5. 1981. Pp. 4–22. [In Russian].
11. Malanov S. V. [System-activity cultural-historical approach to the analysis and explanation of mental phenomena: explanatory principles and theoretical provisions]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta Publ.; Voronezh: MODEK Publ., 2010. 496 p. [In Russian].

12. Obozov N. N. *Psikhologiya malykh grupp i kollektivov* [Psychology of small groups and collectives]. *Sotsial'naya psikhologiya: Istoriya. Teoriya. Empiricheskiye issledovaniya* [Social Psychology. History. Theory. Empiric Studies]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU Publ., 1979. Pp. 121–174. [In Russian].
13. Smirnov S. D. *Psikhologiya obraza: problema aktivnosti psikhicheskogo otrazheniya* [Psychology of image: The problem of active psychic reflections]. Moscow: MGU Publ., 1985. 231 p. [In Russian].
14. *Sovmestnaya deyatelnost': metodologiya, teoriya, praktika* [Common Activity: Methodology. Theory. Practice]. Exec. Ed. A. L. Zhuravlev, P. N. Shikhirev, E. V. Shorokhova. Moscow: Nauka Publ., 1988. 228 p. [In Russian].
15. Flier A. Ya. *Kul'tura* [Culture]. *Kul'turologiya. XX vek : slovar'* [The Dictionary of 20th Century Culture]. Exec. Ed. L. T. Mil'skaya. St Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1997. 640 p. [In Russian].
16. Herskovitz M. J. *Man and His Works: The Science of Cultural Anthropology*. New York: Alfred A. Knopf, 1948. 678 p.
17. Tan A. *Mass Communicaton Theories and Research*. New York: Macmillan ; London: Collier Macmillan, 1986. 400 p.

Сведения об авторе

Тарасов Евгений Федорович –
доктор филологических наук, профессор,
заведующий Отделом психолингвистики
Института языкознания
Российской академии наук
(e-mail: eft35@mail.ru).

Information about the Author

Tarasov Evgeny Fedorovich,
Doctor of Philology, Professor,
Head of Psycholinguistics of the
Department of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences
(e-mail: eft35@mail.ru).

СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА И ВЕРБАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА

Н. Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Констатируется отрицательная динамика в сфере русскоязычной коммуникации, соотносимая с социальными изменениями в обществе. Эта проблема рассматривается в статье с позиций социально-функциональной стратификации языка, учитывающей принадлежность участников коммуникации к различным социальным группам, в том числе и к малым, что позволяет проанализировать их социолингвистические характеристики. Это важно, поскольку малые социальные группы играют все более заметную роль в русскоязычной культуре, формируя собственные субкультуры и языковую моду. При этом ориентиром становится культура низших социальных групп, что обуславливает негативную направленность вербальной динамики.

Перспектива на качественное улучшение вербальной динамики связывается с формированием нового типа российского предпринимателя – предпринимателя-интеллектуала.

Ключевые слова: социально-функциональная стратификация языка, вербальная динамика, малые социальные группы, субкультура, лингвокультурное сообщество, языковая ситуация, дискурс, жаргонизмы.

SOCIO-FUNCTIONAL STRATIFICATION OF LANGUAGE AND VERBAL DYNAMICS OF LANGUAGE COMMUNITY

N. N. Troshina

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. There is stating the negative dynamics in the sphere of Russian-speaking communication, which is correlated with socio-political changes in the society. This problem is considered in the article from the positions of socio-functional stratification of the language, which takes into account the affiliation of communication participants to different social groups, including the small ones. It allows to analyze their sociolinguistic characteristics. It is important since small social groups play a more and more prominent role in the Russian language culture, forming their own subcultures and language fashion. At the same time the culture of the lowest social groups becomes a guideline, which stipulates the negative tendency of verbal dynamics.

The prospect of qualitative improvement of verbal dynamics is connected with the formation of a new type of the Russian entrepreneur – an entrepreneur-intellectual.

Keywords: socio-functional stratification of the language, verbal dynamics, small social groups, subculture, language community, linguistic situation, discourse, jargonism.

Неблагополучие в сфере вербального общения ощущается и отмечается многими членами русскоязычного сообщества и соотносится с социальными изменениями в обществе [13]: все более допустимыми и даже популярными

считаются сниженные стилевые регистры общения, в связи с чем усиливается тенденция к «снижению коммуникативной компетенции граждан – владению ими необходимыми речевыми ресурсами (от языковых единиц до речевых жанров» [3, с. 111–112]. Исследуя проблему такой вербальной динамики, лингвисты обращаются к понятию социально-функциональной стратификации языка, которая выстраивается, прежде всего, на основе учета принадлежности участников коммуникации к малым социальным группам, члены которых «объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе ..., так и особых групповых ценностей, и норм поведения» [14, с. 433]. Роль малых социальных групп в коммуникативном пространстве российского лингвокультурного сообщества в настоящее время существенно выросла. Сегодня их и, соответственно, их субкультуры образуют люди определенных профессий (например, юристы, врачи, специалисты в области компьютерных технологий и т. д.), интересов (спортивные фанаты, фанаты различных музыкальных групп), люди, принадлежащие к различным национальным и сексуальным меньшинствам, а также асоциальные элементы.

Для выявления вербальной динамики лингвокультурного сообщества очень важна динамика в соотношении роли этих субкультур и, прежде всего, само понятие субкультуры. Его дает Л. Г. Ионин, посвятивший этому феномену специальное исследование под названием «Парад меньшинств»: «Субкультуры, в самом широком смысле, – это группы, имеющие специфические ценности, модели поведения, вещный мир, язык, которые отличают их от других индивидов и групп в составе общей, или объемлющей культуры» [2, с. 39]. Отметим, что в этом определении указывается на роль языка в формировании имиджа субкультуры, выражении статусных и ролевых характеристик носителей конкретных субкультур в процессе функционирования языка, т.е. в речевых практиках его использования.

Комплексный учет социальных, социокультурных и прагмалингвистических факторов использования языка является основой социально-функциональной стратификации языка и позволяет выявить динамику языковых практик.

Субкультуры существуют даже в пределах общей для них сферы общения, например, в Интернете. Очень интересный материал на эту тему представлен в «Словаре языка Интернета.ru», вышедшего в серии «Словари для интеллектуальных гурманов» под редакцией М. А. Кронгауза [9]. В этом словаре предпринимается попытка профессионально (с лингвистическими комментариями) зафиксировать слова и выражения русского языка, ставшие актуальными для интернет-коммуникации за последние (примерно) 25 лет. Представлены субкультуры, языковая активность которых оказалась важна для сетевого русского языка в целом, поскольку их лексика становится широкоупотребительной, например: британские ученые в значении «научное сообщество, занимающееся абсурдными и бесполезными исследованиями» [9, с. 23], хомячок в значении «человек, которым легко манипулировать в Интернете, фанатичный бездумный поклонник идеи или известной личности» [9, с. 159].

Наиболее известны субкультуры падонков и геймеров, но есть и менее известные, хотя и очень агрессивные, например, граммар-наци, т. е. воинствующие пуристы русского языка. Эта субкультура существует с социальной сети «ВКонтакте». Их активная деятельность в Интернете заставляет говорить о другом аспекте вербальной динамики русского лингвокультурного сообщества – о динамике вербальной (языковой) рефлексии, т. е. о динамике осознанного отношения к своим и чужим высказываниям в плане их соответствия грамматическим, коммуникативным и этическим нормам данной лингвокультуры, причем на первый план выходит именно этический аспект этой динамики.

Выражение граммар-наци пришло из Англии в начале 1990-х годов как неполиткорректное и обозначало людей, «которые, пренебрегая интересами

коммуникации, обсуждают не заявленную тему, а ошибки в письменной речи собеседника. Для них характерно, прежде всего, желание исправлять речь собеседника, а не разговаривать с ним» [5]. Обращает на себя внимание, что слово наци было лишено пейоративной окраски и употреблялось в значении «воинствующий», например: *feminazi* «воинствующий феминист», *Wikipedia nazi* «воинствующий сторонник Википедии», *health nazi* «воинствующий сторонник здорового образа жизни» [9, с. 248]. Однако нацистский дух этой субкультуры ощущается в их символе: латинская буква G, стилизованная под нацистскую свастику на флаге Третьего рейха. Заявленная граммар-наци благородная цель – защита русского языка – реализуется ими в ресурсах Интернета агрессивными способами с использованием стратегий хейтерства, т. е. формы межличностной ненависти (от англ. *to hate* «ненавидеть») – клеветы, издевательств, провокаций, вербальных оскорблений. Дело доходит до так называемого лингвистического троллинга, т.е. «размещения сообщений, призванных разжечь конфликт между пользователями на форумах, чатах, в комментариях в записях в блогах» [10]. Они так энергично борются с грамматическими ошибками, что нередко прибегают к угрозам расправы с неграмотными авторами.

В 2013 году в Интернете появилась так называемая «Тайная орфографическая полиция», т. е. волонтерское движение, которое занимается исправлением ошибок в публичной речи, – на плакатах, вывесках, в объявлениях, баннерах – и сообщают об этом в государственные органы. Таким образом данная субкультура реагирует на действительно существующую отрицательную вербальную динамику в русском лингвокультурном сообществе: «За несколько месяцев своего существования "полиция" собрала 269 ошибок, более половины уже исправлены. Большая часть орфографических ошибок - слитное и раздельное написание *не* и *же*. Синтаксических – отсутствие запятых при выделении причастных и деепричастных оборотов, неправильная пунктуация в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях. Но встречаются и нетривиальные примеры: БизнесС ланч; Абрикос, протертАЯ с сахаром, Разовые пропуска сдаются контрАлеру» [6].

Стилевые особенности малой социальной группы (меньшинства), личностные качества ее членов неизбежно проявляются в их речевом поведении, влияя на процессы, протекающие в культуре, причем роль таких групп в коммуникативной структуре общества усиливается: сегодня именно они формируют языковую моду. Важно иметь в виду, что источником смены любой моды, в том числе и языковой, являются изменения в статусной иерархии общества и, соответственно, в коммуникативной структуре лингвокультурного сообщества. Изменения в этом отношении отражают вербальную динамику его развития и изменения языковой ситуации в целом, т. е. «той общественной ситуации, в которой находится язык в определенной стране или на определенной территории в течение определенного хронологического периода при определенных политических, социальных, экономических и, особенно, культурных условиях» [15, с. 19].

Динамика современных социокультурных процессов делает границы между малыми социальными группами проницаемыми как никогда прежде, а турбулентность этих процессов способствует тому, что формирование языковой моды (как и моды вообще) [12] основывается сегодня на «перевернутом иерархическом принципе: Если раньше 'производителем' модных стандартов была социальная элита, которая воспитывала 'потребителя' (другие классы), будучи для них неким социокультурным стилевым эталоном, то сегодня ориентиром в моде могут становиться и часто становятся элементы культуры 'низших классов' [2, с. 38]. В такой ситуации следует говорить о признаках изменения культурной парадигмы общества, т.е. о трансформации «набора паролей эпохи, ключевых слов, общего типа семиотических отношений» [1, с. 11–12]. Языковая мода низших субкультур формирует их языковую компетенцию, а языковой стиль – их дискурсивную

компетенцию. Оба эти вида компетенции, предполагающие владение сниженными стилевыми регистрами (в частности, жаргонизмами) и публичное их использование часто маркируют сегодня высокий социальный статус говорящего и целых социальных групп. В качестве примера М. А. Кронгауз приводит «карьерный взлет» слова беспредел в выражении террористический беспредел, которое проникло в официальную речь и уже используется даже в заявлении МИД РФ, по поводу чего М. А. Кронгауз замечает: «Поразительно, как легко слово беспредел преодолело лагерные границы (ведь изначально это слово описывало особую ситуацию в лагере, когда нарушаются неписанные лагерные правила) и вошло в официальный язык» [4, с. 20]. Такие изменения в векторе формирования языковой моды и речевых практик свидетельствуют о явно отрицательной тенденции в вербальной динамике общества. Налицо маргинализация отдельных социальных групп и криминализация массового сознания, что проявляется в распространившемся восхищении жаргоном, во все более частом использовании жаргонизмов в публичной речи. Этот процесс проходит несколько этапов и, наконец, завершается включением жаргонной лексики в словари современного языка без каких-либо ограничительных помет.

Это нарушает «лингвоэкологический баланс сегодняшнего дня» [7, с. 47; цит. по: 8, с. 96]. А. П. Сковородников прослеживает путь вхождения жаргонизмов в литературный русский язык, отмечая изменения оценки этой лексики лингвистами, занимающимися проблемами культуры речи и лингвоэкологии. Выделенные этапы соответствуют этапам появления и становления моды на жаргонизмы:

«1) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах, но еще не зафиксированные лингвистическими словарями;

2) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и включенные в словари жаргонов, но не зафиксированные толковыми словарями современного русского языка;

3) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные не только в словарях жаргонов, но и в толковых словарях современного русского языка с пометой жарг.;

4) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные словарями жаргонов и словарями современного русского языка с пометами жрр., разг.-сниж. и разг.;

5) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные как в словарях жаргонов, так и хотя бы в одном из толковых словарей современного русского языка без ограничительных помет» [8, с. 101].

Эти «новации» в коммуникативных практиках, сопровождающиеся «преобладанием эмоционального компонента над рациональным в вербальных реакциях» [3, с. 108], характеризуют недостаточное развитие дискурсивной компетенции членов лингвокультурного сообщества и приводят, в конечном счете, к девербализации членов этого сообщества.

Существует ли для русского лингвокультурного сообщества перспектива положительной вербальной динамики?

Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к проблеме составляющих культурной парадигмы общества как «культурного кода, определяющего мировосприятие, мышление и поведение людей, ведущего способа бытия, языка и материального мира» [1, с. 10–11]. Выделяются следующие структурные элементы культурной парадигмы:

«1. Субъект — творец и носитель культурной парадигмы. Это конкретные люди, объединенные общей социокультурной эпохой, одним временем, в котором они живут и осуществляют свою культуротворческую деятельность.

2. Общность жизни, судьбы, культурно-исторической миссии данного субъекта, которые находят свое выражение в ведущем типе отношений при решении общих смысложизненных задач.

3. Наличие общей социокультурной эмоции, общего жизненного настроения.

4. Самосознание субъекта культурной парадигмы, связанное с обретением самоидентичности, истинных смыслов своего социокультурного бытия.

5. Особая ценностная иерархия, система значимостей базовых ценностей для решения жизненных задач субъекта культурной парадигмы.

6. "Духовные лидеры" эпохи, так называемые великие люди своего времени, процесс самоидентификации которых изоморфен такому процессу в отношении всей эпохи. Это люди, которые дают эпохе возможность осознания себя, дают слова для самоназвания эпохи, формулируют и декларируют те смысложизненные задачи, способы решения которых являются стержнем культурной парадигмы.

7. Культурный герой эпохи — не столько реальный живой человек, именуемый собой эпоху, сколько образ-идеал, выступающий для эпохи образцом стиля жизни.

8. Единый, общий для всей эпохи символический ряд – набор "паролей" эпохи, набор ключевых слов и вещей, общий тип семиотических отношений.

9. Парадигмальные (прецедентные, или репрезентативные) тексты, выступающие ведущим мифом эпохи» [1, с. 11–12].

Для темы настоящей статьи особенно интересна составляющая «культурный герой эпохи». Кто же сегодня является таким героем? Поскольку к важнейшим задачам современной России относится развитие предпринимательства, то «культурного героя эпохи» следует искать среди наших предпринимателей. В этом отношении очень интересное исследование «От Чичикова до Ходорковского: Предприниматели в дискурсе русской литературы и российских масс-медиа» провела Марина Смышляева [16]. В этом исследовании уточняется понятие культуры применительно к обществу переходного периода: культура понимается «не как стабильная, неизменная величина, а как ресурс живых ценностей и установок, которые не только находят выражение на уровне семиозиса, но и формулируются и легитимируются в нем» [16, с. 13]. В современных социокультурных и коммуникативных условиях установки формируются, прежде всего, в медиальном дискурсе, «соединяются с литературным и историческим дискурсами; литература как самостоятельный дискурс в его синхронном и диахронном аспектах была встроена в публицистический дискурс» [16, с. 32].

Исследование М. Смышляевой выявило, что концепт ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ эволюционировал в положительную сторону по сравнению с однозначно негативно коннотированным концептом, выстроенным в дискурсе русской классической литературы: сегодня в этот концепт входят не только отрицательные, но и положительные стилистические параметры. Как следует из дискурсивного анализа, выполненного М. Смышляевой, в России постепенно начинает по-новому восприниматься значение и функция предпринимательства. В этой связи происходит частичный пересмотр традиционных негативных представлений о предпринимателях: их образ постепенно улучшается. Эти изменения происходят в связи с перестройкой в иерархии дискурсов, т.е. с выдвиганием на первые позиции медийных жанров и публицистики как института, имеющего наибольшее влияние на формирование общественного мнения.

Наряду с такими типами предпринимателей, как «олигарх» «авантюрист», «уголовник», формируется тип предпринимателя-интеллектуала. Его образ как представителя российского среднего класса противопоставлен образам других российских предпринимателей, потому что предприниматель-интеллектуал является носителем того морального кодекса, тех ценностей и того стиля вербального общения, которые были свойственны русской интеллигенции. Именно так он выглядит в дискурсе современной русской литературы и в российских массмедиа. Нередко эти люди кажутся странными, «не от мира сего», так что не случайно М. Смышляева называет в качестве их литературных прототипов грибоедовского Чацкого и

булгаковского Мастера. Именно с этим типом предпринимателя связываются в исследуемых дискурсах надежды на успешное будущее России.

Образ такого предпринимателя-интеллектуала со всей очевидностью воплотился в фигуре создателя мессенджера Telegram Павла Дурова, в поддержку которого выступили прогрессивные круги российской интеллигенции и бизнеса, и позиция которого позволяет ожидать положительной динамики не только в области бизнеса, но и всего российского лингвокультурного сообщества.

Список источников и литературы

1. Бакач Н. Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: Автореф. дис. канд. ... филос. наук. Волгоград, 1998. 21 с.
2. Ионин Л. Г. Парад меньшинств. М.: Гнозис, 2014. 176 с.
3. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград, 2010. 421 с.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – 2-е изд., 2009.
5. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М., 2013. 416 с. URL: http://wiki-org.ru/wiki/%D0%93%D1%80%D0%BC%D0%BC%D0%BD%D0%BD%D1%86%D0%B8#.Do.98.D1.81.D1.82.Do.BE.D1.80.Do.B8.D1.8F_.D1.82.Do.B5.D1.80.Do.BC.Do.B8.Do.BD.Do.Bo (Reference date: 10.10.2018).
6. Ростовский Г. Тайная орфографическая полиция // Российская газета. М., 19.04.2014. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%93.%20%D1%82%D0%BD%D0%B9%D0%BD%D0%D1%8F%20%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F&path=wizard&noreask=1> (Дата обращения: 12.09.2018).
7. Савельева Л. В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск, 1997. 144 с.
8. Сковородников А. П. Экология русского языка. – Красноярск, 2016. 385 с.
9. Словарь языка Интернета.ru / Под ред. Кронгауза М.А. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с. (Словари для интеллектуальных гурманов).
10. Станкевич В. Что такое троллинг? стереотип. М., 2009. 232 с.
11. Трошина Н. Н. Культура языка и языковая рефлексия. М., 2010. 61 с.
12. Трошина Н. Н. Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества // Язык и мода. М., 2017. С. 5–27.
13. Трошина Н. Н. Языковая культура как предмет общественного интереса // язык и культура: Сб. обзоров. М., 1999. С. 88–109.
14. Язык и общество: Энциклопедия. / Гл. Ред. Михальченко В. Ю. М., 2016. 872 с.
15. Scharnhorst J. Sprachsituation und Sprachkultur als Forschungsgegenstand // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: Aktuelle Sprachprobleme in Europa. Mit Geleitwort von E. Ising. Frankfurt a. M.: Lang, 1995. S. 13–34.
16. Smyshliaeva M. Von Čičikov bis Chodorkovskij: Unternehmer im Literaturund Mediendiskurs Russlands. Berlin: Frank & Timme, 2013. 296 S.

References

1. Bakach N. V. *Kul'turnaya paradigma kak obyekt social'no-filosofskogo analiza: Avtoref. dis. kand. ...filos. nauk* [Cultural paradigm as an object of socio-philosophical analysis]: Author's abstract of the PhD dissertation. Volgograd, 2010. 21 p. [In Russian].
2. Ionin L. G. *Parad men'shinstvu* [Minorities' parade]. M: Gnozis, 2014. 176 p. [In Russian].

3. Karasik V. I. *Jazykovaya kristallizaciya smysla* [Language crystallization of sense]. Volgograd: Paradigma, 2010. 421 p. [In Russian].
4. Krongauz M. A. *Russkiy jazyk na grani nervnogo sryva*. [Russian on the verge of the nervous breakdown] 2nd. ed., stereot. M: Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 232 p. [In Russian].
5. Krongauz M. A. *Samouchitel' Olbanskogo* [Self-teacher in Olbansky]. Moscow, 2013. 416 p. [In Russian].
URL:http://wikiorg.ru/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8#.Do.98.D1.81.D1.82.Do.BE.D1.80.Do.B8.D1.8F_.D1.82.Do.B5.D1.80.Do.BC.Do.B8.Do.BD.Do.Bo (Reference date: 10.10.2018)
6. Rostovsky G. *Taynaya orfograficheskaya policiya* [Secret orthographic policy]. In: Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]. Moscow, 19.04.2014. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%93.%20%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F&path=wizard&noreask=1> (Reference date: 12.09.2018)/ [In Russian].
7. Savel'yeva L. V. *Jazykovaya ekologiya v kul'turno-istoricheskom osveshchenii* [Language ecology: Russian word in cultural-historical context]. Petrozavodsk: Kar. gos. ped. un-t, 1997. 144 p. [In Russian].
8. Skovorodnikov A. P. *Ekologiya russkogo jazyka*. [Ecology of Russian language]. Krasnoyarsk: Sib. fed. un-t, 2016. 385 p. [In Russian].
9. *Slovar' yazyka Interneta.ru* [The dictionary of the Internet.ru language]. Ed. by Maksim, A. Krongauz. M.; AST-PRESS KNIGA, 2016. 288. p. Stankhevich, V. *Chto takoye trolling?* [What is trolling?]. Mode of access: <http://old.kv.by/index2008461104.htm> [In Russian].
10. Stankevich V. *Chto takoye trolling? Stereotip* [What is trolling? stereotype]. M., 2009. 232 p. [In Russian].
11. Troshina N. N. *Kul'tura jazyka i jazykovaya refleksiya: Analit. Obzor* [Language culture and language reflection: Scientific reference]. M: 2010. 61 p. [In Russian].
12. Troshina N. N. *Moda i kommunikativnyye praktiki linvokul'turnogo soobshchestva* [Fashion and communicative practices of language community]. In: *Yazyk i moda: Sb. statej*. M.: INION RAN, 2017. Pp. 5–27. [In Russian].
13. Troshina N. N. *Jazykovaya kul'tura kak predmet obschestvennogo interesa* [Language culture as a subject matter of public interest]. In: *Jazyk i kul'tura: Sb. obzorov*. M.: INION RAN, 1999. Pp. 88–109. [In Russian].
14. *Yazyk I obschestvo: Enciklopediya* [Language and society: Encyklopedia]. Ed. by Mihalchenko V. Yu. Moscow: 2010. 872 p. [In Russian].
15. Scharnhorst J. *Sprachsituation und Sprachkultur als Forschungsgegenstand // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: Aktuelle Sprachprobleme in Europa. Mit Geleitwort von E. Ising*. Frankfurt a. M.: Lang, 1995. S. 13–34.
16. Smyshliaeva M. *Von Čičikov bis Chodorkovskij: Unternehmer im Literatur- und Mediendiskurs Russlands*. Berlin: Frank & Timme, 2013. 296 S.

Сведения об авторе

Трошина Наталья Николаевна –
ведущий научный сотрудник
отдела языкознания Института научной
информации по общественным наукам
Российской академии наук
(e-mail: troshinat@mail.ru).

Information about the Author

Troshina Natalia Nikolaevna,
Leading researcher of the Institute of
Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(e-mail: troshinat@mail.ru).